

АНАТОЛИЙ МОШКОВСКИЙ
НА ОДНОМ ДВОЕ
ВЕЛОСИПЕДЕ

АНАТОЛИЙ МОШКОВСКИЙ

ДВОЕ НА ОДНОМ ВЕЛОСИПЕДЕ.

или повесть
о Саньке Горохове,
с которым не страшно
спуститься
даже в кратер
огнедышащего
вулкана

МОСКВА

"ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА" 1979

P2
M87

Художник Г. В а л ь к

Мошковский А. И.

M87 Двое на одном велосипеде: Повесть / Рис.
Г. Валька.— М.: Дет. лит., 1979.— 159 с., ил.

В пер.: 50 к.

Повесть о дружбе маленького мальчика с пятиклассником, о рождении самостоятельности, о приобщении ребят к большим делам взрослых.

М $\frac{70802-322}{M101(03)79}$ 181—79

P2

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1979 г.

Чистка - Joker2156

Глава I

ПОЛОСАТЫЙ МУЧЕНИК

Мог ли Вася подумать, что его жизнь так круто изменится с отъездом Андрюшки?..

Пассажиры штурмом брали у автостанции большой синий автобус, и Васин папа помогал влезть в него Петру Петровичу — Андрюшкиному отцу: подталкивал на ступеньку, подавал чемоданы. Васина мама стояла возле автобуса и печально улыбалась уезжавшим. А Вася тем временем сквозь шум и гам перекрикивался с Андрюшкой через толстое, пыльное, в грязных разводах окно.

— Пиши! — Андрюшка пальцем нарисовал на стекле огромный вопросительный знак: расслышал ли его Вася?

— Понял! А ты — мне. И приезжай к нам!

— Идёт! Пока!..— Андрюшка насупил выгоревшие брови, и узкое, худенькое лицо его дёрнулось и сморщилось на мгновение.

Автобус сердито фыркнул, рванулся вперёд, и камешки из-под его широких задних колёс ударили Васю по ногам. В лицо с силой пахнул жаркий и вонючий дымок из выхлопной трубы. Из окна высунулась и замахала тонкая, забинтованная ниже локтя Андрюшкина рука, чем-то очень похожая на крыло чайки...

И здесь вот Васино сердце не выдержало — больно ёкнуло и рванулось вслед за автобусом. И отчаянно заколотилось. Вася с папой и мамой замахали в ответ, глядя, как автобус медленно свернул на прямую, раскалённую солнцем автостраду и без раздумья, с рёвом и бешеной, всё возрастающей скоростью помчался к Феодосии, где Андрюшку с отцом, наверно, уже поджидал московский поезд...

Вася поплёлся за родителями по июльскому зною назад, в густой зелёный парк, где среди пахучих южных цветов, зарослей тамариска, среди шелковиц и кипарисов прятались корпуса дома отдыха, где за металлической решёткой ограды синело Чёрное море и с праздничной музыкой ходили белые теплоходы с курортниками, где громадной зубчатой вулканической глыбой темнел древний Кара-Даг, где, в общем-то, Васе было совсем неплохо.

Было. Вот именно — было. Ещё сегодня утром.

Вася шёл и оглядывался.

Скоро автобус исчез. И сразу же с материка подул ветер. Будто получил чей-то приказ. Был этот ветер сильный, порывистый, какой-то оголтелый.

Ага, совершенно ясно, почему он подул. Потому что уехал Андрюшка!

Ведь папа не раз говорил, что природа не терпит пустот и сразу же чем-то заполняет их. Так вот ветер и рванулся и устремился сейчас в эту неожиданную пустоту, образовавшуюся после отъезда Андрюшки. Вася знал со слов старожил, что этот ветер, дующий с материка, — плохой ветер. Он безжалостно отгоняет от берега тёплую воду, и на смену ей приходит ледяная вода, в приморском посёлке сразу

становится неудобно, и на зубах отвратительно поскрипывает песок и пыль. Как вот сейчас.

И на душе у Васи было пусто, и он ничем не мог заполнить эту пустоту.

К утру вода в море и правда стала холоднющая — пятнадцать градусов. И всё-таки мама полезла в неё, несколько раз взвизгнула для приличия и немножко поплавала. Менее решительные курортники с удивлением и завистью смотрели на неё с пляжа. Когда мама вылезла, тело её было обмётано мелкими пупырышками, но губы не переставали улыбаться. Она вообще здесь стала чаще улыбаться, стала мягче, ровней, красивей. Наверно, потому, что её накопившаяся за год усталость проходила.

Папа, тоже измотанный нервной работой, потихоньку поправлялся и почти не глотал здесь никаких лекарств — зелёных и жёлтых шариков от повышенного давления. Дочерна загорелый, в белой резиновой шапочке и плавках, он сидел на гальке, поглядывал сквозь очки на безлюдное море и набирался храбрости. Потом вдруг встал и тоже кинулся в воду.

Ну это только для того, чтобы мама не слишком задавалась. Родители хоть и давно взрослые, а иногда бывают смешней малых ребят.

Папа нырнул, тут же выскочил, поплыл к берегу и по-манил рукой сына:

— Васька, давай сюда! Обжигает! Хорошо!

Вася отвернулся от моря.

Купаться не хотелось. Он даже матраца для плавания не захватил на этот раз. Море наскучило ему. Море, в котором ещё вчера утром они с Андрюшкой бесстрашно ныряли за крабиками, хватали их за панцирь, как полоумные орали от радости и счастья и, стремительно работая руками, плавали на туго надутом цветастом матраце к дальнему бую.

Вася не боялся холодной воды. Он не любил плавать просто так. Были бы в море игра, занятие, цель и был бы кто-нибудь рядом. Ну, не папа с мамой. Они всегда с ним. Они в этом смысле не в счёт. Был бы кто-нибудь другой...

Вася неподвижно сидел на гальке в шортах и синей

полосатой тельняшке. Худые руки и ноги его были в царапинах, ссадинах, ожогах, в пятнах йода и зеленки: с Андриюшкой было весело и некогда было остерегаться ссадин и ушибов.

Завтракал Вася как неживой, вяло ковыряя вилкой пюре, кое-как жевал и проглатывал. Как это неинтересно и скучно — есть. Зато Вася очень любил — и здесь его не надо было уговаривать — бегать, прыгать, играть в войну, рисовать и что-нибудь строить... И так весь день, с утра до вечера, и даже немножко ночью — во сне. И ещё он ужасно любил дружить. Чтобы кто-то обязательно был рядом. Чтобы делиться с ним всеми тайнами, пулькой в тире, туго надутым матрацем на высокой волне и половинкой печенья в походе...

В этот день папа буквально тащил его за руку на обед.

Садясь за стол и кривя нос от наплывающих из кухни запахов, Вася спросил:

— А когда мы поедем домой?

— Когда кончится срок, — ответила мама, намазывая маслом хлеб, — она проголодалась, храбро плавая в холодной воде. — Неужели тебя уже тянет домой? Когда ещё приедем на море!..

— Тянет, — сказал Вася. — Мне уже надоело здесь.

— Ой-ёй-ёй! — Мама в деланном испуге схватилась за виски. — И давно это?

— Со вчерашнего дня, — ответил папа. — Верно, Вася?

Вася молчал.

— Тебе бы ещё подружиться с кем-нибудь, сынок, — папа вздохнул, — по-моему, Ира тоже скучает и посматривает на тебя, а ты будто не замечаешь её. Нельзя так. Одноклассница ведь. Да и кроме неё здесь много хороших ребят...

Вася пожал плечами, и не столько потому, что сомневался в этом, сколько оттого, что давно знал: чем больше народу вокруг, тем трудней кого-то отыскать и выделить. Да и вообще друзья не валяются под ногами, как галька на пляже. Они как редкие камешки. Мама который уж год ищет здесь прозрачные халцедоны, агаты, сердолики с красивым рисунком... А много она нашла их?

— Станный ты всё-таки мальчик, — с укором сказала

мама,— другие рвутся сюда, чтобы отдохнуть, загореть, купаться, а ты уже хочешь обратно...

А через день, перед обедом, папа принёс ему письмо с крупными, старательно выведенными буквами на конверте. Вася тут же оторвал кромку конверта и вытащил письмо на целых двух листах в клеточку, подписанное: «Пётр Крылышкин». Это был его товарищ по маленькому садовому посёлку под Москвой, где всё лето жил и он, Вася.

В письме было написано: «Здравствуй, Вася! Получил твоё письмо. Очень завидую тебе. Я ни разу ещё не видел гор, моря, дельфинов и пальм. У нас всё обычно. Санька Горохов вчера поймал на Бычьем пруду пятьдесят восемь бычков и одного карася. Он спрашивал, как ты там? Ну это ещё до всего, что у нас случилось...» Вася перечитал всё, что касалось Саньки... Значит, не забыл его, Васю, вспоминает и, может быть, даже ждёт... «Недавно Санька с Серёгой и Борисом нашли на обочине бетонки скат от большого самосвала, выбили из него камеру. И знаешь, что получилось? Получился отличный резиновый корабль! Санька тут же сделал вёсла и сшил парус из старой простыни, ну, не сам сшил — Марина помогла. Он грозитя ещё пристроить к камере моторчик... Короче говоря, сделался Горохов резиновым адмиралом и немножко дерёт нос...» Не похоже это на Саньку! «Студенты ССО уже наполовину построили в Рябинках свинарник, шум и грохот от них...» Что это за «ССО»? Надо будет выяснить... «А ещё вот что: на днях Эдинька сказал ребятам (тихонько, чтобы я не слышал и не передал тебе, но я всё слышал), что ты тогда пошёл не через стадо, а в обход, потому что струсил, побоялся, что тебя забодают... Врёт ведь?» Васиные пальцы, державшие письмо, вздрогнули от возмущения: лгун! Какой лгун! А папа с мамой души в нём не чают и чуть не каждый день специально ахают и охают при Васе: «Начитанный, воспитанный, умный!..», хотят, чтобы Вася дружил с ним... «А вообще мне ужасно не везёт в жизни — сплошные неприятности! — и я не знаю, как дальше быть... Да ладно, при встрече расскажу... Вась, привези мне, пожалуйста, если можно, какой-нибудь красивый камешек с Чёрного моря...

Да, ещё про Бориса: он твёрдо пообещал поколотить меня, а я совсем не виноват, хотя и сказал своему папе о его геройствах. Привет!!! Пётр Крылышкин».

У Васи даже дыхание перехватило от такого письма.

— Что пишет Петя? — Мама внимательно посмотрела на Васю.

— Ничего особенного, — ответил Вася, и сразу тоска по Андрюшке стала потихоньку gloхнуть, тускнеть, отодвигаться.

На Васю наплывало нечто другое — лицо Саньки Горохова, большое, губастое, с хитро прищуренными глазами.

Он был на четыре года старше Васи. Так вот с ним бы, с Санькой, Вася без страха спустился бы на верёвке хоть в остатки кратера этого Кара-Дага, схватил бы за панцирь уже не крабика, а громадного, как танк, клешнястого краба, которого недавно видел на подводной скале, и даже, пожалуй, съел бы полную тарелку супа! Если бы Санька велел.

Но Санька сейчас далеко, и никакой он не друг его, а так... Ну, скучно бывает, зовёт его, Васю, поиграть, и всё...

Вася машинально жевал пустой чёрный хлеб.

— Значит, ничего особенного Петя не написал? — спросил папа.

Васе очень не хотелось, но пришлось протянуть папе письмо.

— А что это такое — ССО?

— Студенческий строительный отряд. — Папа быстро прочитал письмо, и лицо его стало очень серьёзным. — Вон какая у вас там жизнь! Сознайся, а Петя не любит присочинить?

Для Васи не было секретом, что папа с мамой не очень поощряли его дружбу с Крылышкиным, потому что, по их мнению, Вася, обидчивый, не очень волевой и до сих пор не слишком пристрастившийся к чтению, нуждался в более твёрдых, энергичных и начитанных товарищах.

Родители помолчали немного и принялись за еду. Потом мама негромко, будто между прочим, спросила у папы, был ли он наконец у директора дома отдыха и удалось ли, как было им обещано, продлить путёвку на неделю. Папа с беспокойством посмотрел на Васю и ответил, что можно продлить только на три дня.

И тогда Вася твёрдо сказал:

— Продлевайте хоть на месяц, а я не останусь здесь!

— Подумай и о нас, Васька,— проговорил папа,— мы ведь за год зверски устали... Смотрю я вот на тебя в этой тельняшке и вижу: ты в ней похож не на моряка, а знаешь, на кого? Не догадаешься. На каторжника. Когда-то они ходили в полосатой одежде, чтобы лучше были видны страже. Помнишь фильм «Отверженные»? Эх, Вася-Васька, не отдыхающий ты, не малолетний курортник, а полосатый мученик!

Мама засмеялась, а потом почему-то смахнула рукой слезу.

— Пусть другие отдыхают, а я не хочу! И не могу я!

— Какие нынче пошли ребята нетерпеливые,— сказал папа.— И ни с кем не хотят считаться...

Вася не знал, хорошо это или плохо, и добавил:

— Останетесь здесь — я убегу домой. Вот.

— Откуда ты узнаешь дорогу? — спросил папа.

— По рельсам.

Глава 2

ВАСИНО ГОСУДАРСТВО

Бежать по рельсам Васе не пришлось.

По рельсам с чётким, точным стуком бежали колёса поезда, в котором он ехал, пересекая с юга на север чуть не половину огромной страны. Ровно через сутки поезд прибыл в Москву, а ещё через двое суток с жарким звоном мчалось такси по автострате — несло Васю по Подмосковию.

По сторонам мелькали не горы, не кипарисы и платаны, а обыкновенные, привычные глазу сосны, ели, осины, весёлые пёстрые берёзки и длинные совхозные поля и луга.

Сзади сидели папа с мамой, а Вася примостился рядом с водителем. С бьющимся от волнения и ожидания сердцем крутил он во все стороны головой. Точно целый год не был здесь! Через несколько минут он увидит своих бабушек и Саньку.

Вот машина промчалась возле каменного домика ГАИ у края автостраты — государственная автоинспекция — с дежурным милиционером, с семафором над перекрёстком дорог, свернула направо, на бетонку. Вася вспомнил вдруг про надпись, сделанную им год назад на свежем ещё асфальте, резко повернул голову и посмотрел вниз. Опоздал, проскочили!

Через минуту машина сбавила скорость, съехала на полузаросшую травой глинистую дорогу с засохшими твёрдыми колёями.

Слева начинались тополевые посадки, справа — просека, лес и великаны-вышки высоковольтной передачи.

Впереди зеленели кусты, и никто, никто бы не догадался, что вот сейчас эта глинистая, полузаросшая травой дорога упрётся в ограду с неказистыми воротами из жердей и досок, открывавшими вход в удивительное Васино государство, где он каждый год проводил счастливейшие летние месяцы. Там жили его друзья и недруги, птицы, кошки, собаки, бычки в Мутном пруду, подсолнухи и сахарный

горох на грядках. Там Вася впервые стал ходить и научился плавать...

Машина упруго покачивалась на буграх.

Вася, не шевелясь, смотрел вперёд. Правая его рука сжимала в кармане куртки отшлифованный морем камень, найденный на берегу, под давно потухшим вулканом.

Вот машина проехала короткий бревенчатый мостик и остановилась у небольших ворот. Вася, опередив папу, выскочил из кабины, снял со створок ворот проволоочное кольцо, распахнул пошире створки и снова влез в кабину.

Переваливаясь с боку на бок в колеях, машина медленно поехала по узенькой улочке меж участков с яблоньками, вишнями, грядками и парниками. Ехала мимо забора и кустиков рябины, мимо ёлочек и дубков. Вдруг что-то налетело, захлестнуло Васю, и он, забыв об осторожности, закричал во всю глотку.

— Санька! — закричал он, когда они проезжали мимо Санькиного участка, мимо обитого железом гаража и горки гравия. Закричал — и сам оглох от своего голоса. И весь покраснел и съёжился.

Санька не ответил. Лишь где-то негромко затывкала собачонка и заиграл радиоприёмник, словно Вася включил его своим истошным воплем.

Машина ехала дальше, переезжая полузарытые в землю тонкие трубы, тянувшиеся с расположенного рядом Мутного пруда. Вот и колодец. И мостики. И калитки. И уютные садовые домики, поодаль спрятавшиеся в зелени участков, среди цветов и кустиков смородины и малины. И сразу же Васю, его маму и папу захлестнул нежный, одуряющий аромат цветов и свежескошенного сена.

— Здесь, пожалуйста, остановитесь, — попросила мама, когда водитель поравнялся с их калиткой.

Вася опять первый выскочил из машины и сразу же очутился в худых, длинных, переплетённых венами руках бабки Федосьи, тощей и очкастой, невесть откуда появившейся у машины, и тут же перешёл в руки второй бабушки, Надежды, маминой мамы, — она превратилась сейчас в сплошную улыбку.

Васю стали безбожно тискать, целовать в голову и щёки, расспрашивать, что и как, и он насилу вырвался из их рук. С расположенного рядом участка — забора между участками не было — их приветствовал поднятой лопатой сосед Егоров.

Папа с мамой замахали ему в ответ.

Внезапно рядом с машиной возник Пётр Крылышкин, упитанный, в отглаженных синих брючках, голубой майке и соломенном картузике — и не скажешь, что такой способен написать столь длинное и толковое письмо. А ведь способен!

— Здорово! Живой и невредимый? Поздравляю! — протянул ему руку Вася и вручил камень, круглый, полупрозрачный, с нежно-дымчатыми разводами внутри.

— Ой какой! — взвизгнул Крылышкин — а ведь ему уже было, как и Васе, целых девять лет — и, зажмурив один глаз, принялся смотреть через камень на солнце. — Волшебный! Магический! Спасибо!!!

— Тише, — попросил папа, зажимая уши. — Не мешать разгрузке! — И стал вытаскивать из машины, из открытого уже багажника груз.

Вася бросился помогать. Схватил за верёвку тяжеленную коробку с консервами и потащил к дому. Положил на крылечко и, не в силах сдержать любопытства, кинулся оглядывать строительство: уже второе лето плотник пристраивал к их дому вторую комнату для папы с мамой — в одной комнате было очень тесно всем.

Вася трогал рукой гладкие свежие доски почти готовой пристройки, вбежал вместе с Крылышкиным в новую комнату, выскочил из окошка на траву, промчался между грядками с огурцами и помидорами, стремительно понюхал синефиолетовые башмачки, чуть не втянув в ноздрю сердито зажужжавшую пчелу, перепрыгнул через низко летевшую красно-бурую, в разводах бабочку и с боевым кличем ринулся к сараю.

Согнав с порожка большого пушистого кота Яшку (он частенько приходил к ним с другого участка), привычно нашарил на полке топор, вырвал из поленицы берёзовое полешко, поставил на землю, с размаху точно всадил в него лезвие, и полешко с сухим звоном разлетелось надвое.

Потом кинулся к лопате, вонзил в глинистую землю и вывалил большой плотный ком. Оставив лопату в покое, подпрыгнул и понёсся мимо гамака и горки свежих досок к недостроенному кораблю (он стоял возле двух высоких берёз, росших неподалёку от заднего забора), сунул в рубку со штурвалом голову... всё на месте!

Отпрянул, схватил вдруг в охапку Крылышкина, оторвал от земли — ой какой тяжёлый! — поднатужился и, пошатываясь, сделал несколько шагов к лавочке под берёзами.

— Да ты с ума сошёл от своего моря! Сил набрался! Вzbесился! — радостно захохотал Петя, вырываясь, и наконец вырвался из его цепких рук.

— А теперь говори — от Бориса не попало?

— Нет пока, но... Но грозитя, говорит, что я рад не буду, говорит...

— А что случилось? И в письме обошёл, и сейчас...

Крылышкин растерялся, обидчиво сложил сердечком губы, чтобы пожаловаться, однако тут же изменил их выражение. Будто хотел не пожаловаться, а возмутиться.

Вася любил Крылышкина, но, случалось, просто ненавидел за эту вот нерешительность.

— Ну чего? Говори же наконец!

— Да успею ещё... Потом...

— Потом так потом! А где Санька?

— Наверно, в лес ушёл, — как-то вяло, пряча глаза, ответил Крылышкин, — или на стройке. Или гоняет по бетонке на велосипеде...

— А может, на Мутном пруду?

— А зачем он тебе?

— Затем, что я вернулся! — прокричал Вася и, размахивая руками, как ветряная мельница, помчался к дому.

Он вбежал на терраску, воровато огляделся — никого рядом не было — и стал напихивать в карманы из большого полиэтиленового мешка абрикосы и груши. Некоторые из них мялись, давились, пачкая соком пальцы. Вася не обращал на это внимания и спешил.

Услышав чьи-то шаги, оторвался от мешка и выпрямился.

— Вася, скоро будем завтракать, — сказала бабушка На-

дежда, заведовавшая у них кухней, в то время как бабка Федосья занималась главным делом — землёй.

— Вам чистой воды не нужно? — спросил Вася.

Вода была нужна. Вася схватил с терраски два бидона и, скинув сандалии, радостно шлёпая пятками по тёплой траве, вместе с Крылышкиным побежал по длинной улочке к колодцу возле Мутного пруда.

Петя на ходу ел грушу, озираясь и отставал от Васи. Уж не боится ли Бориса? Борис большой, скоро пятнадцать, и Васе не защитить Крылышкина от его кулаков. Зато можно попросить Саньку: ему тринадцать, но он сильный, и Борис не станет с ним связываться...

У колодца стояли сёстры — Оля и Валя — Сомовы и набирали в лейку и детское ведёрко воду. У Васи с ними были сложные, часто меняющиеся — от теплейшей дружбы до ледяной вражды — отношения.

— Чего плохо загорел? — сморщила тонкий заносчивый нос старшая, Оля, ровесница Васи, высоконькая, в синем сарафане, с коричневыми, как глина, ногами и руками. У неё были длинные, прозрачные, очень красивые глаза. И смотрели они на всех мальчишек холодно и надменно. И на этот её взгляд всегда хотелось отвечать таким же взглядом.

— Оставил солнца для других! — независимо сказал Вася: к нему и вправду почему-то не очень охотно приставал загар. Он нажал на стойке чёрную кнопку со словом «Пуск». В бидон споро хлынула студёная вода. Вася вскинул бидон и стал большими глотками пить, разбрызгивая воду, обливая лицо и белую тенниску.

Сёстры с испугом отскочили от него.

— А какое оно, море? — спросила семилетняя Валя. Она была в одних трусиках и босиком. — Мы тоже на будущий год поедem туда... Вась, какое оно?

— Какое? Очень много воды, и больше ничего! И никто ничего не делает, все валяются на солнце и с утра до вечера едят... И наверно, ночью тоже.

Валя прыснула, старшая — сдержалась.

Вася дал сёстрам по абрикосу. Оля взяла не сразу, зато

младшая чуть не выхватила из руки, вспыхнула, вежливо поблагодарила и тут же съела.

Сёстры пошли к своей калитке, а Вася, набрав в бидоны воды, двинулся с Крылышкиным к другой калитке, ведущей на Мутный пруд.

Глава 3

САНЬКА

Однако до калитки они не успели дойти — им повстречался Эдька Шмыгин. Он ехал на велосипеде и дружелюбно сиял навстречу Васе глазами. А глаза у него были ярко-голубые и хитрые. Оглушительно вызволив звонком приветственную симфонию, Эдька заорал:

— Привет, Василий! С приездом! Насовсем? Я помирал без тебя с тоски! Дай пожать твою трудовую доблестную руку!!! — Упёршись одной ногой в землю, Эдька радостно улыбался, показывая мелкие острые зубы, и протягивал к Васе обе руки.

Вася не подал ему свою. Он отчётливо сказал:

— А твой язык, Эдинька, по-прежнему без костей? Когда пойдёшь со мной через стадо? Там всего два быка, и у самого бодучего отпилены рога. Можно уцелеть!..

Эдька кинул подозрительный взгляд на Крылышкина.

— Ты к чему это?

— Отвечай прямо. Сегодня? Завтра? Послезавтра?.. Когда?

Конечно же, Васе не очень хотелось идти через стадо, но раз Эдька пытался уличить его перед ребятами в трусости, нельзя было раздумывать. Да и Крылышкин был рядом. И Вася смотрел на Эдьку глазами бесшабашного парня, каким вообще-то никогда не был.

— Ну чего ты заладил? Пойдём когда хочешь, если видишь в этом героизм...

— Вижу! — Вася знал, что мальчишки иногда ходят через стадо на спор, испытывая смелость друг друга. — И не один я вижу! Так что готовься...

— Пожалуйста! Когда хочешь... — Эдька напряжённо посмотрел на руль велосипеда, изогнутый, как грозные бычьи рога.

— Хорошо, запомню... Где Санька, не знаешь?

— В Мутном пруду глотает грязь и закусывает лягушками! — ухмыльнулся Эдька, рывком оттолкнулся ногой от земли и медленно поехал от них.

Вася немножко удивился, что Эдька на этот раз так легко отстал от него, подхватил бидоны, и они зашагали к пруду.

— А может, не пойдём? — жалобно попросил Крылышкин. — Чего мы там не видели? Чего, а?

Вася не обратил на его голос внимания.

Этот пруд когда-то был вырыт бульдозером в вязком, глинистом грунте, и вода в нём всегда мутная. Кофе с молоком, а не вода. На нём были мостки владельцев ближних участков, и с этих мостков моторы гнали воду для полива. Сейчас над прудом звенели крики, смех и темнели головы купающихся ребят.

Вася на ходу сбросил тенниску, брюки, остался в одних

маленьких трусиках, спросил у Крылышкина: «Скупнёмся?» — и быстрым взглядом — где же Санька? — оглядел пруд.

В глаза нестерпимо било солнце, и ничего нельзя было разобрать, но Санькин голос, не очень внятный и слегка буркующий, он узнал сразу.

Крылышкин плёлся за ним, с опаской поглядывая на воду, в которой шумно дурачились ребята.

— Будешь купаться? — спросил Крылышкин. — После Чёрного моря? Да я бы на твоём месте и не посмотрел на эту муть...

— Здесь лучше, чем на море! — крикнул Вася и побежал к мостку (не к Санькиному: его дед увидит — голову открутит!), а к сомовскому.

Вдохнул побольше воздуха и, выкинув вперёд руки, оторвался от мостка, прыгнув как можно выше и дальше. И оглушительно хлопнулся животом о поверхность пруда, подняв острые брызги. И ушёл под воду, бешено работая руками и ногами.

Вода приятным холодком обожгла разгорячённое тело. Глаза и губы его были плотно сжаты.

Да, здесь не море, где можно нырять с открытыми глазами и отчётливо видеть подводный мир с его таинственно шевелящимися водорослями, плоскими камнями и яркими солнечными бликами и зайчиками на дне, с мелкими рыбёшками и, если посчастливится, даже крабиками на его фоне. Здесь лучше никогда не открывать глаза — только засоришь. Если бы вода здесь была и прозрачная, всё равно ничего интересного, кроме вязкого ила на дне и консервных банок с острыми краями, опасных как мины, здесь не увидишь. И всё-таки здесь лучше, чем на море, и ещё — здесь Санька! С ним они утопили в этом пруду клад — запечатанную соевой смолой банку из-под быстрорастворимого кофе с прикрученными тяжёлыми гайками. В банке — браслеты и серьги из медной проволоки, пуговница с якорем, чёртик из еловой шишки и не очень понятная Васе записка: «Мы не обманем ваших ожиданий!!!» Их подписи, год и месяц. Это произошло в один из летних дней прошлого года, когда

более старшие ребята разъехались и у Васиной калитки каждый день раздавался условный Санькин свист. И вот сейчас где-то тут, рядом, лежит на дне пруда этот клад, и может быть, кто-нибудь когда-нибудь найдёт его...

Вася берёт каждую каплю воздуха: хотел как можно дольше оставаться под водой. Он умеет терпеть. Стоять до последнего. Да, он спустился бы с Санькой в кратер вулкана, и не потухшего миллионы лет назад, как Кара-Даг, а в кратер действующего, огнедышащего, выбрасывающего вверх каменные бомбы, лаву и дым... Не испугался бы!

Васе было всё трудней. Уже чуть кружилась голова. Уже вздрагивало от озноба тело. Уже непонятная сила настойчиво выталкивала его наверх, а он, не переставая работать руками и ногами, мужественно держался у дна...

Видел ли Санька, как лихо он нырнул? Как долго находится он под водой? Видит или нет?

Эх, если бы увидел!

Эх, если бы знал, что на море Вася учился лучше плавать и нырять лишь для того, чтобы Санька оценил, чтобы не стыдно было ему дружить с Васей...

Вася так напряжённо думал об этом, что на какое-то мгновение забыл туго сжимать губы, нечистая, отдающая илом и гнилью вода проникла в рот.

Он стремительно выскочил вверх, замотал головой, откашлялся и, громко отфыркиваясь, сажёнками поплыл к берегу.

Но и выкидывая вперёд руку и мотая из стороны в сторону головой, Вася пытался увидеть Саньку. И увидел.

Санька вместе с Борисом Остроглазовым сидел на громадной, как свернувшийся в кольцо ископаемый удав, автокамере — о ней-то и писал в письме Крылышкин — и до одурения хохотал.

Что-то больно резануло Васю по самому сердцу. Ну зачем Санька с ним? Ведь не друзья же они. Вася хорошо помнил, что говорил Санька о Борисе, а теперь вот веселится с ним. Наверно, потому, что не было сейчас в посёлке никого другого, а Санька терпеть не мог скуки и одиночества...

Они отчаянно гребли руками в разные стороны: кто кого

перегребёт. Конечно же, перегребал Санька! Пересмеивал, перебрызгивал, пересиливал...

У Бориса было толстое, вытянутое лицо с длинным носом. Было в его лице что-то насторожённое, что-то акулье. И глазки были маленькие, острые. Вдруг Васе представилось, как Борис безжалостно заглатывает своей огромной зубастой пастью нечаянно свалившегося в воду Крылышкина. И стало не страшно, а смешно — Вася чуть не рассмеялся вслух.

— Борька, не царапаться! — крикнул Санька своим не очень внятным буркующим голосом. — Не было такого уговора, слышишь? Кровь уже на руке.

— Сам на что-то напоролся! Хочешь, водичкой напою? Свеженькая, вмиг остудит! Ну?

— Я уже пил квас! — Санька продолжал работать ногами и руками. — А вот ты... Ты у меня сейчас похлебаешь щей из тины... Вкусные, говорят! Хочешь?..

«Саньку не запугаешь», — подумал Вася и поплыл к мостку, на котором сидел Крылышкин.

Первый раз в жизни Вася прыгнул в воду так далеко. Прыгнул нормально и даже изогнулся в воздухе по всем правилам — дельфинчиком, да вот приводнился совершенно бездарно. Если Санька видел — засмеёт. Он вообще любит смеяться, даже без особых причин, просто так.

Видит он сейчас его, Васю? Может, крикнуть ему? Поздороваться?

Лучше — не надо. Если бы рядом не было Бориса, тогда другое дело. Зловредный. Отпустит чего-нибудь в его адрес — сам рад не будешь.

Между тем Крылышкин всё сидел на мостке в своей голубой майке, длинных отглаженных брючках и в соломенном картузике, надвинутом козырьком на глаза. Ему очень хотелось в воду, но было боязно. Он боялся Саньку и Бориса, и неизвестно, кого больше. Не хватило у Крылышкина духа сразу рассказать Васе обо всём, что случилось. О том, что отколол Санька в стаде, как удрал, как пастухи прибежали в их посёлок и Петя показал им Санькин дом. Не знал же, что тот проштрафился! Санька за это потом крепко двинул

его по затылку, обозвал доносчиком и перестал замечать. А Борис имел на него зуб за другое. Крылышкин без всякого дурного умысла рассказал папе, как Борис, хвастая перед ребятами силой, запустил в небо увесистую палку и она приземлилась на его собственные парники и разбила добрую половину стёкол. Дед Бориса, дед Кхе (ребята прозвали его так за постоянное покашливание), конечно же, рассердился. Он подозревал в этой проделке любого, только не своего любимого внука. Скоро до деда дошло — возможно, и от папы Крылышкина, — кто истинный виновник всего, Борису досталось на орехи, и он возненавидел Крылышкина. Что уж там говорить, в Петинной жизни началась плохая полоса...

— А ты чего не купаешься? — крикнул Вася. — Мапочка не разрешает? Насморк схватил?

— Нет! — засмеялся Крылышкин.

— Тогда я выкупаю тебя! — Вася кинулся к мостику, выплёскивая на доски воду; Крылышкин быстро подобрал ноги, вскочил и кинулся на берег. Вася брызнул в него обеими руками; вода, блеснув на солнце, догнала Петю и легла на голубую спину. — Раздевайся!

Вася не вытерпел и опять посмотрел в сторону камеры-удава.

Санька, широко расставив ноги, стоял на ней в полный рост. Он был плотный, большегубый, смуглый, в тугих плавках, и Васе было чётко видно, как горят капельки воды на его мускулистом животе, на крепких ногах и лбу, как вызывающе ярко светятся его крупные, белые, не очень ровные зубы — уголок переднего косо сломан. С тёмных, прилипших ко лбу волос струилась вода.

Вдруг Санька стал резко, с ноги на ногу, раскачиваться, и Борис, полноватый и рыхлый, не удержался на камере и некрасиво, боком плюхнулся в воду, а Санька продолжал неустрашимо раскачиваться.

Всё резче хлюпала и стонала под камерой вода, всё опасней и выше вздымались бока толстой камеры.

Рывок — и Санька, будто посланный в воздух катапультий, взлетел в небо вверх ногами, перевернулся и аккуратно, бесшумно вошёл головой в Мутный пруд.

Ребята — здесь уже были и Оля с Вале́й — восторженно завопили с других мостков.

— Вот это номер! — закричал Вася и, не в силах больше стоять на месте, забегал, запрыгал по траве, перекувырнулся через голову, потом обхватил сзади Крылышкина и, подзадоривая, начал подталкивать к воде.

Санька между тем вынырнул и крепкими, звучными сажёнками, сильно выскакивая из воды, двинулся к камере, которую уже прочно оседлал Борис.

— Исчезни! — приказал Санька и кинул на камеру руки.

Борис стал отталкивать их, не пускать Саньку. На пруду началась настоящая свалка, морской бой; камера иногда вставала стоймя, точно собиралась катиться по воде, и тогда оба парня барахтались, тащили камеру к себе, подныривали друг под друга, кидались в её широкое круглое отверстие.

По пруду пошли большие волны.

Васе хотелось к ним, на эту блестящую камеру, заманчиво поскрипывающую под босыми ногами! Хотелось сидеть рядом с Санькой, плавать, суматошно отталкиваясь руками, орать во всю глотку и чувствовать себя независимым, свободным, сильным, непобедимым!

Вася чуть было уже не крикнул: «Санька! Это я, Васька... Ну как ты здесь?» Да как крикнешь, если тот и замечать его не хочет. Санька ведь старше Васи на четыре года, на целых четыре, и первый должен заметить и позвать его...

Глава 4

ОБИДА

Васе стало обидно. Он рвался сюда, даже мама с папой не продлили путёвку на три дня... И вот тебе нá!

Увидев, что Крылышкин всё ещё на берегу и в одежде, Вася закричал:

— А ну в воду, Петух! Не бойся! Положись на меня!

И Крылышкин, не выдержав, забыл об опасности и стал стряхивать с ног тапки, растёгивать брючки. Раздевшись, он

сошёл вниз и боязливо коснулся ногою воды. До чего же он был неловкий и беспомощный! А ведь сколько книг прочёл — куда больше Васи! — и в шахматы его ни за что не обыграл. До отъезда на юг Вася с Санькой научили его немножко держаться на воде и плавать... Не разучился ли?

И Вася крикнул, когда тот вошёл в воду:

— Поплыли?

Крылышкин кивнул, окунулся и, выпучив глаза, замолотил изо всех сил руками и ногами по воде. Потом поплыл по-собачьи: вода кое-как держала его.

Минуты через три Крылышкин выдохся, встал на топкое илистое дно и неуклюже полез на берег, хватаясь за пучки травы и кустики мелкого ивняка. Взобрался и благодарным взглядом посмотрел на Васю.

У Васи от этого взгляда что-то сдвинулось внутри. Только сейчас понял он до конца весь смысл его письма: он, Вася, очень нужен ему... Но если разобраться, и Крылышкин был нужен ему, и не только для того, чтобы жалеть, опекать и защищать. Рядом с ним Вася казался себе смелым и удачливым, каким всегда хотел стать и, может быть, понежко становился...

— Позагорай, а потом снова в воду, — сказал Вася. — И бери из карманов абрикосы...

Васе стало хорошо. Вот если бы ещё Санька наконец заметил его...

Но Санька был занят собой, Борисом и резиновым кораблём.

Он оголтело кричал:

— Ты старше — ну и что? Кто капитан корабля? Где на небе Марс, знаешь? А что такое минреп? А секстан? А швабра? А сколько метров в морской миле? Так уж и быть, боцманом возьму тебя в команду, если не будешь вредничать...

Васи будто и не было здесь. Он отвернулся от пруда и вдруг увидел качели.

Да, да, на довольно высоком берегу пруда стояли самые настоящие качели с врытыми в землю двумя столбами с перекладиной сверху. И доской на верёвках. Эти качели

в прошлом году придумал Санька и соорудил с Серёгой. И не просто для того, чтобы качаться на них, а для того, чтобы, сильно раскачавшись, прыгать в воду. Старшие ребята, стоя в плавках на качающейся доске, храбро кидались в воду — кто дальше. Вся малышня собиралась сюда и, разинув рот, наблюдала за отчаянными прыжками. Вася с Петей Крылышкиным уже не были малышами, но, конечно же, не решались прыгнуть с этих качелей в воду. Несколько раз Вася пробовал — не хватало смелости!

Однако Вася не вспомнил сейчас, как боялся оторвать от доски ноги, и побежал к качелям.

Вскочил на шаткую доску, вцепился обеими руками в верёвку и, глядя на Саньку на чёрном резиновом корабле, стал изо всех сил раскачиваться и при этом громко распевать.

Кажется, ребята на берегу и корабле посмотрели на него. В точности сказать этого Вася не мог, потому что и пруд с кораблём и отражённым солнцем, и берег с кустами и мостками стремительно взлетали, опускались и расплывались перед ним, и он толком ничего не видел.

Над головой ритмично скрипела верёвка. Он раскачивался всё сильнее и сильнее и ловил миг, когда доска под ногами окажется ближе всего к краю пруда и можно будет, упёршись в неё пятками, оттолкнуться.

Этот миг уже наступал раз двадцать, раз тридцать... Нет — сто! Как трудно было собраться с духом, решиться и броситься очертя голову в пруд.

Вот сейчас... Нет, прозевал миг! В следующий...

И опять не смог. Не сумел оторвать пятки от взлетевшей в небо доски! Нельзя опоздать. Нельзя промахнуться. Можно врезаться со всего маха в берег.

Сейчас вот оторвётся. И прыгнет. На него же смотрят... Сейчас он не пропустит мига и прыгнет на полном лету...

Сейчас!

Уже не он, Вася, худенький и нацеленный, впившийся двумя тонкими руками в верёвку, стремительно раскачивался на этой доске, уже не он, а одно его огромное сердце, оглушительно стучащее и напряжённое, взлетало туда-сюда — к облакам, к солнцу, к ветру.

Прыгнул. Оторвался. И почувствовал — летит. Летит!

И не кое-как, не раскорякой, а как нужно, руками вперёд, сложенными для ныряния руками!

Вошёл он в воду не очень ладно, не столько руками, сколько плечом, подняв тучу брызг. И совсем было не больно. Приятно было. Прохладно, и сердце опять сжалось, уменьшилось в сто раз и вошло в норму.

Зарылся глубоко в пруд, тут же вынырнул, вскинул над водой голову и медленно, размеренно, не суетясь поплыл к берегу. И услышал радостный, звонкий крик Оли:

— Цел? Живот не отбил?

И ещё Вася услышал тоненький голосок деда Кхе:

— Умный же мальчик, а тоже прыгаешь! Пример другим показываешь... Ай-яй-яй! Разбиться же можно! Утонуть!..

Длинный, сухопарый, в старой соломенной шляпе без ленты, в мятых, залатанных на коленях брюках, он стоял у качелей и горестно покачивал головой.

Васе стало неприятно, но он, разумеется, не удостоил ответом ни Олю, ни деда Кхе.

Вася вылез на берег, отжал на теле трусики и посмотрел на деда Кхе — тот, покашливая и сутулясь, уходил от пруда.

А Санька с Борисом неподвижно лежали на камере, смотрели в небо и загорали.

У Васи на глазах чуть не вскипели слёзы. Он поклялся и взгляда не кинуть больше на пруд.

— Васенька, вот где ты! Ищу-ищу... Домой, кушать пора! — раздался на берегу голос бабки Федосьи.

Худая, в длинной сборчатой юбке, в которых ходили в начале нынешнего века, в белом платочке и разбитых, без шнурков мужских туфлях на босу ногу, она стояла с бидоном в руках. Стояла и ждала, когда он сломя голову бросится выполнять её приказ.

— Иди, миленький, иди! — вдруг завопил дурным голосом Борис. — Супчик остынет! Курочка протухнет!

Васю так и передёрнуло всего. Ясно, что Борис хотел вывести его из себя. По-прежнему не глядя на их резиновый корабль, Вася миролюбиво, хотя и сдержанно ответил:

— Хорошо, я скоро приду, — и не тронулся с места.

— Остынет всё, пойдём,— продолжала своё бабка Федосья, сердито поглядывая сквозь толстые стёкла очков на пруд с резиновым кораблём.

— Сейчас. А бидоны не трогай, я их отнесу.

Бабка Федосья постояла в раздумье, поворчала что-то под нос, опустила бидоны на землю, потом подняла один и, показав резиновому кораблю свой нестрашный старушечий кулачок, пошла к калитке.

Как только она исчезла, Вася, уже обсохший на солнце, быстро оделся, присел на траву за кустики, выложил из карманов несколько оставшихся абрикосов.

— Не хочет — и не надо!.. Ешь,— сказал он,— ешь, пожалуйста, Петух, чтобы ничего не осталось...— Вася стал запихивать и себе в рот и есть абрикосы, так есть, что чуть зуб не сломал о твёрдую косточку. И вкуса никакого не почувствовал.— Подожди меня здесь, я сейчас!

Вася сорвался с места, кинулся к калитке и побежал по улочке. За воротами посёлка был мостик из брёвен. Вася нагнулся, вытащил из-под него ржавую полосу железа, припрятанную на всякий случай весной, и бросился к бетонке.

Он бросился к тому месту, где в прошлом году накладывали новый асфальт: там медленно ходил широкий, на гусеницах, асфальтоукладчик; от него веяло нестерпимым жаром, дымом, резким запахом гудрона; потом эту чёрную свежую массу основательно и безжалостно утюжили много-тонные катки. Вася с мальчишками как раз возвращался с Бычьего пруда; они поглазели на работу катков, и Санька, подмигнув ребятам: «Сейчас увековечим! Чтобы никогда не стёрся!» — незаметно нарисовал палочкой на самом краю нового асфальта какую-то рыбку — не бычка ли? И они побежали к посёлку. Впереди — Санька, с удочкой в руке, с мокрыми на загривке космами волос: только что он соревновался со старшими ребятами, за два часа поймал девяносто пять бычков и вышел в «олимпийские чемпионы» по этому виду спорта; на двадцать три бычка обогнал девятиклассника Серёгу! Через несколько минут Вася вернулся к бетонке — к счастью, рабочие ушли на обед — и с трудом выцарапал на застывающем асфальте: «Ура, Санька!!» — третий восклица-

тельный знак уже не смог процарапать: асфальт затвердел...

Вася побежал по бетонке и остановился.

Да, надпись всё ещё не стёрли скаты машин, гусеницы тракторов, подошвы пешеходов, и тогда Вася изо всех сил стал скрести надпись ржавой железякой. Весь этот год скрывал он от мальчишек, что нацарапал её, чтобы не подумали, что он так уж влюблён в Саньку, а теперь сам решил уничтожить надпись, стереть, как говорится, с лица земли.

Пусть Санька знает, что Вася хоть и небольшой ещё, но гордый...

Он долго и упорно скрёб железякой. Всё было бесполезно: за год асфальт словно окаменел и не поддавался.

Вася тихонько всхлипнул, вытер нос, махнул рукой — пускай уж эта надпись остаётся! — и пошёл к посёлку.

Подхватив возле Мутного пруда бидон с водой, двинулся к калитке. Крылышкин кинулся следом. Лицо у него было удивлённое.

Вася шёл, и глаза его сами по себе моргали, а лоб морщился. Знакомые громкие голоса, раздававшиеся впереди, заставили его поднять голову.

У забора стояла бабка Федосья и разговаривала с Демьяном Семёновичем, Санькиным дедом, маленьким, прямым старичком с седой бородкой клинышком и резной ореховой палочкой в руке. На нём был сшитый его руками брезентовый фартук с двумя накладными карманами.

Дед был мастером на все руки. В посёлке не было другого такого садовода: хоть экскурсии води на его участок! На нём радостно и свежо сияют лепестками редкие сорта роз, гладиолусов, флоксов, дельфиниумов, и всё тщательно выполото и посеяно, по шнуру проведены дорожки меж гряд, густо побелены стволы яблонь, образцово окучена картошка, и не у кого-то, а по его участку протянулся неведомо где добытый дедом единственный во всём посёлке эластичный шланг...

Подходя к ним, Вася подобрался, насторожился.

Бабка Федосья глубоко уважала деда Демьяна за тщательность и старания, и, Вася был уверен, каждую ночь

видела она во сне, что и на их участке поселилась та же красота и порядок. Да, бабка Федосья и дед Демьян готовы были костями лечь, душу свою положить за эту землю — тяжёлую, глинистую и малоплодородную, и за то, что с большой неохотой произрастало на ней.

О чём же они говорили сейчас?

— А ты что думала? Хоть кол на голове теши, а по-своему сделает! — силым, но тем не менее на весь посёлок слышным голосом шумел дед Демьян. — Что ему моё слово, если отца родного не признаёт и свою мать...

«Ну не мать, а мачеху, так будет точнее», — подумал Вася и очень хотел услышать, в чём дед Демьян будет обвинять внука. Для этого нужно было придержать шаг или спрятаться за дубком, но Вася лишь в редких случаях хитрил, обманывал или (случалось, к сожалению, и такое) терял

совесть, подслушивая взрослых. Однако потерять совесть он мог на очень короткое время, на одну-две минуты, потому что жить без неё, без этой самой совести, час или два было просто невозможно...

Сейчас Вася был разобижен на Саньку, и всё-таки неприятно было слышать, как дед Демьян громко и при всех ругает своего внука. И Вася — уже издали — крикнул бабке Федосье:

— Баб, а ты почему не идёшь? Идём же!

Бабка Федосья почему-то вздрогнула, по-смешному отпрыгнула от деда и мелким, старушечьим шагом засеменила по улочке.

Шагая домой, Вася думал, что дед Демьян — не совсем ясный ему человек. Как-то они вырезали с Санькой из жести флажок флюгера, и вдруг из Санькиного дома донёсся тонкий, певучий звук скрипки. Он был такой красивый, лёгкий и тревожащий, что Вася вскинул голову и спросил: «По радио передают?» — «Да нет, дед играет, — равнодушно ответил Санька, — любил когда-то в молодости, учился даже в какой-то музыкальной школе, да бросил, когда мой отец родился; говорят, и потом, когда дед в своей бухгалтерии, в ЖЭКе на костышках стучал, до выхода на пенсию, играл на скрипке, а теперь редко берётся за смычок...» Видя, что Вася не верит ему, Санька, когда дед вышел из дому, кивком головы позвал Васю в комнату и показал настоящую скрипку в старом потёртом деревянном футляре с крючками. И спросил: «Ну что, веришь теперь? Пусть бы играл себе, струны смычком пилил, их не жалко, а ведь он, дед...» — Санька запнулся. «Что «он»?» — спросил Вася. «Да ни к чему тебе сейчас это, вырастешь — и на твою долю хватит всякого... Никогда не прощу я деду одного, не хочу, чтобы он и мою жизнь пытался ломать и перекраивать по-своему. Ясно?» Вася кивнул, ровным счётом ничего не понимая. Но это было как ожог. Чью всё-таки жизнь хотел сломать и перекроить по-своему этот прямой и аккуратный старичок? Вася так и не узнал — чью, однако с тех пор чувствовал, что не так-то всё просто и обычно в Санькиной вражде к деду Демьяну. А музыку дед любил. Он редко расставался с

транзисторным приёмничком. Вася своими глазами однажды видел: ходит дед по лесу, шарит палочкой в поисках грибов по траве и кустам, а сам слушает негромкую музыку, накинув ремешок приёмника на плечо.

Обедали они на терраске под жужжание ос, слетевшихся на сладкий компот в стаканах, под редкое чириканье птиц на деревьях вокруг дома.

— Ну как дела в посёлке? — спросил папа. — С кем хотел, встретился?

Вася на мгновение помедлил.

— Встретился...

— И всё в полном порядке?

Вася кивнул.

Он понимал, что папа был бы рад, если бы узнал, что не всё-то у Васи с Санькой в порядке. Но он не собирался признаваться в этом даже ему, папе, хотя секретов от него у Васи почти не было.

Интересно, а Крылышкин догадался о чём-нибудь на пруду?

Глава 5

СКАНДАЛ

Когда допили компот и Вася чайной ложечкой извлёк из стакана и съел сладкие ягоды крыжовника и вишни, бабка Федосья поправила на голове белый с синими цветочками платок, с которым никогда не расставалась, и со скрытым укором искоса посмотрела на Васю. И негромко сказала:

— А вы знаете, что намедни Санька отчубучил?

Вася с мамой и папой, как по команде, уставились на неё.

— Что, Федосья Фёдоровна? — спросил папа.

— Совхозную корову на спор выдоил. С Борькой спорил на старую кроличью клетку...

— Как это «выдоил»? — не понял папа, почесал свой курносый, обгоревший на юге нос, и на лице его появилась легкомысленная, недоумевающая улыбка.

— Не знаете, как доят коров? — спросила бабушка На-

дежда, краснощёкая и серьёзная,— это она приготовила сегодня такой вкусный обед.— Подкрался к корове, присел на корточки и тихонько, чтобы не заметили пастухи, стал доить её.

Вася вдруг захохотал, представив всё это.

Папа снял очки и вытер сразу повлажневшие глаза, а мама безуспешно боролась с улыбкой на узких весёлых губах.

— Ничего в этом нет смешного.— Бабушка Надежда покраснела от возмущения.— Пастухи заметили Саньку, погнались и пришли в посёлок. С его дедом и мачехой говорили. Скандал был...

— И много он так надоил? — спросил папа.

— Кружку.— Бабка Федосья худым пальцем поправила под платочком волосы.

— Одну только? — разочарованно воскликнул папа.— Стоило возиться и рисковать!

— Разве дело в том, сколько? — возразила бабушка Надежда: она хоть, в общем, была и добрая, и учёная — с высшим образованием, но ужасно строгая.— Если надоил кружку, то мог надоить и...

— Ведро! Бак! Цистерну! — закричал Вася.

Бабушка Надежда неодобрительно посмотрела на него:

— От Саньки всего можно ждать, он совершенно распоясался, ни с кем не считается и всё время вертится возле нашей калитки...

«Ну да, вертится... Кажется ей так... Если бы вертелся!..» — с горечью подумал Вася и понял, что всё это ещё больше усложнит Васину жизнь на участке. Но нельзя же покоряться тому, что думают и хотят обе бабушки да, пожалуй, и папа с мамой. Они должны понять его и не давить, не следить за каждым шагом.

— И не побоялся! Какой смельчак! — сказал Вася.— Корова могла стукнуть копытом или рогом поддеть!

— И когда-нибудь стукнет и подденет! — отозвалась бабка Федосья.— А ещё этот губан и буркало средь бела дня нарывал целый карман огурцов у Остроглазова и повесил на нашу калитку картонку с хулиганской надписью...

— Какой? — спросил папа, да и Вася остро заинтересо-

вался.—Что-то слишком много для одного парня! Ты как считаешь, Васька?

— Хороший, воспитанный мальчик никогда бы такой надписи не повесил,— сказала бабушка Надежда.— Хорошо хоть, его участок далеко от нас...

Вот сколько здесь стряслось всего!

Выходит, недаром дед Демьян с бабушкой Федосьей возмущались Санькой, а он, Вася, так и не знал ничего, и Крылышкин не смог толком рассказать, а ещё товарищ называется...

Вася выскочил с терраски и услышал, как бабушка Надежда что-то вполголоса рассказывает папе. Ага, наверно, про ту картонку с надписью секретничает! Надо всё выведать. Но не сразу...

Родители начали тяпками окучивать возле заднего забора картошку. Пока они беспечно купались в Чёрном море и жарились на солнце, картошка благополучно отцвела и сильно выросла.

Вася в это время поливал из лейки цветы.

Он бегал к большой железной бочке, стоявшей возле дома, под водостоком, погружал лейку в бочку—в ней плавала хвоя и сновали какие-то водоплавающие комарики и жучки. Вася старательно поливал клумбы возле терраски и с нетерпением поглядывал на папу—ждал, когда он немножко устанет и захочет отдохнуть.

Ждать пришлось долго, целый час, и когда папа выпрямился, оставив тяпку, Вася подскочил к нему:

— Пап, а что было написано на той картонке, которую Санька повесил на калитку?

Папа посмотрел на маму, работавшую чуть поодаль, и тихо сказал:

— Только чтобы никому... На ней было написано: «Осторожно: злая Федосья!»—и нарисован её портрет в платочке. Если встретишь Саню, скажи, что нехорошо так делать...

— Хоть сейчас! Хочешь?

— Ты только и ждёшь случая, чтобы удрать к нему! Смотри у меня!..—Папа погрозил пальцем.—Сейчас не надо, но через день-два скажи. Обязательно.

— Будь уверен.

Однако Вася не был до конца уверен, что сумеет отчитать Саньку за эту картонку на их калитке. Он был согласен с папой, что бабка Федосья не заслужила такой надписи, и всё-таки... И опять ужасно захотелось увидеть Саньку, поговорить с ним.

Папа снова стал окучивать кустики картофеля, и Вася подошёл к бабке Федосье, склонившейся над грядой с небольшими колючими огурцами под широкими листьями.

— Баб, а ты вернула Гороховым напильник?

— Чего спросил... Уже месяц назад!

— А они ничего не просили принести? Ну что-нибудь...

— Не твоя, Васенька, забота: сами зайдут, коли надо будет какой инструмент,— проворчала бабка Федосья, продолжая старательно гнутья над молоденькими огурцами.

— Да я сам знаю,—с досадой сказал Вася и отошёл от гряды.

До самых сумерек бегал он от бочки к клумбам с лейкой, колол щепу для самовара, раздувал его и потом пил вместе со всеми чай с вареньем. Работал, пил, ел и ни единой минуты не переставал думать, как бы повидаться с Санькой.

Во время чаепития из-за посадок долетели звуки джаза, смех и дурашливые крики. Вася с недоумением посмотрел на бабу Федосью.

Она пожевала размоченный в чае сухарь и недовольно проворчала:

— Строители веселятся! И так каждый вечер... Нагнали их на нашу голову — не уснёшь... И в Рябинках в продмаге из-за них очереди...

— Мам, я сбегая к Пете,—сказал Вася, выскочил из калитки и внезапно... — он даже вскрикнул, до того это было внезапно! — чуть не сбил с велосипеда Саньку: тот стремительно выехал из-за большого куста жасмина, росшего на улочке возле забора.

— Полегче! — буркующим голосом крикнул Санька, успев вильнуть в сторону. — Чуть машину не угробил...

Он остановил велосипед и упёрся длиннющей ногой в землю. На Саньке были старые, неизменные, потрёпанные джинсы с блестящими клёпками и с кожаными заплатками на коленях и заду, с многочисленными «молниями» на карманах и ширинке, с яркой, тоже кожаной нашивкой у пояса: ковбой в широкополой шляпе храбро обуздывает вставшего на дыбы мустанга.

Вася посмотрел на Саньку, на его плотную, коренастую фигуру, ощутил на себе острый жар его тёмно-карих шальных глаз и не нашёлся что ответить.

— А ты звони, если выезжаешь из-за куста! Звони! — с неожиданной для себя силой и восторгом закричал Вася. — Не знаешь правил езды на горных дорогах?

— Откуда же? Я там не был!

В сумерках засияли крупные белые Санькины зубы, и большие, немножко оттопыренные, как у африканца, губы его разъехались в широченной, добродушной, плутоватой

улыбке. Наверно, из-за этих вот его больших губ у него был невнятный буркующий голос.

— Всё равно должен! — крикнул Вася, и на этот раз крикнул с обидой и отчаянием: столько времени Санька не замечал его! — Все машины за поворотом сигналият, чтобы не столкнуться с встречной и не свалиться в пропасть...

— Ладно тебе, — прервал его Санька, — завёлся... Выключись. Ты куда это разогнался? К Эдьке? Стукну, если к нему! Или, может, к Крылу?

— К кому хочу, к тому и иду! — огрызнулся Вася и пошёл по улочке.

— Заходи завтра... идёт?

Глава 6

ФАКЕЛ

Проснулся Вася от стука молотка.

Он поморгал светлыми ресницами, зевнул, брыкнул высунувшейся из-под одеяла ногой и осмотрелся: в комнате — никого. На стенах узкие полочки, а на них сделанные мамой из корней можжевельника, шишек, слоистых древесных грибов и желудей сказочные животные, русалки с гибкими рыбьими хвостами, безобидные лешие, смешные гномики, нелепые кикиморы, хищные многоногие крабы, грозные меч-рыбы, опасно изогнутые с поднятыми головками змеи и разнообразные хвостато-рогатые черти...

До чего же мама любит с Васей, а если он чем-то занят — в одиночестве бродить по лесу, вслушиваться, вглядываться в него, выискивать в нём своё.

Впрочем, Васин взгляд быстро соскользнул с этих узких полочек на стенах, и он сразу вспомнил всё, что было вчера. Санька хотел с ним поговорить, звал к себе. Надо было не то что пойти к нему — побежать, и не медля, до завтрака, в эту вот секунду! Узнать всё, расспросить.

И ещё нужно было сразу и честно сказать Саньке, как часто думал он о нём у Кара-Дага, как рвался к нему! Надо

было посмотреть и на его новый многопарусный бриг «Пират», по словам Крылышкина недавно построенный им, и узнать, какие у Саньки планы на ближайшие дни...

Снова застучал молоток. Упруго, коротко, жарко. Папа не так вбивает гвозди. И мама стучит молотком совсем по-другому, по-женски, что ли: не очень уверенно, с боязнью промахнуться или ударить криво и погнуть гвоздь.

Так мог стучать только Алексей Григорьевич, плотник из совхоза, живший в Рябинках — большой деревне, раскинувшейся вдоль автострады, в двух километрах от их посёлка. Он приходил к ним по воскресеньям и кое-когда по вечерам после работы, и тогда Вася не отходил от него — так интересно было глядеть, как легко, радостно, красиво мелькают в его руках молоток, топор или рубанок... Точно волшебные!

Вася прыгнул босиком на тёплый крашеный пол и, как был, в трусиках и майке, выскочил на терраску. Там обе бабушки и родители в полном молчании — чтобы он дольше поспал — пили чай. Ну и народ! Встал бы пораньше — день был бы длинней.

— Доброе утро! — Вася поморщился от яркого солнца.

Оно ломилось сквозь узкие стёкла терраски, светилось на тарелках и блюдах, на белых чашечках с чёрным кофе, на папиных очках, на маминых смуглых плечах; оно живым ручьём стекало по узкому никелированному ножу в руках бабушки Надежды, резавшей желтоватый кирпич кекса с изюмом.

— Доброе, доброе! — сказала мама. — Ты у нас сегодня молодцом, без задних ног спал!

— С передними! — засмеялся Вася. — Прошу в следующий раз будить меня, а то весь день спать буду... Когда же играть?

— Кто же тебе позволит спать весь день? — спросил папа. — Вон как посвистывают птицы, мяукают коты, кричат твои приятели... Хочешь не хочешь — разбудят!

Да, день сегодня предстоял большой, солнечный, шумный, со стуком топора, плеском воды, криком и смехом, и чтобы поскорей вырваться из дому, стать свободным и принадлежать только себе, Вася выдохнул:

— Мам, есть! Умираю! Скорей!

Однако номер не прошёл. Мама спросила:

— А кто за тебя будет умываться и чистить зубы? Причёсываться?

Вася вздохнул, пригладил пятернёй желтовато-белые, как солома, волосы и побежал к рукомойнику, прикреплённому к толстому столбу у сарая.

Однако до рукомойника Вася добрался минут через пятнадцать, потому что остановился возле Алексея Григорьевича.

Он прибывал к стойкам каркаса новой комнаты узкие свежие доски — вагонку. Алексей Григорьевич был худощавый, в обтёртых кирзовых сапогах и линялой гимнастёрке. Из рта плотника под седовато-рыжими усами торчало четыре светлых гвоздя-пятидесятки. За ухом виднелся толстый плотницкий карандаш. Из кармана гимнастёрки высовывался складной жёлтый метр.

Он брал изо рта за гвоздём гвоздь, приставлял к доске, коротко накрывал резную шляпку молотком, и гвоздь легко, если не сказать — с удовольствием, исчезал в древесине. Из всех плотницких работ Вася больше всего любил строгать рубанком и вбивать гвозди, и они у него очень редко шли косо или сгибались. Разве это не чудо? Приставляешь к доске длинный и острый гвоздь, вскидываешь молоток, решительно опускаешь. Мгновение — и где же гвоздь? Одна лишь шляпка на доске.

Алексей Григорьевич вынул изо рта гвоздь и протянул Васе:

— А ну вгони!

Вася смутился и спрятал руки в карманы, чтобы помимо его желания они не схватили гвоздь с молотком.

— Спасибо, я после...

— Ладно, после так после. — Плотник вогнал все гвозди в древесину и пошёл к ящику за новыми.

Работы у Алексея Григорьевича было ещё много — кончить стены, настать пол и крышу. И не было дня, чтобы не дал он Васе забить десяток гвоздей или пройти тяжёлым рубанком по шероховатой доске.

Из-за дома нетерпеливо выглянула бабушка Надежда.

— Алексей Григорьевич, да гоните вы его! Пусть позавтракает, а потом смотрит. Остыло всё... Вася!

Вася вприпрыжку побежал мимо верстака, наспех сооружённого между двумя толстыми елями, и нажал ладонями на поршеньёк рукомойника.

После завтрака прибежал Крылышкин, и они долго крутились возле Алексея Григорьевича. Мама тем временем копалась в клумбе с цветами, а папа бездельничал — сидел на скамейке под берёзой с Эдькиным папой, дядей Лёней. В руке у того была толстая книга: наверно, принёс почитать папе — у них пропасть интереснейших книг. Их-то и глотал запоем Эдька, старательно выуживал разные случаи, истории, мысли, хвастался перед всеми и считал себя самым умным. Честное слово, лучше бы уж не было у них так много книг!..

Васин папа дружил с Эдькиным.

Получилось так, что лет шесть назад редакция журнала, где работал папа, поручила ему написать очерк о молодом инженере авиационного завода: папа много раз бывал на том заводе, на его испытательных полигонах, узнал, с каким упорством отстаивал и «пробивал» свои поправки в технологию некоторых систем реактивных самолётов Леонид Петрович Шмыгин.

Папа обо всём этом написал.

А потом совершенно неожиданно выяснилось, что этот симпатичный и скромный инженер — сосед по их садовому участку и одновременно Эдькин папа! Бывает же так! Эдькин папа ходил на участке, как в городе: во всём новом, чисто выбритый, подтянутый, с аккуратным пробором в волосах, не то что Васин папа, вечно всклокоченный, одетый и обутый кое-как; Эдькин папа был очень вежливый, мягкий, тихий, слова резкого не скажет (а ведь «пробивал» же на заводе!) и всегда, если сам не успеешь, первым поздоровается у колодца, расспросит про ребячью жизнь, позовёт в гости и у папы не раз спросит, не надо ли в чём-нибудь помочь. Совсем неплохой дядя Лёня, а вот его Эдька... Смешно сказать, но иногда Вася старался не попадаться на глаза дяде Лёне из-за его сына. Как-то не верилось, что у Эдьки

может быть хороший папа. Вася понимал, что не прав, да ничего не мог поделать с собой...

Скоро папа ушёл с дядей Лёней, а Вася с Крылышкиным во все глаза смотрели, как плотник ножовкой режет доски, проводит вдоль метра синим карандашом и режет точно по линии. Ребята подавали нужный инструмент или доску, уносили к своему кораблю обрезки.

Время от времени возле них появлялась бабка Федосья. Она собирала в корзинку пахучую смолистую щепу на самовар и громко нахваливала работу Алексея Григорьевича. Несколько раз возле забора неспешно проходил Санькин дед и внимательно поглядывал на них.

Нужно ему что-нибудь? Чего же не заходит?

Скоро всё выяснилось. Как только Васин папа ушёл, дед Демьян быстро вошёл к ним, низенький и юркий, в чистом брезентовом фартуке, с резной многоцветной палочкой в руке, подёргал пальцем белую, аккуратно подстриженную бородку клинышком, закурил, угостил папирсой плотника и сипловатым голосом спросил:

— Ну как она, жизнь-то, Алексей?

— Да как! Сами видите...

— Что без тебя делали бы наши садоводы? Чай, половину домиков собрал и сараев намастерил... Молодец, на два фронта трудишься...

— Приходится, Демьян Семёнович,— плотник послал молотком гвоздь в доску.— Некогда отдыхать, хорошо ещё, сын иногда помогает...

— Знаю, знаю, и ты, и твой сын — работники высшего класса! Любой позавидует... Мне бы вот душ поставить и сарайчик немножко подправить — боюсь, завалится... Не оторвался бы? Не обижу.

Бабка Федосья, ползавшая под верстаком, конечно, всё слышала, но не вмешивалась в разговор: не решалась перечить деду Демьяну. Плотник тоже не спешил с ответом, и Вася, ругая в сердцах Санькиного деда, напряжённо ждал, что ответит плотник.

— Не могу сейчас, Семёныч,— сказал Алексей Григорьевич,— перед хозяевами неудобно: думал в один сезон уп-

равлюсь, обещал, а не уложился... Вот закончу у них, тогда и поговорим...

— Так ведь ненадолго оторву,— продолжал уламывать его дед Демьян.— Может, уважишь старика? Я с хозяевами сам договарюсь. Они люди понимающие, войдут в положение... Правду я говорю, Федосья Фёдоровна?

Бабка хмыкнула под нос что-то неопределённое — не поймёшь, соглашается или возражает. Ясное дело, ей не хотелось портить отношения с таким опытным садоводом, но ещё больше не хотелось отпускать плотника, и в этом она была совершенно права.

— Они-то меня отпустят, знаю их,— тут же пошёл на выручку бабке Федосье плотник.— Отпустят, а мне-то какво? Не имею права, Семёныч, не кончив одной работы, браться за другую... У меня ведь тоже своё понятие имеется... Так ведь?

— Жаль, но смотри... Тебе видней.— У деда Демьяна обидчиво дёрнулся сухой кадык.

Он ушёл с участка, а Вася с Крылышкиным побежали достраивать свой корабль под берёзами.

Собственно говоря, корабля не было — была надстройка со штурманской рубкой, и она была такой большой, что Вася с Крылышкиным могли кое-как втиснуться в неё, вращать штурвал и громко отдавать по трубе команды в машинное отделение.

Они принялись достраивать эту рубку: Вася — с гвоздями во рту — приколачивал по бокам дощечки, а Крылышкин устанавливал на крыше радар: вращающееся кольцо из толстой проволоки. Радар был нужен, чтобы корабль не столкнулся в тумане с другими судами и не ударился о невидимую в бинокль подводную скалу.

Один раз Алексей Григорьевич подошёл к ним, обошёл рубку, потрогал короткими, обкуренными пальцами — она не шатнулась — и сказал с улыбкой: «Ничего сляпали, держится». Потом вытащил ребячьими щипцами испорченный, криво вбитый гвоздь, выпрямил на колоде, одним ударом вбил по шляпку на старое место и пошёл к себе. И опять застучал его молоток, зашаркал на верстаке рубанок...

Часа через четыре все строительные звуки возле дома умолкли, и Вася сказал Крылышкину:

— Наверно, прилёт отдохнуть... Кончай стучать...

Вася пробежал между грядок к дому.

Плотник бочком лежал на пиджаке возле верстака, и лицо его с кепкой, надвинутой от солнца на лоб, было спокойно и неподвижно. Вот над ним, как штурмовик на бреющем полёте, стала кружиться с угрожающим жужжаньем оса.

Вася отогнал её.

— Ну скоро ты? — крикнул Крылышкин.

Вася погрозил ему кулаком, чтоб не кричал, жестом руки позвал в дом и стал показывать новые книжки, привезённые из Москвы.

Когда книжки наскучили, они сыграли три партии в шахматы — все три запросто выиграл Крылышкин — лучше бы и не играли! — порисовали и вышли из дому. Плотник спал в той же позе, посапывал. Лицо его на этот раз было беспокойно, странно подёргивалось, пересохшие губы шевелились, хотя ни одна оса не кружилась над ним.

Вася с тревогой посмотрел на Крылышкина, но тот недоуменно пожал плечами. Вдруг Алексей Григорьевич вздрогнул всем телом и хрипло, так, что Вася весь похолодел, крикнул:

— Братва, немец слева! Ложись! Готовь гранаты...

Алексей Григорьевич встряхнул головой, и его светло-серые, в рыжеватых ресницах глаза медленно открылись. Он кашлянул, сел, поправил на голове приплюснутую кепку и спросил у Васи:

— Кричал чего?

— Немножко, — кивнул Вася. — Какую-то команду отдавали. Будто немцы обходят, и велели гранаты готовить...

— Всё верно. — Алексей Григорьевич стал стряхивать с гимнастёрки стружку. — Сколько лет прошло, а всё война рядом, особенно по ночам лезет, спать не даёт, и никуда от неё...

— А вы где воевали? — спросил Вася. — На каком фронте?

— На разных пришлось...— Он вздохнул.— Я твоему отцу обо всём подробно рассказывал. Рано я отвоевался: под Сталинградом кончил войну...

Его подчистую списали из-за трёх тяжёлых ранений: едва обе ноги не ампутировали. Немцы почти весь город захватили—от него одни коробки остались, пепел и кирпичная пыль, а наши солдаты вцепились в берег: за спиной Волга; понимали: дальше—нельзя... Навсегда запомнил Алексей Григорьевич тот день—второе октября сорок второго года. Семьдесят немецких танков атаковали их дивизию, несколько прорвались и стали утюжить окопы. В их дивизии были моряки. С Тихого океана прислали в подкрепление, и был среди них его кореш, Мишка, по фамилии Паникахо, вместе с ним во второй роте был. Так вот, когда вражеские танки прорвались и стали их поливать огнём, этот Мишка с бутылками с горючей смесью пополз к головному. Взмахнул рукой, а в бутылку ударила пуля. Вспыхнула горючая смесь, обдала Мишку. Не человек, а факел! Солдаты притихли, бьют по танкам, а Мишка вскочил, горит весь, а бежит. Догнал один танк, вспрыгнул на него, вырвал вторую бутылку—и о броню, где двигатель. Танк вспыхнул, чёрный дым повалил, и потом—взрыв... И Алексея Григорьевича в том бою шарахнуло, так шарахнуло, что целый год потом по госпиталям валялся. Насилу выходили. А немцы тогда не прошли, ни один танк в глубину не прорвался...

— А он умер?—спросил Крылышкин.

— Кто?—не понял Алексей Григорьевич.

— Тот матрос, который вскочил на танк и как факел...

— Останешься после такого живым...—Плотник взял с верстака молоток, прихватил из ящика горсть гвоздей и пошёл к дому.

Глава 7

ЗАГОВОР

Вася смотрел издали на Алексея Григорьевича, на его худые лопатки, ходившие под старой, штопаной гимнастёркой с петлями на месте погон и дырочками на груди, где, как Вася знал от папы, когда-то красовались боевые медали и орден Отечественной войны II степени. Вася смотрел на него и видел тот живой, раздуваемый ветром факел. И на Васю вдруг пахнуло смрадным дымом горящего танка с крестом на боку, танка, рвавшегося к Волге. И потом оглушил взрыв, и под Васиными ногами вздрогнула и толкнулась земля.

Он попытался представить лицо того моряка-тихоокеанца, напряжённое, скуластое, с сжатыми губами и лихими глазами. Полоски тельняшки в вырезе бушлата, бескозырку с чёрными ленточками на затылке... А может, он был в стальной каске?

— Пошли ещё поработаем,— сказал Крылышкин, но Васе совсем расхотелось стучать молотком и примерять к рубке дощечки.

Что-то засело в нём, что-то неудобное, острое, жгучее; как осколок. И стало очень тревожно. Хотелось куда-то бежать, с кем-то говорить, делиться только что услышанным.

— Ты чего? — спросил Крылышкин.

— Хватит на сегодня.

Был очень тихий, яркий день. Беззаботно сияло голубое небо, высокое-высокое, с волнистым, аккуратно перечеркнувшим его следом недавно пролетевшего самолёта. В яблонях щебетали птицы, на солнце пристально смотрели подсолнухи, и одуряюще пахли цветы на клумбах. И так было радостно, хорошо, что не верилось, что когда-то всё было не так и к самой главной русской реке подходили танки с крестами, танки врага...

— Я бы ещё поработал,— настаивал Крылышкин.

— А я не хочу! — сказал Вася и в одно мгновение понял, куда и к кому так хочется ему бежать.— Надоело уже... К Саньке хочу сбегать.

Крылышкин подозрительно посмотрел на него:

— Зачем?

— Сказать, чтобы покрепче поколотил тебя.

Крылышкин улыбнулся.

Не убрав даже инструмента, Вася побежал к Саньке. И хотя тот в самом деле звал его, Вася почему-то побежал к нему не по улочке, а задами.

Вася бежал по узенькой, на одного человека, тропинке вдоль забора, заросшего высоченной лебедой, репейником и крапивой. Иногда листья крапивы хлестали Васю по рукам, он отдёргивал их, но ожога почти не замечал.

Вон она — впереди, открытая настежь Санькина калитка. Вася бросился к ней. Однако в калитку он не вбежал.

Он остановился и даже чуть попятился назад и присел у высоченных, как ёлочки, стеблей крапивы. Из сарайчика, расположенного возле калитки, донёсся громкий, прерывающийся от волнения голос тёти Леры — Санькиной мачехи.

— А я что, не имею права на отдых? — спрашивала она у кого-то. — Извелась я с ним!

— А что я тебе говорил? — слышался сипловатый, страшно знакомый Васе голос — голос деда Демьяна, и был он обращён, конечно же, к Санькиному отцу. — Скажи — в кого он такой? Он никого не слушается!

Вася сидел за густыми зарослями крапивы и чувствовал, как по всему телу разбегается знобкий холодок. Сидел как воришка, подслушивая чужой разговор, и не мог заставить себя уйти, убежать отсюда. Ведь разговор касался Саньки.

— Ты уже тысячу раз говорил мне это... Не так Саня плох, как вам кажется. Да, он самолюбив и не любит нотаций. Но думаете, ему самому нравится всё, что он делает?

— Кто это его, сопляка, оскорбляет и читает нотации? Он просто ненавидит нас всех! Делает всё из-под палки, а ведь мог бы гору своротить! Ты, Аркаша, редко приезжаешь сюда и не знаешь своего сына...

— А ты многого не понимаешь... Не обижайся на меня... Вспомни Нину, и своё отношение к ней, и Мишу, её брата... Думаешь, ты был прав? А Сане тогда уже было девять лет, и, я уверен, он до сих пор не может этого забыть. Так

что не требуй от Сани слишком большой любви к себе...

— Ты опять о том же? — вспыхнул дед Демьян. — Всё ещё не можешь понять, насколько я был прав тогда, желал тебе только хорошего!..

— Давай лучше о Саньке... — перебил его Аркадий Сергеевич.

— Бывают же такие неблагодарные дети! — сказала тётя Лера. — Ему делают столько хорошего, а он? Взять даже ту историю с черепахой. Понимаю, Аркадий, тебе это неприятно слушать, но Санька растёт грубым и ленивым. Когда его просят прополоть гряды, побелить яблони или перебрать гречку для каши, он отмахивается...

— И правильно делает! — весело сказал Санькин отец. — Нашла занятие для парня!

— Конечно, ему куда интересней барахтаться в грязной луже,— продолжала тётя Лера,— делать свои далеко не безопасные отливки из свинца — сколько раз прожигал брюки и рубашки! — или мастерить эту нелепую деревяшку с парусами, или даже таскать огурцы с участка своего приятеля... Это же некрасиво, и, главное, нет у него никакой ответственности и чувства долга перед людьми! Занялся бы чем-нибудь нужным и полезным хотя бы для себя — например, спортом.

— Саня любит велосипед, плавание и рыбную ловлю,— сказал его отец.— Ты тоже любила кататься на велосипеде и плавать — может, посостязаться с ним?

Тётя Лера засмеялась.

— Тише вы! — просипел дед Демьян.— Маринка ходит по участку, она заодно с Саней...

— Итак, что вы от меня хотите? — насмешливо спросил Санькин отец.— Двое взрослых против одного бедного мальчика...

— Я считаю,— внушительно проговорил дед Демьян,— что ты должен изменить к нему отношение и вести себя как отец, он должен уважать хотя бы тебя...

— А я считаю,— мягко сказала тётя Лера,— на оставшееся время Саню надо отправить к Ольге, моей двоюродной сестре. Она давно звала его погостить в Кострому. У неё сильный характер — не у всех мужчин такой... Десятый год она заведует детдомом, опыт немалый. Не таких, как твой сын, исправляла. Ради бога, Аркадий, правильно пойми меня. Я не враг твоему сыну, но я хочу спокойно провести отпуск! И пусть он оставит Марину: она стала слишком дерзкая и нетерпимая. Честное слово, иногда мне хочется сесть в машину и укатить на край света от всего этого...

Вася знал, что в их гараже стоит «Москвич» — она и водила его и пригнала сюда три года назад, когда Санькин отец после смерти жены, Санькиной мамы, женился на тёте Лере.

— К Сане нужен подход,— заговорил Санькин отец,— и никакая Ольга ему не нужна. Он не такой, как все, он...

— Нечего оправдывать его дурной характер,— прервал сына дед Демьян.

— А я должна всерьёз готовиться к соревнованиям,— поддержала его тётя Лера,— у меня скоро тренировки. Первые должны быть спокойны. Иначе всё передастся Звёздочке...

Дверь сарая резко скрипнула, и Вася испуганно попятился от зарослей крапивы и лебеды к ельнику.

Низко пригнувшись, он побежал вперёд, пересек широкую солнечную поляну с ромашками и конским щавелём и припустил к тополевым посадкам. Там его никто не увидит.

Вася давно знал, что Санька не ладит с дедом, не может ему простить чего-то того, что случилось у них раньше. Знал, что к мачехе он относится так себе, но хорошо — к отцу и очень дружит с Мариной — дочкой мачехи. Это Вася знал, но никогда не думал, что дед так сердит на него. А кто такие Нина и Миша, с которыми, по словам Санькиного отца, плохо обошёлся дед Демьян?

Было очень жаль Саньку. Жалко и — если не скрывать этого от себя — чуточку боязно: а вдруг тётя Лера с дедом в чём-то правы? Ведь и правда же Санька бывает и грубоват, и ругаться может нехорошо, и драться, и насмехаться, и не давать спуску тому, кого не любит.

Ну, а если вспомнить про ту черепаху, о которой говорила тётя Лера, так вот, это была его, Васина, черепаха. Её купила мама, и однажды черепаха убежала из построенного для неё кирпичного загона. Вася с мамой и Крылышкиным всё вокруг обшарили — нет! Тогда Вася недолго думая побежал к Саньке. У них были приехавшие из Москвы гости; Вася тут же, с порога, брякнул, в чём дело. Санька с куском пирога во рту выскочил из-за стола, как-то ухитрился найти черепаший след и через час принёс её из леса, целёхонькую и невредимую! Чего же за него стыдилась тётя Лера? Не поторопись Санька — черепаха уползла бы ещё дальше, и тогда пиши пропало!.. Да, а что это за тренировки у тёти Леры и что это у неё за Звёздочка?

Нужно немедленно отыскать Саньку и рассказать обо всём. Предупредить, что над его головой сгущаются тучи. Если дед Демьян с тётей Лерой уговорят Санькиного отца

послать его к этой Ольге, вряд ли ему там будет хорошо. Вася на миг представил её: толстая, с дюжими руками, свирепым взглядом и бородавкой с волосками на тупом подбородке, с гулким мужским голосом...

Но где сейчас Санька? Где?

Вася вышел на улочку, прошёл её из конца в конец, прочесал все закоулки, встретил кое-кого из ребят, но никто не знал, куда подевался Санька. Ни дома, ни в посёлке его не было. Значит, куда-нибудь ушёл, и его надо перехватить, когда он будет возвращаться.

Вася вышел за ворота посёлка и присел в сторонке за кустами в высокую траву. Время от времени он высовывал голову на тонкой шее и крутил ею, как змейка, во все стороны, вглядываясь в редкие фигурки, двигавшиеся по бетонке, осматривая дорожку, ведущую к соседнему посёлку садоводов, и тропинку, убегавшую к дальнему Бычьему пруду: на каждой из них мог появиться Санька.

Однако он всё не появлялся.

Было жарко и очень тихо. Горячий, неумолчный стрекот кузнечиков, спрятавшихся в траве, лишь подчёркивал эту тишину. От него приятно звенело в ушах, и Вася стал вглядываться в траву, чтобы в который уже раз увидеть, как кузнечики издают этот звон. Когда Вася был совсем маленьким, он думал, что кузнечики поют, но однажды открыл для себя, что они издают эти звуки своими длинными ножками, теми самыми, которыми они упруго отталкиваются от земли и далеко прыгают. Такие у них необыкновенные ножки: катапульта и одновременно — смычок и струна... Вася на миг вспомнил долетавшие из дома звуки скрипки деда Демьяна, тут же отогнал от себя это воспоминание и пригнулся поближе к земле, пытаясь увидеть хоть одного работающего зелёного скрипача.

Но увидел он не кузнечика, а полевую мышку.

Крохотная, серенькая, она неожиданно выскочила из-за мясистого стебля лопуха и побежала в сторону Васи. Он перестал дышать. Мышка смотрела на него тёмными смыслёными капельками глаз и почему-то не прерывала бега. Видно, это был мышинный ребёнок — детёныш, и он ещё

не знал, что Вася — человек и его положено бояться. Мышонок легко взбежал на его шорты, щекотнул хвостиком локоть и... — наверно, Вася всё-таки чуть шевельнулся — скрылся в траве.

Вася поднял голову и вдруг увидел папу.

Он заметил Васю и подошёл. Под мышкой у него был большой зелёный рюкзак, с которым папа иногда ездит в командировки. На папе были старые, вытертые, с пузырями на коленях брюки, серая, в пятнах масляной краски рубаша с короткими рукавами и разбитые туфли — он тут донашивал свою одежду и обувь.

— Ты что здесь делаешь? — спросил папа, и Вася неловко завожился на земле.

— Ничего. Просто так. — Вася покраснел.

— Кого-нибудь подкарауливаешь?

Ну зачем папа допытывается! Иногда он всё понимает и ничего не спрашивает, а сейчас сам заставляет Васю быть лгунишкой. Нельзя же рассказать ему обо всём. И так взрослые знают почти всё, а дети — лишь малую малость, и потом, папе не будет ни лучше, ни хуже, если он узнает, что Саньку, возможно, ушлют на лето к суровой сестре тётки Леры. Вот Крылышкин сказал, не подумав, своему папе о том, что Борис запустил в небо палку, и что из этого получилось? Ведь не будешь предупреждать взрослых, чтобы держали язык за зубами...

— Подкарауливаешь? — ещё раз спросил папа.

— Нет. — Васино лицо стало совсем красным, и, наверно, лишь южный загар выручал его. — А ты куда, пап?

— В Рябинки. Говорят, в магазине появилась молодая картошка. Не хочешь прогуляться со мной?

Вася хотел, очень даже хотел: с папой везде и всегда интересно, и к тому же через день он уезжает — отпуск кончается, пора на работу — когда ещё вырвется сюда?

Но Вася молчал, упрямо глядя в пряжку папиного ремня.

— Ну как знаешь, — немножко обиделся папа и пошёл к бетонке. Шёл он легко и быстро, как ходил всегда: его шаг равен был двум, если не трём Васиным шагам. Васе стало досадно: надо же, обманул папу!

Саньки всё не было. Да и папа долго не возвращался из Рябинок — видно, большая очередь была за молодой картошкой. Наконец Вася заметил его вдали, за бетонкой и ёлочками. Он шёл от деревни напрямик через пустынное поле.

Вася вскочил, перебежал в другое место и надёжно спрятался в высоких зарослях пахучей полыни.

Вот папа перешёл бетонку и с невысокого откоса стал спускаться по дорожке с туго нагруженным рюкзаком за плечами и раздувшейся авоськой в руке. По походке его, по тому, как он шёл, сильно наклонясь вперёд, было видно, что он устал. Вася смотрел на папу, ждал, прислушивался к его шагам. И не выдержал. Выскочил из зарослей полыни, подбежал, схватил авоську с хлебом, пакетами с крупой, банками консервов и большой бутылкой тёмно-вишнёвого кагора.

Папа отпустил пальцы, и Вася с радостью потащил тяжеленную авоську.

— Не дождался его?

— Не дождался,— ответил Вася, и в этом не было никакого вранья. И подумал: «Ну как папа догадывается обо всём?»

— Я шёл сейчас мимо Бычьего пруда,— сказал папа,— там человек пять сидит с удочками. Наверно, хорошо клюёт... Давай сходим?

— Когда? — спросил Вася.

— Сегодня поздновато. Лучше завтра утром. На зорьке самый хороший клёв...

Глава 8

«ПАПА, НЕ БЕРИ ЕГО!»

— Я не против,— сказал Вася, проходя мимо Санькиного забора и внимательно глядя в щели меж досок: Саньки на участке не было. Сказал и спохватился: если он сегодня не увидит Саньку, значит, и завтра утром не сумеет сказать ему о разговоре, случайно подслушанном возле калитки. Вот если бы и Саньку позвать — он очень любит рыбачить...

Они отнесли домой груз и хотели тут же приступить к копке червей—папа уже принёс из сарая лопату,—но бабушка Надежда позвала их обедать. Плотник тоже ушёл в свои Рябинки, и на участке было непривычно тихо и скучно.

После обеда они стали копать на краю участка, возле забора.

Папа отваливал лопатой тяжёлые пласты земли, осторожно разбивал их, а Вася стоял на корточках и, подавляя брезгливость, выбирал червей. Хорошо ещё, если червяк весь, с хвостика до головки, оказывался перед ним на земле и его оставалось взять и положить в консервную банку. Куда хуже было, если из земли выглядывала одна головка или один хвостик и приходилось хватать за этот кончик, холодный, скользкий, тянучий, как резина для рогатки.

Черви норовили побыстрее уползти по своим хитроумным ходам в глубь земли, и Вася, передёргиваясь всем телом, медленно вытаскивал их. Никак он не мог привыкнуть к ним. Иногда черви как бы сшивали собой земляные комья: одна часть червяка в одном, другая—в другом. Ну попробуй расшей комья, извлеки из них червей!

Папа при этом не очень помогал Васе, а больше командовал:

— А ну не бойсь! Не откусит руку... Тащи его, и по-сильней, по-сильней!

А то вдруг приказывал совсем наоборот:

— Да не тащи так резко! Поаккуратней! Не проволока же, а живое существо! Порвёшь!..

Червяки упрямылись, не желали поддаваться и вылезать из своих обжитых подземных ходов, и Вася сжимал их двумя пальцами, оттягивал и терпеливо ждал, когда червяк устанет сопротивляться, поддастся, и его, обессиленного, можно будет вытащить и положить в банку с землёй.

Обычно червей выбирал папа, а вот сейчас он почему-то заставил заниматься этим делом Васю.

— Пап,—сказал Вася,—давай позовём Саню... Он знает места, где лучше всего клюют бычки... Он...

Папа выпрямился над лопатой и улыбнулся:

— Ты и минуты не можешь прожить без этого храбреца и умельца... Верно?

— Ничего не верно! Да, он иногда грубит и слишком громко свистит у калитки, так это ничего ещё не значит! Он лучше всех!

— Возможно. Но если говорить конкретно — чем? — осторожно спросил папа и нажал ногой на лопату, и эта его осторожность и недоверие во взгляде прямо-таки обожгли Васю.

— Всем! Всем!

Видно, Вася крикнул так громко, что бабка Федосья, половшая гряду с помидорами, удивлённо вскинула голову в белом платочке, а кот Яшка, с интересом ходивший возле них, тремя огромными прыжками достиг забора и вскочил на него.

— Но это же, Вася, не довод, — чуть обескураженно сказал папа, вогнал ногой поглубже в землю лопату и тяжело вздохнул. — Я не имею ничего против него, но...

После этого папиного «но», не очень понравившегося Васе, ничего не последовало, потому что в огороде внезапно появился Эдька в простроченных штанах зелёного цвета и жёлтой рубашке с короткими рукавами. Вася насупился. Ну кто его приглашал сейчас сюда?

— Что это вы делаете? — спросил Эдька, скрестив на груди руки.

— Бабочек ловим, — сказал Вася, — разве не видишь?

— Вижу... — ничуть не обиделся Эдька; он вообще был на редкость необидчивый парень: как ни обзови его — всё как с гуся вода. — А когда пойдёте?

— В полночь! Если не будет звёзд! — Вася хотел на этот раз одного: чтобы Эдька поскорей убрался с огорода; папа беспокойно посматривал на Васю, конечно же, призывая его в душе к большей вежливости и терпимости, но сейчас Вася и не думал подчиниться ему. — Громадные сомы завелись в Бычьем пруду и клюют в беззвёздные ночи!

Однако Эдька и на этот раз ни капельки не обиделся. Он привычно, беззлобно и снисходительно улыбнулся, пошёл к гамаку, повешенному в глубине участка между толстой

старой елью и столбом, по-хозяйски улёгся в него и принялся раскачиваться.

Эта его бесцеремонность и бойкость в разговорах со взрослыми всегда отталкивали Васю. И очень не понравилось ему выражение на папином лице: он едва сдерживал улыбку, и это потому, что Эдька явился на участок.

И Вася не удивился, когда папа негромко спросил:

— Может, и Эдика позовём? Чтобы не было скучно...

Папа сказал это неуверенно, чуть-чуть виновато. Вася протестующе пожал — не пожал, дёрнул — плечами:

— Пожалуйста! Мне что, зови кого хочешь...— Ему вдруг совсем расхотелось идти на Бычий пруд. Ну чего все они — бабушка Надежда, бабка Федосья и папа с мамой — так давят на него, не считаются с ним? Им ведь никто не навязывает друзей и подруг, а они? Они совсем не знают Саньки! Ну совсем-совсем...— Пап,— тихонько попросил Вася,— не бери его! Нам с тобой не будет скучно... Или позовём Крылышкина...

— Вася,— вполголоса сказал папа, зачем-то коснувшись рукой дужки очков.— Думаешь, я без ума от Эдика? У него есть немалые недостатки, но у кого же их нет? Давай всё-таки позовём его!

— Его и звать не нужно! Сам напросится и потащится за нами... Вот увидишь!

На этот раз папа недоуменно пожал плечами и, конечно, подумал, что подчас Васю бывает трудно понять.

— Ну так как — звать его или нет? — спросил папа, когда они кончили копать червей.— За тобой последнее слово.

— Звать,— выдавил из себя Вася, отряхнул от земли руки и пошёл к Алексею Григорьевичу.

Он уже вернулся из Рябинок и строгал на верстаке доски.

Эдька долго не уходил с участка: предлагал Васе поиграть в капитаны на его корабле — Вася отказался, спрашивал, в какую примерно эпоху было извержение вулкана на Кара-Даге, какие тамошние морские камешки считаются наиболее редкими...

Вася отвечал ему сквозь зубы.

Но Эдька и на этот раз не обижался. Он стал вертеться возле плотника, усердно помогал носить к дому доски, подавал гвозди и расспрашивал у Алексея Григорьевича, знает ли он что-нибудь о Кижях — маленьком островке на Онежском озере, на котором несколько сот лет назад плотничья артель поставила без единого гвоздя замечательные по красоте многоглавые церкви из досок и брёвен, такие замечательные, что теперь туда ездят любоваться ими туристы со всех концов мира.

Вася слышал от папы о Кижях — папа когда-то был там, писал об их редкой красоте, привёз уйму фотографий, а вот Алексей Григорьевич даже краем уха не слышал о работе тех безымянных плотников.

— Подумать только, не знает о Кижях! — сказал Эдька Васе. — А ещё плотник... Темнота!

Наверно, ради одних этих слов и вертелся он возле Алексея Григорьевича.

— Возьми и просвети его! Ты ведь всё на свете знаешь!

— Придётся... — Эдька, кажется, даже не почувствовал насмешки.

Вася решил было рассказать ему о человеке-факеле, о том, как Алексей Григорьевич воевал, отбивал танковые атаки, вцепившись в берег Волги. Может, Эдька поймёт, что он за человек. Но тут же Вася раздумал: не поймёт...

До позднего вечера не уходил Эдька. То с одного, то с другого бока подкатывался он к Васе, дружелюбно сиял глазами, и никак не удавалось его выжить. Вася всё испробовал, надолго уходил в дом, но Эдька не исчезал и даже пытался с прибежавшим Крылышкиным прибивать дощечки к их кораблю.

Вася с терраски крикнул, чтобы они не трогали корабль. Эдька не послушался, и Васе пришлось выйти из дома и взять молоток, иначе бы они всё испортили.

Эдька без конца подтрунивал над Крылышкиным, довед чуть не до слёз, сказав, что у того непомерно крупная голова и на ней благополучно уместятся все шишки, которые тот по праву заработал от Саньки и Бориса...

Наконец ушёл Алексей Григорьевич, поспешно умчался по

маминому зову Крылышкин и убрался Эдька. Но легче Васе не стало.

Он не вытерпел и побежал к Санькиному участку.

Возле калитки стояла его мачеха в синем ворсистом жакете и чёрных брюках со штрипками, прямая, лёгкая, и разговаривала с дедом Демьяном.

Увидев Васю, они разом замолкли. Конечно же, говорили о Саньке. На Васин вопрос, где Санька, тётя Лера сказала, что он неизвестно куда запропастился — в пору вызывать милицию. На её красивом лице с узкими дугами бровей не было и следа горечи и досады, которые недавно слышал в её голосе Вася.

Возле колодца он столкнулся с Мариной — в этом году она перешла в десятый класс, — дочерью Санькиной мачехи; она шла из лесу с корзиной на руке, и к её сверкающим ботам и белой спортивной куртке прилипли дубовые и берёзовые листья. На всякий случай Вася спросил у неё о Саньке.

— Ничего, отыщется, — улыбаясь, сказала Марина и очень дружелюбно, даже нежно потрепала Васю по мягким светлым волосам. — Не горюй...

Успокоенный, Вася ушёл к себе.

Укладываясь спать, он вдруг подумал, что успокаиваться — нечего: Марина, скорее всего, ничего не знает о том разговоре в сарае, и надо было, наверно, обо всём рассказать ей.

Жаль, что самые правильные и нужные мысли приходят в голову с таким опозданием...

Глава 9

«КИС-КИС-КИС!..»

На рыбалку они вышли рано утром по росистой траве и, конечно же, с Эдькой. Вечером у Васи была слабая надежда, что тот проспит и не придёт так рано, но Эдька не проспал и явился бодрый и улыбающийся. Он был надёжно защищён от утренней прохлады и ветра нейлоновой стёганой курткой, от сырости и грязи — резиновыми сапога-

ми, а сверху был прочно, как крышей, прикрыт от возможного дождя кепкой.

Немного странно было только, что Эдька не захватил ни удочек, ни ведёрка для рыбы.

Он широко шагал рядом с папой, а Вася плёлся сзади, как посторонний. Когда они проходили мимо Санькиного участка, дед Демьян уже старательно ковырялся в земле, слушая тихую музыку, звучащую из приёмничка. Хорошо, Саньки там не было и он не видел, что с Васей и папой идёт Эдька... Увидел бы — не простил бы Васе, припечатал бы крепким словцом.

Над дальними лесами медленно всходило мглистое, пережёренное грязноватыми тучками солнце. Ему, наверно, не хотелось всходить на это нечистое, рябенькое, серовато-грустное небо, и солнце не всходило бы, если бы это было возможно.

Папа с Эдькой и Вася пересекли пустынную, потемневшую от росы бетонку и двинулись через реденький лесок,

а потом — через просторное клочковатое поле к Бычьему пруду.

Он так назывался то ли потому, что однажды весной, по рассказам жителей Рябинок, в нём тонул глупый, провалившийся на тонком ледку бычок и его насилу вытащили за хвост, то ли оттого, что в этом пруду любили пить воду и спасаться в зной от назойливых оводов совхозные быки, то ли потому — и это всего вероятней, — что основным населением пруда был прожорливый пресноводный бычок, быстро расселившийся в последние годы во всех подмосковных прудах.

Спотыкаясь на крутых кочках, Эдька бежал перед папой и без умолку трещал, изо всех сил стараясь завоевать его расположение. Судя по добрейшей улыбке на папином лице, Эдьке это великолепно удавалось.

Ну и пусть! И всё-таки было неприятно. Папа давно взрослый, ему уже скоро будет пятьдесят лет, а он не всегда понимает, с кем имеет дело. Эх, если бы хоть на час папа стал таким, как он, Вася...

Вася с каждой минутой всё больше и всё безнадежней мрачнел. И не только из-за Эдьки. Что будет, если Саньку и вправду отправят на лето к той тётке? Без него будет очень тоскливо.

Вася вспомнил про Андрюшку, про их жизнь у подножия Кара-Дага: охоту за крабиками и тир, нырянье с надувного матраца и тайные экспедиции в горы, к остаткам страшного и отвесного кратера давно потухшего вулкана... Вася решил сегодня же, после возвращения с рыбалки, написать ему, пусть приезжает с отцом. Он столько покажет здесь ему всего! Сводит в лес и на пруды, заберётся с ним на чердак, покажет свой недостроенный корабль и познакомит с Санькой. Вот будет у них тогда жизнь!

Бычий пруд уже был совсем близко, и за ним, возле Рябинок, чётко были видны два других длинных пруда с палаточным лагерем на низком берегу, лагерем того самого ССО — студенческого строительного отряда, о котором столько было говорено. А правей лагеря начиналась сама стройка — уже поднявшийся над землёй свинарник, складские са-

раи, наспех сколоченная из досок мастерская со станками, штабеля железобетонных панелей и шифера, и над всей стройкой, как длинношей металлический жираф, возвышался подъёмный кран.

Несмотря на такую рань, студенты уже встали, в лагере слышались голоса и смех; один в тренировочном костюме трусцой бегал вдоль палаток, другой делал стойку возле вкопанного ножками в землю огромного обеденного стола. А над походной кухней неподалёку от стола уже вовсю дымилась труба. По берегу расхаживали длинноволосые парни и девушки с полотенцами. В Бычьем пруду, у дальнего берега, купались две студентки — хлопали руками по воде и брызгались.

Заметив, что рыбаки подошли к пруду и начали разматывать лески, студентки вылезли на берег и принялись резво прыгать по траве, вытряхивая из ушей воду. Около них появился студент в баскетбольных трусах с белыми лампасами, он что-то поднёс — не лягушку ли? — к лицу студентки в фиолетовом купальнике, но она отскочила в сторону и, как из пистолета-автомата, пустила в студента такую очередь визга, что Эдька весь перекосялся:

— Какой уж тут лов... Правда, дядь Саш?

— Сейчас увидим.— Папа наживил червяка и забросил.

Рядом с ним забросил Эдька — его поплавков лёг в полуметре от папиного, а Вася расположился с удочкой в десяти шагах от них.

Клёв начался немедленно. Пришла пора завтракать, и бычки были невероятно голодны. Первым выбросил на берег громадного зеленовато-коричневого головастого бычка папа — кончик бамбукового удилица согнулся дугой, — и лицо его, а особенно очки прямо-таки засверкали от счастья. Папа попросил Васю набрать в пластмассовое ведёрко воды и пустил в него своего великолепного бычка. Тот ошалело закрутился, запрыгал в ведёрке, выплёскивая воду на траву.

— Отлично! — засмеялся папа, поправляя на крючке ещё живого червяка.— Десятка два таких, и мы порадуем нашу маму и бабушек ушицей! А то и поджарить можно...

Папа опять забросил. Вася с Эдькой тоже выхватили

из пруда по бычку: Вася — среднего, а Эдька — совсем крошечного, чуть побольше крючка. Как только взялся...

— Дядь Саш, можно мне кинуть своего бычка в ваше ведёрко? Я его приметил... — спросил Эдька.

— Кидай... Да лучше брось-ка ты его в пруд, пусть подрастёт...

Эдька ничего не ответил. Сжав малька в кулаке, да так, что он хрустнул, Эдька отцепил крючок и швырнул рыбку в ведёрко. Тот, вяло двигая хвостиком, плавал беловатым брюшком кверху.

За какой-нибудь час они натаскали уйму бычков. Эдьке попадалась в основном мелкота. Пять-шесть — средних. Наверно, ни один приличный, уважающий себя бычок не хотел набрасываться на Эдькину наживку. Чужали, что за тип! Зато папа вытащил ещё штук пять громадных бычков. Вода от них прямо бурлила в ведёрке.

Васе, в общем, было не до бычков. Он сидел в сторонке, ловил, но думал о своём.

Вон к пруду спикировала белогрудая ласточка, с шуршаньем коснулась воды и стремительно взвилась вверх, унося что-то в клюве. Наверно, какого-нибудь жучка, а не рыбку. Ласточка не чайка, которых так много было на море и которые с утра до вечера охотятся за рыбёшками. Ласточки их не едят.

Вон в сторонке слабо заколыхалась вода. Вася посмотрел туда и притих. Подняв, как собачка, маленькую острую мордочку, по пруду осторожными толчками плыл какой-то зверёк, толкая перед собой длинный пучок травы... Кто это?

Вася повернул к папе голову, но между ним, Васей, и папой сидел Эдька, и Вася ничего не спросил. И подумал, что, скорей всего, это водяная крыса. Наверно, эта трава нужна была ей для подземной квартиры — норы в крутом берегу, где жила она со своим выводком.

Никто, кроме Васи, кажется, не заметил зверька, и ему от этого было и грустно, и приятно.

Крыса исчезла в своей норе, вода замерла, и Вася опять стал вертеть головой. Чтобы ещё что-нибудь увидеть.

Бычки по-прежнему хорошо шли на крючок, но лов их уже не доставлял Васе удовольствия.

Папа, отцепив очередного бычка, отряхнул с рук воду и спросил:

— Ребятки, хотите по яблоку?

— Ещё как! — закричал Эдька, первым схватил на лету брошенное папой большое румяное яблоко и так вонзил в него свои мелкие острые зубы, что прямо-таки сок закипел.

Вася не поймал своё — яблоко покатилося по отвесному берегу, — и он едва успел ухватить его у самой воды.

— Какой неловкий, — заметил папа и ещё больше испортил Васино настроение, начавшее было выравниваться.

Вася отёр с яблока землю и стал неторопливо жевать.

Потом они съели по бутерброду с маслом и кружками копчёной колбасы. Клевать стало чуть поменьше. Вася то поглядывал на белое с красным кончиком перо поплавка, то на студенческий лагерь: строители шумно завтракали за столом, а потом пошли к своему свинарнику.

Вдруг Эдька подсек, вскрикнул от радости и дёрнул удилице. Однако леска туго натянулась и не поддавалась — крючок, наверно, зацепился за что-то на дне. Эдька подёргал то в одну, то в другую сторону — напрасно. Лицо его стало озабоченным.

— Что же теперь делать? — Эдька посмотрел на папу ярко-голубыми глазами.

— Проще простого, — сказал Вася.

— Но здесь очень скользко. — Эдька, как маленький, шмыгнул носом. Конечно же, ему не хотелось лезть в воду.

— Ну и что? — спросил Вася. — Ни разу не купался здесь?

— Купался, да сейчас вода ледяная, а у меня ноют коленки, мама говорит, начинается ревматизм...

Папа стал растёгивать ремень брюк. Васе захотелось опередить его: это же такой пустяк — влезть в воду и отцепить крючок! Руки его уже коснулись пряжки. Но и всё. Не полезет он в пруд!

Вася хотел крикнуть, чтобы папа не раздевался. Пусть Эдька сам лезет, раз зацепил крючок! Вася не крикнул,

потому что ведь папа большой, взрослый и сам должен всё понимать.

— В этом месте много битых бутылок,— сказал Вася,— нужно оборвать крючок. Подумаешь...

— Так настоящие рыбаки не поступают.— Придерживаясь за кустики росшего у воды ивняка, перехватывая руками леску, папа стал осторожно спускаться в воду. Он шёл всё глубже и глубже, вошёл по пояс, нагнулся, коснувшись шеей воды, отцепил от коряги крючок и двинулся к берегу.

— Спасибо! — Эдька как ни в чём не бывало продолжал лов.

Папа оделся и тоже принялся ловить бычков.

Васе было грустно. К чёрту эту рыбную ловлю! Лучше бы и не ходил. И не пошёл бы, если бы папа через день не уезжал от них.

Вася отошёл от папы с Эдькой подальше и услышал негромкий голос Эдьки:

— Дядь Саш, а я вчера видел, как Санька курит: студенты научили. Весь день ошивается возле них. А вчера он из рогатки убил лягушку... Его дедушка говорит, что Санька совсем отбился от рук и место его не здесь, а...

Вася отошёл с удочкой ещё дальше, чтобы ничего больше не слышать. И он не слышал больше ни слова, лишь видел, как у Эдьки ритмически открывался и закрывался рот. Не будь здесь папы, Вася поругался бы с ним, закричал бы, что он бессовестно врёт про Саньку.

По дороге домой Вася не сказал Эдьке ни слова. Да и с папой ни словом не перекинулся. Папа был хмур, молчалив и смотрел не вокруг, как всегда, а под ноги и ничего, против обыкновения, не расспрашивал и не рассказывал. Зато Эдька пуще прежнего лез из кожи вон: забегал вперёд, преданно заглядывал в глаза и без умолку трещал. Но папа на этот раз не кивал головой и не улыбался.

Возле Васиного участка Эдька остановился:

— Дядь Саш, можно мне взять мою рыбу? Я поймал семнадцать штук. Я ловил и считал. И всех помню.

— Что за вопрос,— сказал папа.— Не можно, а нужно!

Эдька встав на корточки, принялся вылавливать из ведёрка бычков. Он сноровисто выхватывал их и клал на траву один к одному, и брал он, ясное дело, самых крупных, самых толстых бычков. Они били хвостами, глотали воздух и подпрыгивали. Взяв их в обе руки, Эдька радостно закричал: «Спасибо, дядь Саш! Всегда буду ходить с вами на рыбалку!» — по-дружески кивнул Васе и побежал к своей калитке в конце улочки. Раз два бычки выскользнули из его рук, падали на землю, и Эдька, боясь выронить других, неуклюже нагибался и подбираал их.

Вася поднял ведёрко и пошёл за папой к крыльцу. И не сказал ни слова. Не хотел он говорить никаких слов. Папа тоже молча поднялся на терраску и, отвечая на какой-то вопрос мамы, готовившей им завтрак, негромко, но вполне отчётливо сказал:

— Улов так себе, но я немножко познакомился с Эдиком... Выходит, наш Вася кое в чём разбирается...

Больше Вася ничего не расслышал, но грусть стала проходить. Его настроение даже не испортила бабка Федосья, коловшая у крыльца щепу для самовара. Глянув в ведёрко, она сокрушённо покачала головой:

— Какую мелкоту наловили! Срамота! И не совестно было брать? А ну где там запропастился Яшка? Яшка, кис-кис-кис, иди сюда, благодари папу с Васей... Ну, где ты? Кис-кис-кис...

Глава 10

СВЕРХСЕКРЕТНОЕ

Да, бычки оказались невероятно скользкими, так и норовили улизнуть и выскочить из пальцев. Эдька локтем открыл калитку на тугой пружине, с трудом протиснулся в неё, затем таким же манером проник на терраску дома, вывалил ещё живых, прыгающих и бьющихся бычков на стол, покрытый клетчатой клеёнкой, перевёл дух и радостно закричал:

— Мам, иди скорей сюда!

Его мама, рыхлившая под розами землю, с грязным ножом в руке поднялась на терраску, глянула на стол и ахнула:

— Сколько поймал! Сам?

— А то кто же? Надо уметь... Ну, удочки были не мои, а всё остальное...

— Умница ты, Эдик, кормилец наш! — засмеялась Эдькина мама, обняла и чмокнула его в щёку. — Никогда ещё столько не приносил... Видишь, что значит ходить не одному? И место хорошее покажут, и посоветуют, как лучше тянуть и подсекать...

— Откуда ты знаешь такие слова? — удивился Эдька. — Словно сама была когда-то рыбачкой... Мам, я ужасно хочу есть! И кофе сварю... А я пока почитаю Майн Рида...

— Иди, сынок, иди, я позову тебя.

Эдька застучал ногами по крутой лестнице в верхнюю

комнату, небольшую, но очень светлую и уютную, где на полках тесно, заманчиво и многоцветно стояли книги, где были его столик, кресло и диван. Схватил книгу, кинулся в кресло и жадно впился в неё глазами.

Однако ничего прочесть Эдька не мог — думал о другом. Уж слишком удачно прошла рыбалка! И в пруд лезть не пришлось, и домой принёс самых отборных бычков... Разве плохо? Надо жить весело и с умом, быть находчивым, ловким и добиваться своего. Даже с мамой и папой надо вести себя по-умному, и они ничего не пожалеют для тебя.

В то время когда Эдька с томом Майн Рида устроился в кресле в верхней комнате, через три дома от него Вася сидел на терраске за обеденным столом перед чистым листом, вырванным из тетради, и никак не мог приняться за письмо Андрюшке, потому что весь был полон встречей с Санькой.

Час назад, сразу же после рыбалки, Вася помчался к его дому и опять — к задней калитке, присел на всякий случай на корточки, три раза свистнул, и тотчас появился Санька.

— А, это ты! Чего скажешь?

— Сань, Сань... — горячо зашептал Вася, боясь, что дед Демьян может подслушать. — Тебе тётя Лера ничего не говорила?

— Она мне каждую минуту чего-нибудь говорит... — Санькино лицо на мгновение сделалось мучительно тоскливым. — Ну, в общем, каким я должен и каким не должен быть.

— Да я не об этом... О тёте Ольге она тебе ничего не говорила?

Вася схватил его за локоть и силой потащил к полянке возле посадок. Там, стараясь не забыть ни слова, пересказал весь разговор в сарае. Санька слушал внимательно, напряжённо и даже, казалось, чуть побледнел. Но только Вася кончил говорить, он соорудил уморительную гримасу, показал в сторону собственного участка язык и, на удивление Васе, подпрыгнул, перевернулся через голову и снова очутился на ногах.

И хохотнул:

— Отправят к тёте Ольге! Да пусть попробуют! И ещё отец скажет своё слово... — Санька перевёл разговор на дру-

гое, будто и дела ему не было до того разговора в сарае. Вася смотрел на Саньку и вспоминал все подробности разговора.

— Сань, а твой папа тебя очень защищал и говорил деду про какую-то Нину и ещё про Мишу... Кто это, знаешь?

— Как не знать...— Санька в упор уставился на Васю.— А что отец говорил про них?

— Да ничего такого... Вроде бы дед как-то не так к ним относился... Ничего толком нельзя было понять... А кто они?

— Моя мама и её брат,— угрюмо ответил Санька.

Вася припомнил все Санькины недомолвки в разговорах о деду Демьяне. Например, о том, что Санька никогда не простит деду одного и что он не хочет, чтобы дед пытался и его жизнь сломать и перекроить. Не пробовал ли дед ломать и перекраивать жизнь Санькиной мамы? Если пробовал, тогда понятно, почему Санька так враждует с ним!..

Наконец Васина шариковая ручка коснулась лежавшего перед ним листа бумаги, и он твёрдо вывел:

«Здравствуй, Андрюша! После того как ты уехал, я жил очень плохо, не знал, куда деться. С большой радостью укатил домой, и теперь мы живём на садовом участке под Москвой— я тебе о нём рассказывал. Здесь так много всего случилось и с Крылышкиным, и с Санькой, и со мной... Чем всё кончится? Неизвестно, останется ли Санька здесь или мачеха с дедом Демьяном угонят его куда-то под Кострому к тёте Ольге, которая знает своё дело и вернёт Саньку таким, что все будут довольны им... Он терпеть не может своего деда, и я, кажется, начинаю понимать— почему, начинаю разгадывать их тайну. А ещё мой папа вроде бы понял, что за человек Эдька, а это для меня очень важно... Вот как здесь всё у нас! Андрюша, обязательно приезжай. Помнишь, мы условились на Кара-Даге. Познакомлю тебя с Санькой и другими товарищами, замечательным плотником Алексеем Григорьевичем, со своими бабушками, подсолнухами на моей гряде и котом Яшкой. Большой привет от всех нас твоему папе. Чем быстрее вы приедете, тем лучше. Ждём. Вася».

Вася вытер лоб и вздохнул. Кажется, ничего вышло.

Он аккуратно сложил письмо и стал искать чистый

конверт на этажерке и в ящике стола. Вася хотел отослать письмо с папой в город, чтобы он опустил там в почтовый ящик. Конверта нигде не было. Как же быть? Письмо было совершенно секретное, и никто, никто — даже папа — не должен был прочесть его. Конверт надо было надёжно заклеить — тщательно провести кончиком языка по блестящей сладковатой кромке клея, а потом, как утюгом, хорошенько прогладить кулаком.

Конверта дома не было, и пришлось сбегать к Крылышкину.

Крылышкин, совершенно голый и с виноватым лицом, стоял в огромной белой ванне под берёзой, морщился от попавшего в глаза мыла, и мама остервенело мылила обеими руками его голову. По упитанному телу Крылышкина, по животу, плечам и ногам обильно сбегали пенистые ручьи.

Бедняга! Года два тому назад вот так же и при всех мыла мама Васю. Точно он был грудной, и Вася настоял, чтобы его мыли на терраске или в сарае. А теперь уже старается мыться сам.

Несколько малышей сидели вокруг на траве и с любопытством смотрели, как под быстрыми и точными мамиными руками Крылышкин становился чистым и скрипучим. У него были туго сжаты от мыла глаза и, как у великомученика, сморщено лицо. Ждать, пока он откроет глаза, было некогда, и Вася сказал:

— Петь, это я, Вася... Скажи, у вас нет чистого конверта? Я потом отдам...

Крылышкин открыл рот, чтобы ответить, но на язык его шумно шлёпнулась пена, и Петя стал отплёвываться и сопеть. Отплёвывался он так сильно и далеко, что сидевшие вокруг зрители в панике повскакали и заняли места подальше, куда Крылышкин при всём желании не смог бы доплунуть.

— У нас нет конверта, Васенька,— сказала его мама, полная, с крашеными, ослепительно-белыми волосами и добрым лицом.— Мы здесь никому не пишем писем...— Она продолжала обеими руками энергично скрести густо намыленную голову Крылышкина и при этом просила его не дёргаться, не крутиться в ванне — можно поскользнуться и упасть.

Крылышкин судорожно держался обеими руками за края, и от резких маминых движений его мотало из стороны в сторону, точно стоял он не в пластмассовой ванне, а мужественно плыл в морской шлюпке при девятибалльной штормовой волне. И его поднимало с одного высоченного гребня на другой.

— Ты как моряк! — крикнул Вася, чтобы Крылышкин не слишком огорчался. — Я пошёл... Приходи завтра!

Вдруг Петя сел на дно ванны, решительно замахал руками и, не разжимая губ, замычал, чтобы мама скорей смыла с его лица мыло — наверно, хотел поговорить с Васей о чём-то важном. Но мама ещё не кончила мыть голову Крылышкина, а Вася очень торопился и ушёл.

Он вернулся на свой участок. Папа сидел на корточках возле сарая и пытался насадить на новый черенок лопату: старый вчера нечаянно сломал, и бабка Федосья полчаса ворчала на него за неосторожность.

Вася постоял рядом с папой, собрался с силами и сказал:

— Пап, я только что написал письмо Андрюшке, позвал его к нам...

— Ну и хорошо. Что от меня требуется? Чтобы опустил письмо?

— Не только опустил, — сказал Вася.

— А что же ещё?

— Оно, понимаешь ли, папа, секретное. Сверхсекретное... И у меня нет конверта... И...

— И ни один человек не должен прочесть его?

Папа внимательно посмотрел на Васю, и Вася кивнул.

— И даже Саньке не дал бы?

— Ну что ты, папа... Саньке я всё отдал бы... Всё! Ведь Санька же...

— Стоп. Я знаю, что ты скажешь дальше. — Папа улыбнулся. — Так будь уверен, что ни один человек, кроме твоего Саньки, если повстречаю его, не прочтает письмо.

На этот раз заулыбался Вася, и сердце его признательно толкнулось в рёбра.

— Иди и положи мне письмо в левый боковой карман пиджака, — сказал папа, — и на всякий случай застегни на

пуговицу, чтобы не потерялось. На вокзале куплю конверт, надпишу и опущу...

Вася бросился к дому и сделал всё, что велел папа, и был совершенно спокоен, что так оно и будет: его секрет останется нераскрытым. Папа ещё ни разу за всю Васину жизнь не обманул его, и даже, кажется, не было случая, чтобы не сдержал своего слова.

Ближе к вечеру они скромно отпраздновали окончание отпуска, выпив кагора. Вася тоже хотел чокнуться с мамой, папой и бабушкой, но — вот беда! — в бутылку с яблочным соком забралась пчела. Она обиженно жужжала, пытаясь улететь, и всякий раз натывалась на стенки и падала в жёлтый сок.

— Придётся тебе чокнуться пустой рюмкой, — сказал папа, — или налей холодного чаю.

Вася кинулся в комнату, принёс стрелу от своего лука, сунул в горлышко бутылки; пчела по этому мостику выбралась наружу. Вася посадил её на подоконник сохнуть и чокнулся как равноправный со всеми рюмкой с яблочным соком. А когда они поели и собрались провожать папу, пчела обсохла, Вася вынес её на бумажке на крыльцо, и она благополучно улетела в свой улей.

Потом Вася с мамой провожали папу до бетонки.

По ней папа должен был пройти три с половиной километра до железнодорожной платформы или поймать попутную машину. Папа на этот раз был в хорошем сером костюме, в левом боковом кармане которого лежало аккуратно сложенное письмо к Андрюшке.

Когда они проходили возле Санькиного забора, папа с усмешкой сказал:

— Тебя, сынок, как компасную стрелку к северу, клонит к нему...

Мама засмеялась и ласково помяла Васино ухо:

— Да куда его не клонит! Он терпеть не может этого совершенно неуправляемого типа, скандалиста и грубияна... Верно ведь?

Вася захохотал и, раскинув в стороны руки, стремительно помчался к бетонке. Потом они втроем пошли по ней, про-

бывавшей леса и поля Подмосковья, прошли мимо глубоко вырезанного в асфальте бычка и надписи с двумя восклицательными знаками.

— Ну, хватит меня провожать... До свидания! Слушайте друг друга, плачьте не чаще раза в неделю, хорошо лопайте и побольше читайте...

— Идёт, папа! — заверил Вася.

Они пошли с мамой назад и несколько раз оборачивались и махали папе, и он отвечал.

Васе было грустно, что папа уехал и вернётся не раньше чем через одну-две недели, но ему было и радостно: родители совсем не против, а, может, даже и за его дружбу с Санькой... И когда Вася с мамой опять поравнялись с Санькиным забором, она сказала:

— Пойдёшь со мной или нет?

— Нет! — Вася кинулся к Санькиной калитке.

Санька ходил в синей майке и потрёпанных, с кожаными заплатками джинсах возле клетки, полученной на спор у Бориса, и разговаривал с Зуркой, большим пушистым кроликом, сидевшим за проволоочной решёткой. Зуркой Санька назвал кролика в честь своей собаки, которую очень любил и которая два года назад погибла на бетонке — сшиб самосвал.

Увидев Васю, Санька заулыбался:

— Классный кролик, а?

— Нормальный... Ты что танцуешь возле клетки?

— Хороший он! Чего стоят одни уши! А глаза! Огромные, умные... А знал бы ты, какой он добрый, послушный и беспомощный! Просто жаль, что он такой и ничего не может нам сказать. И что живёт в неволе... Ну пошли, травы нарвём Зурке... — Не дожидаясь Васиного согласия, Санька бросился в сарай и выбежал с пустым мешком.

Они ползали на коленках по широкой поляне, рвали свежую кашку и разговаривали. Ребята на поляне были не одни. По другому краю её ходили сёстры Сомовы и, громко посмеиваясь и шушукаясь, рвали цветы. На поляне была уйма цветов! Высокие и крупные ромашки с жёлтыми глазами и белыми ресницами лепестков пестрели вокруг ребят, крупные бледно-голубые лесные колокольчики упруго

гнулись от шмелей и пчёл, и над всей поляной стоял тонкий, чистый, звучный аромат.

У сестёр в руках уже были большие букеты, а они всё рвали и рвали цветы. И Васина мама всегда рвала их здесь, уезжая в Москву. Санька то и дело отрывался от своей кашки, поднимал голову и поглядывал на Олю.

Высокая и тонкая, в белом с жёлтыми горошинами платье, она сама была похожа на большущую ромашку. Но даже издали было видно — так она шла по полянке и так нагибалась за цветами, — что она чуточку высокомерна и никогда первой не подойдёт к какому-нибудь мальчишке.

Санька задумался, заулыбался каким-то своим мыслям и почему-то всё время отворачивался от Васи. Потом, забыв про кашку, он нарвал возле бугра целую охапку длинных колокольчиков и сказал:

— Во какие! Нравятся? У Ольки таких нет. Может, отнесёшь ей?

— Давай.— Вася протянул руку, однако Санька тут же вырвал у него охапку и бросил под ноги. Тёмные брови его на переносице угрюмо сошлись.

— Ты чего? — удивился Вася.— Мне это ничего не стоит... Отнести?

— Не надо... У них там цветы не хуже, чем здесь...

«Опасается чего-то, — подумал Вася.— Неровные они, эти девчонки, особенно Оля, и никогда не знаешь, чего от них ждать...» Вася подождал немного и уже хотел было рассказать Саньке о том моряке-тихоокеанце, который загорелся, как факел, и бросился на танк, но раздумал: для этого рассказа совсем не подходили обстановка и настроение.

Сёстры Сомовы скоро ушли, и Санька вроде бы повеселел. И тогда Вася спросил его, не страшно ли было доить корову.

— Непривычно, — ответил Санька, совавший в мешок большие горсти клевера.— Я решил доказать Борьке, что будет у меня его клетка, а у Зурки — приличная жил-площадь...

— Слушай, Сань, — сказал Вася, — не сердись, пожалуйста, на Крылышкина, он не хотел тебя подвести. Он очень

доверчивый и не знал, в чём дело, когда к нему подбежали пастухи, и поэтому показал на твой дом.

— А и знал бы, в чём дело, всё равно показал бы! Из робости, из страха, из-за своей, как ты говоришь, доверчивости выдал бы.

Вася со вздохом сказал:

— А может, и не выдал бы... Он хороший и добрый... Небось и тебя обыграет в шахматы...

— Ну и что? Пусть обыгрывает. На здоровье! Я ведь не об этом.

— Не плохой он — вот что я хочу сказать, — стоял на своём Вася. — Нет у него здесь настоящих друзей. Один он. Вот и растёт таким робким... И мама с папой у него чересчур заботливые — ни одного шага сделать самому не дадут... Его не надо гнать от себя, Саня...

— Пожалуй, — согласился Санька. — И о родителях верно судишь: им это приятно — заботиться о своём ребёнке, и совсем они не думают, что из него получится... Смотри только Эдьку не защищай, здесь ничего не поможет.

Вася кивнул и спросил совсем о другом:

— Значит, добровольно не поедешь к тётке Ольге?

Санька упрямо мотнул головой:

— Дурак я, что ли? Лишь на милицейском мотоцикле с коляской и с наручниками на руках.

Вася вдруг представил Саньку, едущего по бетонке в сопровождении милиционера, и громко рассмеялся.

— Ты чего? — Санька вздрогнул.

— Да так... Вообразил... А ты, Сань, не лезь на рожон, выжди. Ведь могут же...

— Пусть попробуют! — В Санькиных глазах запрыгали чертенята, крошечные, но вполне настоящие — Вася отчётливо видел их: с рожками, копытцами и хвостиками. — Отец сказал, что неплохо бы мне там отдохнуть от этого участка, развеяться и посмотреть на мир. Он уверен, что эта тётя Ольга, если она справедливая, найдёт со мной общий язык. А вот Маринка воспротивилась, она знакома с этой тётей... И знаешь, что Маринка сделала?

— Что? — Вася, не дыша, приблизил к нему лицо.

— Заявила своей мамочке, что если она отправит меня погостить к своей сестре, то поедет вместе со мной. Соскучилась по великой русской реке и заливным лугам. Сообщила? Вместе с Маринкой я охотно поеду, в Волге будем купаться, рыбу ловить — рыбу, а не бычков! — загорать, и тётя Ольга не причинит нам никакого вреда... Лафа, а не жизнь!

Вася широченно заулыбался. Потом спросил:

— Сань, где ты всё пропадаешь? Недокличешься тебя. Эдька говорит, что в студенческом строительном...

— Выходит, иногда он говорит правду,— сказал Санька.— У них мне нравится. Есть у них один такой парень, Володька. Очкарик, но ничего — сильный и весёлый. Познакомился с Мариной в продмаге в Рябинках и недавно появился к нам в гости. Видел бы ты, как наш дед за чаем рассыпался перед ним! У деда губа не дура, он ничего не делает просто так, всё у него рассчитано. На этот раз хочет подбить студентов, чтобы сарайчик подправили, душ поставили. Володька обещал поговорить с товарищами. Ну, я тоже познакомился кое с кем. Несколько раз таскался в их лагерь. Студенты — это люди. Всё понимают, как надо. Не жадничают, не суетятся, всему знают цену. А как играет этот Володька на гитаре и поёт — заслушаешься! На пластинку бы записать! И девчонки там не кривляки, нормальные. Весело. Давай вместе сходим завтра?

— Они же работают,— сказал Вася.— Не прогонят меня? Я-то кто для них?

— А ты не с пустыми руками. И пойдём после работы. Свилярник свилярником, а веселье весельем...

— А что я должен взять? — спросил Вася и, подумав немножко, перебрав одно, другое, третье, добавил: — Мы ведь ещё не взрослые... И вообще...

— А ловить бычков ты умеешь? — в упор спросил Санька, и Вася никак не мог связать умение ловить бычков со студентами стройотряда.

— Умею.

— Ну и ничего больше пока что от тебя не требуется. Пошли к Зурке, уже полный мешок...

Глава 11

ЧЕРЕП И ДВЕ КОСТИ

Приоткрыв дверцу клетки, Санька толкал горсти клевера, и кролик, смешно, по-птичьи пискнув, принялся, задвигая носом и усами и тут же принялся за еду. Санька погладил его шелковистую шкуру и заулыбался:

— Ешь, ешь, у меня ты голодным не будешь...— И повернулся к Васе: — Если будут дома отходы от капусты и ненужные кочерыжки, тащи сюда.

Вася кивнул и спросил:

— А чего это твой дед вдруг купил Зурку? Любит крольчатину и хочет, чтобы был пожирней?

— Ну да! Пусть только коснётся его — дом подожгу! Скажешь тоже... Ты с этим поосторожней!

К ним подошла Марина, босая, в коротком розовом халатике на пуговицах, и засмеялась:

— Не перестарайся! Эти кролики не знают меры — едят сколько влезет, до отказа набивают пузо, а потом и лапки кверху...

— Зурка не такая, — обиделся Санька и опять осторожно погладил худенькое — косточки прощупываются под пальцами — тело Зурки.

Мимо них с лейкой прошёл дед Демьян:

— Не мучай животное! Лучше воды наноси и полей огурцы и помидоры... Слышишь?

Санька терпеть не мог приказаний деда и по привычке огрызнулся:

— Слышу!

— Охота тебе всё время задирать его, — сказала Марина, — пропускай мимо ушей, и всё... Да, ещё вот что. Моя мама сегодня спросила, есть ли у тебя какой-нибудь спортивный разряд.

— Ну есть. А зачем ей это?

— Сам спроси у неё. Интересуется.

Марина придирчивым взглядом оглядела Саньку, велела повернуться левым боком, потом задом.

— Опять разодрал джинсы! Через колючую проволоку пролезал? На крюке подъёмного крана висел?

Санька блеснул глазами и неразборчиво буркнул:

— Да вроде нет. Было, да другое...

— Снимай, ещё заплатки поставлю: старую сумочку в ход пушу или драные дедовы хромовые сапоги... Что бы я, Санёк, делала без тебя?

— А что? — недоверчиво посмотрел на неё Санька.

— А то, Санёк, что если бы ты был аккуратненький и бережливенький, никогда бы я шить не научилась. А теперь даже по коже могу... Ты мой учебный полигон!

Санька захохотал, крепкими руками подхватил Марину за талию и под коленки, оторвал от земли и закружил. Она радостно взвизгивала и визжала бы и кружилась, наверно, ещё целый час, если бы дед Демьян не закричал на них.

Поставив раскрасневшуюся Марину на землю, Санька сказал, что отдаст ей джинсы, когда окончится его рабочий день, и посмотрел на Васю.

— Тебе, наверно, скучно с нами?

— Что ты! Наоборот. А почему ты спросил это?

— Ведь мы с Маринкой переростки и дурака валяем, а ты серьёзный мальчишка и не любишь терять даром времени.

— А я с вами не теряю его...

— А знаешь что,— вдруг сказал Санька,— пошли на пруд! Корабли давно не пускали... Ты же ещё не видел моего «Пирата». Я кое-что придумал... Ты оценишь!

— А дед? — спросил Вася.— Он ведь велел тебе воды наносить и полить огурцы на ночь... Может, после на пруд?..

— Никаких «после»! Пусть знает, что у меня тоже есть свои интересы и что я человек... Он со мной не считается, а я должен считаться с ним?.. Пойдём на пруд!

— Пойдём!

Санька любил его за это: Вася поддерживал все его игры, и случалось, так входил в азарт и накалялся, что потом приходилось урезонивать его. И мама с папой у Васьки понятливые, открытые, не надутые. Не то что бабка Федосья, упрятанная в себя, как улитка в раковину,— никогда не знаешь, что она думает и как поступит. Один был недостаток у Васи — маловат, почти малыш. Не обо всём с ним говоришь. Не дорос до многого. Даже неловко было водиться с ним. И Санька звал его играть лишь тогда, когда оставался в одиночестве или ссорился с приятелями.

— А мне можно с вами? — спросила Марина.— Я тоже хочу посмотреть.

— Тебе всё можно, только чтобы в случае чего своей мамочке — ни-ни... Она у тебя строгая: не подступись!

— А что значит «в случае чего»? — спросила Марина. — Ты меня чем-то пугаешь? Что-то задумал? Говори уж прямо.

— Да мало ли что может быть на испытаниях...

Санька бросился за дом, туда, где был другой построенный им, крытый толем домик: в нём стояли ржавая койка, столик, табурет, а у двери — верстачок с тисками. К задней стенке домика был прислонён резиновый корабль.

Санька нырнул в домик и вернулся с трёхмачтовым бригом в руке. Он был большой, с полметра, и почти как настоящий.

Вася прямо ахнул, увидев его. «Пират» — было написано чёрным по борту. Санька на ходу поправлял на мачтах белые паруса, сшитые Мариной. Вася бежал за Санькой по дорожке меж высоких синих и жёлтых ирисов.

— А Крылышкина можно позвать? — спросил он.

Санька поморщился, но раз Васе хотелось, махнул рукой:

— Зови.

— Сань, только не пускай без нас. — Вася преданно коснулся его локтя и посмотрел в глаза. — Надо, чтобы все видели! Подождёшь?

Санька кивнул:

— Только спушу на воду... Шпарь!

Вася как угорелый помчался в другой конец посёлка, а Санька с Мариной нырнули в калитку, ведущую к Мутному пруду, взобрались на сомовский мосток, прочно стоящий на толстых кольях. Санька опустил в воду указательный палец, поднял, определил направление ветра и стал разворачивать и закреплять тонкими нитками паруса. Из бортовых окошек брига грозно выглядывали пиратские пушки.

Санька опустил бриг. Он встал ровно, без крена, четко отражаясь в вечерней воде пруда.

— Красавец! — вздохнула Марина. — Откуда у тебя, Санечка, такие руки?

Он стеснялся, когда его хвалили, и промолчал. Ничего особенного не было в этом разбойничьем бригае. Если бы дед не отрывал всё время, не то бы сделал.

— Неужели поплывёт? — спросила Марина.

— А то нет? Как миленький! Вот как сработают пушки...

— А как они должны сработать? — спросила Марина, откинув длинные белокурые волосы.

— Потерпи, увидишь!

Вася явился минут через десять, с ним был не один Крылышкин, а ещё три малыша и Эдька. Зачем Васька притащил и его? Впрочем, тот, наверно, каким-то образом пронюхал и явился без всякого разрешения.

Санька громко сказал: «Пускаю!», снял с борта брига катушку-лебёдку; вторая, с нитками, находилась на корме и могла свободно вращаться, сматывая нитку.

Санька отпустил бриг. С наполненными вечерним ветром парусами он помчался наискосок по Мутному пруду, и на нём незаметно разматывалась тонкая нитка.

Бриг летел вперёд, разрезая поверхность пруда, и от него шарахались в сторону водомерки и какие-то водоплавающие жучки.

— Ура! — закричал Вася.

Крылышкин поддержал его, а Эдька зажал ладонями уши и демонстративно скривился.

— А зачем эта нитка? Какую она играет роль?

Санька не захотел отвечать.

«Пират» пересек Мутный пруд, с разгона уткнулся острым носом в глинистый берег. И когда Санька принялся за ручку вращать лебёдку, виток за витком нитка стала наматываться на барабан, и бриг медленно, кормой вперёд, двинулся к Саньке.

— Ты гений, Санька! — крикнул Вася. — Какая механизация!

— На уровне шестнадцатого века! — съязвил Эдька. — Когда ни пара, ни электричества не было... Я бы придумал что-нибудь посовременней...

— Васька, — перебил его Санька, — вот тебе спичечный коробок, насобирай кузнечиков, божьих коровок и другую живность...

— Я тоже буду... Можно? — подал голос Крылышкин.

— Валяй.

— А крыса вам не нужна? — спросил Эдька. — Могу принести.

— Нужна, нужна! — сказал Санька. — Поймай её, пожалуйста, и посади себе в рот...

Вася с Крылышкиным и Марина засмеялись, а Эдька не нашёлся что ответить и брякнул:

— Дурак ты, Санька! Губошлёп!

— От дурака слышу... — без всякого энтузиазма — он не любил браниться — ответил Санька, вращая ручку лебёдки.

«Пират» медленно приближался. Вдруг Санька заметил на другом конце пруда мачеху. Минут пять стояла она неподвижно и молча смотрела на «Пирата». У Саньки засосало под ложечкой.

— Марин, смотри, — шепнул Санька, — как бы...

— Вижу. Не бойся. Дай мне покрутить ворот.

Марина со смехом стала вращать ручку.

Её мать скоро исчезла.

Вася с Крылышкиным бегали по лужку и ловили кузнечиков. Один раз Вася спросил, ловить ли бабочку, и Санька ответил, что бабочек трогать не нужно.

Смеркалось; едва заметный прозрачный парок начал куриться над прудом и полями. Отчётливей стал доноситься рёв машин на автостраде и бетонке и отдалённый лай собак.

— Ну скоро вы там?! — крикнул Санька, когда бриг причалил к мостику.

Мальчишки прибежали, и Санька приоткрыл коробок и впустил на палубу «Пирата» разношёрстную команду — трёх красных в чёрных точечках божьих коровок, с десятком кузнечиков и большого жука с блестящей чёрной спинкой.

Затем Санька оттолкнул бриг.

Ветер снова упёрся в белые паруса, и корабль понёсся наискосок через пруд. Было видно, как кузнечики неуклюже расхаживали по его палубе и косились на воду, а божьи коровки, как испытанные морские волки, сразу полезли по мачтам вверх.

Санька был уверен, что, достигнув кончиков мачт, они благополучно улетят, как улетают с поднятого вверх пальца, особенно если ещё пропеть заклинание: «Божья коровка, улети на небо, принеси оттуда мне кусочек хлеба...»

— Совсем не умно,— процедил Эдька.— Я бы не то придумал...

Санька почувствовал, как начинает подниматься раздражение.

Эдька всегда завидовал ему, старался оговорить его, уколоть, опорочить все его дела в посёлке. Чем лучше были дела и настроение у Саньки, тем охотней насккивал на него Эдька, совал палки в колёса. А когда Саньке было плохо — что-то не ладилось или на него нападали взрослые, — Эдька, пряча в губах улыбочку, на какое-то время примолкал. Санька старался не замечать его, и это ещё больше злило Эдьку.

На этот раз его наскоки задели Саньку. Возможно, потому, что сам он не был до конца доволен бригам. Чего-то ему не хватало. Наверно, должен быть более зловещим и лихим.

А может...

Вдруг Санька всё понял. Понял, чего не хватает бригам, и сказал:

— Марин, будь другом, принеси из дому чёрный фломастер.

— Зачем?

— Сейчас увидишь... Ну, Марин!

Через несколько минут она вернулась.

Она вернулась как раз в то время, когда «Пират» снова был притянут ниткой с противоположного берега,— на этот раз ручку лебёдки крутил Вася.

Санька поднял бриг, выпустил на берег экипаж — кузнечиков, жука и не решившуюся улететь божью коровку. Затем вытащил из гнезда переднюю фок-мачту с самым большим парусом и на полотне паруса чётко и устрашающе, как на трансформаторных будках и столбах с электропередачей, нарисовал фломастером череп с оскаленными зубами и ямами глазниц, а внизу — две перекрещённые берцовые кости.

На «Пирате» и парус должен быть пиратским! Правда, паруса на таких кораблях обычно бывали чёрными, а череп с костями — белыми. Ничего, и так сойдёт...

Санька воткнул фок-мачту на место, и Вася с Крылышкиным и другие малыши заахали от восторга.

А Эдька отрезал:

— Белиберда, не страшно!

А вообще-то, честно говоря, было страшновато. Даже Саньке было немножко не по себе от этого черепа с костями, от чёрной смерти, глядевшей с паруса его брига. Не верилось, что сам нарисовал, и так легко, так быстро...

Но главное было впереди.

Поставив бриг на воду, он достал спичечный коробок, приоткрыл по бортам два длинных люка, поджёг в них промасленные шнуры и оттолкнул бриг подальше от мостка.

Ветер подхватил и понёс его, закачав на мелкой волне.

И вот когда бриг был метрах в шести от берега, в воздухе лопнул выстрел, и над стволом крайней пушки левого борта заструился белый дымок. Затем лопнул второй, третий, четвёртый, пятый выстрел...

Малыши продолжали кричать от радости. Да и Марина по-мальчишески хлопнула Саньку по спине:

— Ого! А ядра в нас не попадут?

— Холостыми бьёт,— сказал Санька и, признаться, был доволен работой корабельных пушек.

Он осторожно потянул за нитку, «Пират» повернулся к берегу другим, правым бортом.

Тотчас грянул залп, и на воду стал оседать дым и чёрные хлопья сгоревшей бумаги.

Ребята подбегали к Саньке, впопыхах обнимали, жали руку, спрашивали, как он догадался построить такую многопушечную штуку. Лишь Васька не лез к нему. Курносый, с растрёпанными золотисто-белыми волосами, он вдруг подскочил к Эдьке и толкнул в грудь:

— Ну как — белиберда? Что ты скажешь теперь? Что?

— Потрясающе! Эпохально! Гениально! — завопил Эдька, и сердце у Саньки сжалось от обиды. — Такой бриг надо в музей, под стекло! Не дышать! Трястись над ним!

Санька до боли закусил губу.

— Петух, включи механизм возвращения,— сказал он Крылышкину и подал маленькую лебёдку.

Крылышкин стал стремительно крутить ручку.

Бриг быстро приближался к берегу, и в сгущавшейся темноте смутно светлели над водой его паруса.

Санька не дождался его возвращения.

Крикнув: «Мальчики, погодите! Ещё не всё!» — он рывком вскочил с мостка, помчался на участок к своему полуигрушечному, полунастоящему домику, достал из-под матраца тяжёленький, с торчащим шнурком спичечный коробок — если бы в нём были спички, он был бы куда легче!

Прибежав к пруду, Санька открыл другой люк на полу-баке «Пирата», сунул коробок внутрь. Поджёг шнурок и почувствовал, как к горлу подступили слёзы. Наверно, это было безрассудно, странно, глупо... Но пусть будет так.

Сильным толчком Санька оттолкнул бриг от берега...

И закричал:

— Спасайсь, кто может!

Мальчишки, ничего не понимая, остались на мостке, и тогда Санька стал сгонять их, сталкивать на берег. И Марину потянул за руку.

Санька знал — никакая опасность ребятам не угрожает, и всё же хотел отогнать их подальше: мало ли что бывает. Ветер относил бриг к середине пруда, и было хорошо видно, как горит огонёк на шнуре.

Но никто ничего не понимал... Никто!

Даже Саньке не очень верилось, что вот сейчас это случится.

— Смотрите! — крикнул он. — Все смотрите на бриг!

Новые голоса послышались возле пруда. Борис с десятиклассником Серёгой, рослым, как студент третьего курса, с пробивающимися усиками и басовитым голосом, подошли к мостку.

Серёга был с карманным фонариком. Он осветил по очереди лица ребят, мосток и уже совершенно тёмный пруд.

Борис, заметив Крылышкина, глухо сказал:

— Ага, и ты здесь!

В это время раздался взрыв.

Столб ярчайшего огня взлетел в воздух, отразившись на мгновение в воде, вырвал из густой темноты кусты у берега

и ребят возле мостка. Облачко чёрного дыма стремительно взмыло вверх, и стало очень тихо. И пронзительно, до рези, до слёз в глазах стало видно, как горят паруса брига, как тлеют его мачты и рей. И огонь зловеще отражался в воде.

— Сань, зачем ты это сделал? — плачущим голосом закричал Вася.

Другие тоже закричали, даже Марина и та стала ругать и корить его.

— Это не я сделал, а предатели! — ответил Санька. — Один среди нас! Он подал сигнал другому предателю на бриге, и тот взорвал корабль... Предателей ругайте, а не меня!

— А кто среди нас предатель? — спросил Вася.

— Если бы я знал! Но он есть, есть... Он затаился и ждёт случая, чтобы навредить нам...

— Трепач ты, вот кто, — сплюнул Эдька.

— А предатель на бриге? Он бросил факел в пороховой погреб? — подал тонкий голосок Крылышкин. — А он не погиб?

— А ну проваливай отсюда, пока сам не пошёл ко дну! — недобро сказал Борис. — И чем быстрее, тем лучше! Ну? — Он молча взял Крылышкина за ворот рубахи и так потряс, что у того беспомощно заболталась на тонкой шее голова. — Тебя кто звал сюда?

Санька почувствовал лёгкое удушье. Борис был старше его, наверно сильнее, но Санька терпеть не мог такого. Он шагнул к Борису.

— Я звал. Оставь его... Он ведь маленький, а ты... Откуда в тебе столько злобы? — Санька цепко схватил руку Бориса, всё ещё державшую Крылышкина за ворот рубахи. — Кому ты мстишь?

— Тебя он выдал пастухам, а ты и рад? А я — другой человек, у меня крепкая память, я не забываю подлости, и я не хочу, чтобы он здесь торчал! Я видеть не могу этого болтуна и слюнтяя! — Борис другой рукой стал срывать Санькину руку и резко оттолкнул его, так что Санька чуть не упал и больно стукнул в грудь Марину и в плечо Васю, стоящих рядом. — Нечего здесь делать соплякам!

— Отойди,— попросил Санька напряжённым голосом, едва сдерживая себя.— Он не виноват... Отойди, ну? И отпусти руку... Кому говорят?

— Сброшу в пруд! — предупредил Борис.— Марина, уведи своего психопата, любителя свеженьких огурчиков, или я...

Санька сделал стремительный выпад правой, и все ахнули.

В воздухе мелькнула белая рубаша Бориса, и он тяжко плюхнулся в пруд, обдав всех холодными брызгами.

— Я тебе дам! Я тебе покажу, гад! Воришка! — закричал Борис, встал на ноги — вода ему была по грудь — и, весь мокрый, с прилипшими ко лбу волосами, в зелёных водорослях и тине, ринулся на берег.

Но берег был скользкий, Борис несколько раз съезжал в воду, и кто-то из малышей прыснул.

Тогда вперёд вышел Серёга, подал Борису руку и одновременно загородил своими широкими, уже вполне студенческими плечами Саньку. Вытащил Бориса из пруда и сказал:

— Всё. Представление окончено. Малышня, по домам! И чтобы молчок. А взрослые остаются здесь... Всё выясним!

Крылышкин с Васей и другие малыши шмыгнули к калитке, и кто-то из них — кажется, Вася — восхищённо шепнул: «Ну и ударчик!»

Однако Санька не был доволен случившимся: он не любил драться, и если бы Борис не прицепился к Крылышкину и не вспомнил про эти чёртовы огурцы, он никогда бы не пустил в ход кулаки.

Одно мучило Саньку: дед Кхе был не вредный, скорее безобидный и нудный — Борис куда хуже его! — и стоило ли из-за этого рвать его огурцы? И для проверки собственной меткости и храбрости разбивать из рогатки общественную лампочку на столбе возле колодца? Об этом никто, кроме него, не знает. Но он-то, он-то знает!

Стоило ли это делать? Ну нарвал полный карман огурцов, ну брызнула осколками лампочка... Ну и что?

Много он этим доказал себе?

Глава 12

РАБОТЯГИ

Санька пришёл домой в самом скверном настроении: он совсем не хотел тратить коробок с серой, приготовленный для другого, и взрывать бриг, который строил больше месяца, ради которого несколько раз ходил в совхозную мастерскую к Алексею Григорьевичу.

Как всё глупо получилось! Санька не ждал, что Борис полетит в пруд; и ведь ударил его не очень сильно. Видно, стоял неустойчиво и не ждал удара. Когда Серёга пытался помирить их и отругал того и другого, Борис угрожал, что ещё отлупит Крылышкина и ему, Саньке, припомнит за всё...

Вряд ли Борис исполнит своё обещание, зато он понял силу Санькиных кулаков и, возможно, больше не будет приставать к малышу. Хуже было другое: как бы всё не дошло до деда. Ведь он-то, Санька, лишь делал вид, что не боится его угроз. Это он перед Васькой хвастался, что его могут только с милицией услать на лето к тёте Ольге. Запросто могут и без милиции, и не пикнешь. А Марине не позволят ехать с ним. И точка. Не взрослая ещё — девчонка. Отец тоже не против. Он думает, Санька там отдохнёт лучше, чем здесь. И не хотелось разубеждать его.

Санька не боялся деда. Если бы боялся, это было бы не так страшно. Хуже было то, что он ненавидел деда. Его отец это чувствовал и время от времени просил Саньку как-то понять деда. А Санька не хотел этого, а скорее всего — не мог. Чего там его понимать, если он насквозь виден невооружённым глазом и весь как на ладони?! Наверно, отец хотел, чтобы Санька не столько понял, сколько оправдал деда... А это было невозможно! Что для деда главное? Чтобы всё на его огороде и в его жизни было в порядке, аккуратненько, чистенько. Чтобы все его слушались и думали в точности так, как думает он. И никаких там отклонений! Ни на миллиметр, ни на йоту... Боже упаси! Поглаживая свою ухоженную бородку и прищулив глаза, дед любил во время вечерних чаепитий поучать и делиться своим бес-

ценным, полувековым опытом. Он уверял, помешивая в стакане серебряной ложечкой варенье из собственной чёрной смородины, что жизнь — сложнейшая штука и требует от каждого большого искусства: осмотрительности, смётки, ловкости, умения понравиться и находить общий язык с нужными людьми и держаться подальше от слабых, неумелых, «чокнутых» людей...

Санькину маму он тоже всю жизнь считал «чокнутой» и бессребреницей, то и дело спорил и ругался с нею — это даже Санька хорошо помнит. Деда возмущало её неумение жить и постоять за себя. Например, не умела получить до положенного срока отдельную квартиру, тратила на что не надо деньги, перечила школьному начальству — мама была учительницей, — заступаясь за трудных, неуступчивых, но справедливых ребят. Она преподавала в старших классах математику и очень любила звать к себе гостей, в том числе и старшеклассников; любила шум, смех, веселье — и не раз бегала к соседям одалживать деньги, чтобы купить повкуснее торт и конфеты. Вначале мама до хрипа спорила с дедом Демьяном, потом махнула рукой и перестала: что толку? Санькин отец всегда держал сторону мамы и принимал на себя направленный на неё огонь. И всё-таки дед был его отцом и, наверно, не всегда был таким, как сейчас. Взрыв в их семье произошёл из-за дяди Миши, маминого брата, молодого инженера, только что окончившего Бауманское училище. Он был маленький, смуглый, подвижный, с чёрными усиками и пристальным свечением в глазах. Он часто бывал у них, иногда ночевал, и Санька буквально не отходил от него — так много интересного знал дядя Миша о технике, новейшей и древней, так точно и быстро умел паять, сверлить, клепать... Ему ничего не стоило отремонтировать остановившиеся часы или внезапно погасший телевизор, переставший накаляться электроутюг или дававшую перебои отцовскую бритву. Он помогал Саньке строить модели и придумывал для него новой формы суда и двигателя... Дед относился к нему более чем сдержанно. А взрыв в семье получился оттого, что дядя Миша нечаянно прожёл в нескольких местах на дедовой кухне (они жили

в его просторной трёхкомнатной квартире) особые, с трудом добытые пластиковые плитки на полу. Дед грубо накричал на дядю Мишу и заявил, что если тот хочет бывать у них, он должен уважительно, аккуратно пользоваться квартирой. Дядя Миша не сказал ни слова и ушёл, а через неделю мама с отцом и Санькой съехали от деда на частную комнату. Мама перестала ездить даже в гости к деду, и тот жил совершенно один в своей громадной гулкой квартире. Он был уверен в своей правоте и не раз в отсутствие мамы звонил отцу и приезжал, уговаривая вернуться, но только без мамы, советовал уйти от неё, пока не поздно, потому что отец, дескать, глубоко ошибся, женившись на ней: настоящей жизни и счастья ему не видать. В его годы, утверждал дед, уже пора чем-то обзавестись — хорошей обстановкой, автомобилем, полезными связями, деньгами на чёрный день, а они с женой живут так, что к ним ничего не прибывает, лишь убывает...

Санька догадывался об этих требованиях деда по телефонным разговорам, по тяжёлым спорам на кухне...

Однако все эти тревожные мысли не мешали Саньке отлично поужинать вместе с Мариной. За столом она машинально накручивала на палец и раскручивала свои длинные волосы и с удовольствием смотрела, как Санька лопал за обе щеки, и приговаривала:

— Ну и храбрец ты, Санька... Как ты его! Он ко всем лезет, и не только к маленьким, отвратительный парень! И считает себя бог знает кем. И Серёга оказался на высоте, а я думала, он увалень и равнодушный...

— Это в нём тоже есть, — заметил Санька, облизывая вилку.

Потом он отдал ей на ремонт джинсы и уснул, и спал так, что пушкой не разбудишь. Проснувшись, Санька сразу вспомнил обо всём, что случилось на пруду. Чем это кончится?

Да, он не боялся деда, но и не хотел на этот раз конфликтовать с ним. Совсем недавно отец опять попросил Саньку не задира́ть его: стар ведь, не очень здоров, с годами стал неуживчивей и потом, старается же на участке не только для себя. Все они едят его овощи, ягоды и фрукты, нюхают

его цветы. И если Санька хочет, чтобы поняли его, то и он должен понять деда. Иначе ведь нельзя жить...

Санька с утра попросил у деда какой-нибудь работы. Дед не поверил своим ушам и, словно боясь, что Санька передумает, тут же велел ему наколоть дров и наносить в бочку воды для полива: давно не было дождей, на земле всё горело, а их мотор, гнавший с пруда воду, как назло, испортился.

Санька любил работать, особенно когда это было интересно или когда он понимал, что это нужно. Или когда его по-хорошему просили. Сейчас он работал вынужденно, но что поделаешь, если у него такой характер и если такой запутанной стала его жизнь.

Впрочем, дрова он поколот в охотку: не работа, а игра! Игра в точность глаза, в ловкость и силу. Не поддаётся какое-нибудь кручёное, кривослойное, с суками полено, а ты его осилишь и ещё бросишь через голову обухом.

Воду носить скучней, но тоже ничего; недовольно, словно жалуясь на Саньку, повизгивают дужки, до краёв налитая вода так и норовит созорничать — выплеснуться через край на его джинсы (к ним прибавились две прекрасные кожаные заплатки). А он не разрешает воде выплеснуться: идёт очень быстро и держит вёдра строго горизонтально. И два ярких солнца, весело купаясь в них, играют с Санькой, ослепляя нестерпимым блеском. Точно волшебный лазер, а не отражения! А потом он опрокидывает эти полнёхонькие вёдра в бочки: вскинешь, перевернёшь, испытывая, как штангист-тяжеловес, силу своих бицепсов и брюшных мышц, и слышишь, как гулко ухает вода в пустую бочку.

Наверно, часа два без отдыха, голый по пояс, безотказно колол Санька дрова, носил вёдра и одним махом опрокидывал в бездонные прожорливые бочки. Марина в это время тоже не дремала, а занималась женской работой: мыла на кухне посуду, пропалывала грядки...

Дед, проходя возле них, удовлетворённо проворчал:

— Ну-ну, всегда бы так, работяги... Спасибо, внучек. Санька перемигнулся с Мариной.

Скоро он увидел, как Вася — туда-сюда — снуёт по улоч-

ке, поглядывая на их участок. Видно, хочет что-то сказать и ждёт, что Санька позовёт его. И Санька крикнул:

— Ну чего тебе там?

Вася мгновенно появился на участке с «Пиратом» в руке и, задыхаясь от бега и возбуждения, затараторил:

— Сань, вот я достал из пруда... Пригодится ещё?

Вася протянул ему бриг — полуобгоревший, но ещё с мачтами, пушками и даже с парусами на последней бизань-мачте.

— Бери его себе, — сказал Санька и, увидев в светлых глазах Васи ожидание и ласку, спросил: — Ну как там? Не шумят в посёлке насчёт вчерашнего?

— Пока что нет... Как бы Эдька не раззвонил...

— Точно. Любит он неприятности у других...

— Можно, я траву порву для Зурки? — спросил Вася.

— Рви, — разрешил Санька.

— Спасибо, я сейчас приду... — Вася убежал с обгорелым «Пиратом» под мышкой и вернулся с кочерыжкой в руке. Он бросил её в клетку, и крольчиха тут же принялась грызть.

— А ко мне скоро приедет Андрюшка, — вдруг сказал Вася.

— Кто это?

— Мой друг, он очень хороший... Мы с ним вместе были на юге и охотились на крабов... И спускались в кратер давно потухшего вулкана...

— Ну? — вскинул голову Санька. — Настоящий кратер? Глубокий? И страшно было?

— Было... — признался Вася. — Главный кратер погрузился в море, а на суше лишь часть его, он извергался миллионы лет назад...

— Ясно, — проговорил Санька. — Как-нибудь подробно расскажешь обо всём.

— Сань! — вдруг толчком вырвалось у Васи, и голос его сломался. И он замолк.

— Чего? — Санька пристально посмотрел на Васю.

— А с тобой бы я полез в кратер вулкана, если бы он даже извергался! — выпалил Вася и запнулся.

— Это почему же? — удивился Санька, но тут же всё понял, подставил Васе ножку, толкнул — тот полетел на землю, но не долетел: Санька удержал его за руку и поставил на ноги.

Вася засмеялся, подпрыгнул, как козлёнок, и спросил:

— А к студентам ходим? Помнишь, вчера говорил?

— Помню, ходим.

Санька решил сейчас же отправиться в Рябинки, однако в калитку вошёл дед Демьян. У Саньки сразу упало сердце — такой у деда был мрачный вид. Узнал, узнал обо всём!

На всякий случай Санька взял лопату и принялся копать землю (там, где он копал позавчера), хотя дед и не просил его. Дед угрюмо смотрел перед собой и мимо Саньки, пошёл прямо в дом, где уже кухарила мачеха.

Санька не вытерпел и подался за ним. Уж очень не любил он жить в неведении.

— Иди рви клевер, — сказал он Васе, а сам неслышно подошёл к дому.

Чем больше слушал Санька быстрый, прерывистый разговор деда, тем веселей становилось ему. Оказывается, студенты, к которым дед только что ходил договариваться о постройке душа и ремонте сарая, приняли его не очень

ласково. Дед долго ждал, когда они закрепят железобетонную панель, поданную подъёмным краном. Потом кран принёс им другую панель, и такелажница с красным флажком в руке несколько раз кричала деду, чтобы он отошёл. Во время короткого перекура Володька и несколько студентов наконец удостоили его вниманием и подошли; один из них, усатый, с мужичьей бородкой, кажется, был бригадиром. Они говорили с дедом как-то странно, не то соглашаясь, не то отказываясь, явно хитря и беря его на пушку. А потом, переглянувшись, заломили такую деньгу, что деду чуть не стало плохо. При разговоре Володька стоял чуть в стороне и как малознакомый дул в кулак, хотя вся-то надежда была на него. Не он ли подговорил студентов столько заломить?

Санька, очень довольный, бесшумными шагами отошёл от дома: дед был в плохом настроении не из-за него.

Разыскав в сарае Марину, он сказал:

— Я только что узнал... Дед снова был на стройке... Студенты столько заломили... И Володька там был... Видно, не хотят братья!..

— Ну и правильно делают,— ответила Марина,— деду надо за бесценок, а студенты работают на совесть. Володька мне говорил, что дирекция совхоза в Рябинках очень довольна их работой— не первый год строят они свинарники и коровники: на Урале построили, в Казахстане... Хорошо, что они отказываются: нам с тобой было бы стыдно, если бы дед на участке надзирал за ними, покрикивал, указывал и...— Марина вдруг осеклась и замолчала.

— Что? Уж не ты ли подговорила Володьку, чтобы не брались?

— Очень мне надо... У них у самих голова на плечах!— Марина как-то непонятно улыбнулась.

— Не скажешь? Хорошо! Сейчас я сбегаяю на стройку и всё выясню.

— Пожалуйста! Кто тебя держит? Но в таком случае я накатаю Володьке записку,— сразу оживилась Марина и, как показала Саньке, этой своей непонятной улыбкой выдала себя.

Санька знал, что душ был нужен и сарай надо бы подремонтировать, но... Но нельзя было кого-нибудь надуть при этом. Особенно замечательных ребят, раскинувших свой лагерь возле прудов у Рябинок...

— Пиши, а я сейчас! — бросил Санька и побежал на поляну, где всюю трудился Вася.

Глава 13

КУРТКИ С КРАСНОЙ РЯБИНОЙ

— Васька, давай закругляйся — и на Бычий пруд! — крикнул Санька, отнёс неполный мешок Зурке, взял лопату, оглянулся — дед и мачеха ходили по огороду — и принялся копать у забора червей. Копал он быстро, сноровисто и как-то весело, не так, как Вася с папой. Санька любил копку червей: у него это была не копка, а охота.

— Ты куда удираешь, друг любезный! — дурашливо кричал Санька и бережно, но решительно тащил из земли красного червяка, бросал издалека и попадал точно в консервную банку.

Вася тоже тащил, бросал и промахивался, и всё-таки на этот раз ему совсем не было противно или неприятно.

Скоро они накопили столько, сколько было нужно. Санька опять оглядел участок — ни мачехи, ни деда на нём не было.

— Я сейчас кое-чего нарву, а ты внимательно следи по сторонам, — сказал он Васе. — Как заметишь кого, кроме Маринки разумеется, запой какую-нибудь песенку... Хорошо?

— А зачем?

— После объясню... Ну, начинай наблюдение!

Санька побежал к грядке с огурцами, раздвинул руками свежие зелёные плети с широкими шершавыми листьями, нацелился глазом и стал торопливо откручивать висевшие и лежавшие на земле ещё некрупные, но и не маленькие уже огурчики, нежно-зелёные, в младенческих пупырышках и с жёлтыми хрупкими цветками на концах.

Санька набрал их с десятков — пожалуй, хватит: дед заметит и поднимет тревогу (сами ещё не едят, ждут, когда вырастут побольше) и потом целую неделю будет изводить его подозрениями.

Санька подошёл к Васе — тому так и не пришлось петь песенку, но лицо у него было напряжённое, виновато-бледное. Бедняга, он ни разу, наверно, не участвовал ещё в подобных «боевых» операциях! А пора бы...

— Санька, на минутку! — крикнула с крыльца Марина.

Он взял её записку, сложенную, как аптечный порошок, с надписью круглым почерком: «В. Замкову», и они с Васей зашагали к Бычьему пруду.

Лицо у Васи было очень серьёзное, губы решительно сжаты, даже закушены, словно шёл он сейчас не радоваться и веселиться, а на чрезвычайно ответственное, опасное дело, с которого можно и не вернуться живым... Смех один!

Санька вспомнил про его суровых бабок.

— А тебе не влетит, что идёшь со мной?

— Мне? Да ты что! — возмутился Вася, но Санька-то заметил, как весь он залился густо-красным, как огнетушитель, румянцем. Значит, может влететь, и ещё как!

— А хоть доложил бабкам, куда идёшь?

— А чего докладывать? — храбро вздёрнул голову Вася, и это понравилось Саньке.

Они прошли через тополиные посадки к бетонке и через несколько минут оказались у Бычьего пруда.

Со стройки доносилось ровное гудение подъёмного крана, жаркий лязг металла, голоса строителей — они были в коричневых касках, в ковбойках и майках, а кое-кто, невзирая на тёплый день, в зелёных куртках.

Санька с Васей раскрутили все три удочки, но первое время смотрели не столько на поплавки, сколько на то, как плыли в воздухе между облаков серые панели и блоки, как их принимали и направляли, куда нужно, руки студентов.

Поплавки и минуты не оставались неподвижными — бычки клевали отчаянно. Поплавки дёргались вправо и влево, подпрыгивали, тонули. Санька только и успевал вытаскивать из воды леску, пускать в полиэтиленовый мешочек с водой

отцепленного бычка, поправлять на крючке червяка и снова забрасывать.

Работа была живая, лёгкая, и вот эта-то лёгкость и простота быстро приедались. Хотелось хоть раз выждать, вытерпеть, выстрадать, по-настоящему заслужить громадную рыбину! А в Бычем пруду такие рыбы не водились. Иногда здесь попадались довольно крупные караси, но разве поймать одного из них — настоящая удача?

Вася неплохо помогал ему: Санька вытаскивал рыбин пять, Вася — одну, иногда — две. Совсем неплохо! Особенно для малыша. Жаль вот, много времени уходило на то, чтобы снимать с крючка этих скользких головастых обжор, глубоко заглатывавших наживку, каждый раз развязывать прозрачный мешочек и класть их туда.

— Надо было взять ведро, — сказал Санька, и Вася кивнул. — А ещё знаешь что? Надо было прихватить твоего любимого Крылышкина...

Вася с недоумением посмотрел на Саньку.

— Ага! — подтвердил тот. — Чтобы снимал с крючка и бросал в мешочек рыбу! Классный был бы сниматель и бросатель.

Вася засмеялся. Санька любил, как он смеётся: сразу рот до ушей, нос, и без того курносый, картошечкой, весело лез вверх, а смышлённые серые глаза превращались в узенькие щёлочки. Азартный малый! Глядя на его лицо, можно было расхохотаться.

— Ты любишь этих бычков? — вдруг спросил Санька.

Вася не знал, что ответить.

— А чего же нет? Хорошо клюют, не дают скучать...

— Да я не о том, я спрашиваю вообще о них... Я-то их терпеть не могу за жадность и неразборчивость. Просто ослеплены своей жадностью и прожорливостью. И никакой жалости или снисхождения. Ведь почти всех рыб выжили, вытеснили из пруда! Всю икру карасиную и других рыб без зазрения совести жрут, в том числе и свою собственную. И собственных мальков заглатывают... Разве уважающая себя рыба должна так поступать?

— Не должна, — согласился Вася.

Скоро Саньке надоело ловить всерьёз, по правилам этих жалких в своём хищничестве и вероломстве бычков. Он больше не закидывал леску с поплавком в воду, а погружал один крючок с дробинкой на полметра и при малейшей поклёвке тут же выдёргивал бычка. Однако и так наскучило ловить, и Санька с нетерпением ждал конца работы на свинарнике.

Она всё не кончалась.

Трещала электросварка, ревели токарные станки во временной, наспех сбитой из досок мастерской, грохала кувалда, звучали отрывистые команды. Санька ждал, когда все трудовые шумы прекратятся, поворачивал к стройке голову, словно торопил студентов взглядом, нетерпеливым шмыганьем носа и наконец шёпотом: «Ну скоро вы там?»

И дотерпел, дождался!

Строители с коричневыми, ребристыми касками на голове или в руках — кому как нравится — повалили в свой лагерь,

к туго натянутым брезентовым палаткам, к кухне и умывальникам, к огромным столам под навесом с врытыми в землю ножками. Одни курили, другие гонялись друг за другом, третьи на ходу боролись, зубоскалили с девушками, и почти все громко разговаривали и смеялись. Кто-то побежал к прудам, на бегу снимая майки.

— Трудовой пот будут смывать,— заметил Санька.— Вон и наши. Ну, сматывай леску. Записку нужно отдать, и вообще...

Они быстро собрались и заторопились в лагерь. Санька заглянул в огромную палатку с рядами застеленных коек и тумбочками, увидел Володьку: он крутил ручку карманного приёмника.

— Привет! — Санька махнул ему мешочком с бычками.— Письмишко принёс тебе.

— Входи-входи, старик,— кивнул ему Володька. Он был высоченный и худой, со светлыми усиками. В квадратных с тёмной оправой очках. Рядом с ним на койке лежала линиялая зелёная куртка с чёткой белой надписью на спине — «Рябинки», с отлично нарисованной избой и двумя рябинками: на них трепетали резные листики и пронзительно краснели гроздья плодов.

Володька поправил очки, пробежал глазами записку и с чувством запустил большую руку в густые жёлтые волосы.

— Прекрасно! Сейчас же сбегая в Дом культуры... Может, и тебе взять?

— Чего? — не понял Санька.

— Ну, билет на «Выстрел на Монмартре». Французская. Про любовь... Взять? На неё, правда, детишки до шестнадцати не допускаются, но ты у нас, Санёк, крупный малый...

Санька довольно шевельнул большими губами.

— А чего ж нет? Я не прочь... Возьми! — Но, вспомнив про Васю, Санька озабоченно почесал грязноватой пятернёй лоб.— Да я же не один, а Васю могут не пропустить...

Володька направил вниз очки, увидел Васю и улыбнулся:

— Уж это навверняка.

— Тогда и мне не бери,— сказал Санька и невнятно буркнул, преодолев секундное замешательство: — Мы здесь

немного бычков с Васей наловили для бригады... Может, пойдут к ужину, и огурцы есть...— Санька похлопал себя по сильно оттопыренному карману.— Пригодятся?

— Ну спасибо тебе,— ответил Володька,— наши рыбаки сегодня проспали, а вот огурчики... Надеюсь, не стащил где-нибудь?

— Надейся,— сказал Санька, так сказал, что понять можно было и так и этак. О главном — про отношение студентов к его деду — он сразу расспрашивать не решился: надо выждать подходящий момент.— Куда вывалить? Можно на койку?

— Давай. А сейчас, до ужина, мы хотим искупаться вон в том пруду,— Володька кивнул в сторону Бычьего пруда.— Там поглубже и берег повыше. Ты как смотришь на это, старик?

— Положительно! — заулыбался Санька.— Я и плавки на всякий случай надел...

— Ты правильно живёшь! Что бы наша ударная бригада делала без тебя, Санёк? — Володька махнул рукой и закричал: — Ребята, нашего полку прибыло!.. Валите без меня — догону!

Володька быстрым шагом пошёл за билетами в Рябинки, а парни и девушки из его бригады, раздевшись в своих палатках, в плавках и купальниках побежали к Бычьему пруду.

Санька остановился, мигом стащил с себя джинсы и рубаху, рывком стряхнул кеды и помчался как бешеный вперёд. Обогнал всех, бросил на траву скрученную одежду, разбежался, взлетел с высокого берега и — он старался лететь ласточкой как можно выше и стройней! — ловко и красиво воткнул себя головой в воду.

Вынырнул и, далеко выкидывая тело, поплыл вперёд, перевернулся на спину и, выбрасывая сразу обе руки, двинулся к берегу.

Он не видел берега, но отлично знал (там было тихо), что студенты стоят и любуются им. И Санька сил не жалел, чтобы покрасоваться перед взрослыми ребятами, выдать им всё, на что был способен. И даже больше того.

— Да ты, братец, артист! — восхитился Миша, их бригадир, белоголовый парень с мягкой, светлой бородкой. — Тебя трудно переплюнуть... А ну, кто повторит его беспримерный прыжок?

Санька с бьющимся от радости сердцем плыл брассом к берегу и смотрел снизу, как один за другим студенты прыгают в воду. Одни совершенно неопытно шлёпались животами — «желудками», как любил выражаться Санька, другие прыгали правильно и довольно красиво, но входили в воду всего в метре от берега. Третьи прыгали далеко и головой, да уж очень некрасиво. Четвёртые, как и Володька, очкарики, прыгали с очками в руке, и правильно делали — потеряли бы, или разбили, или поранили глаза.

Студентки прыгать не решались, они благоразумно сползли с крутого берега. Парни, как и положено, стали гоняться за ними и брызгаться.

Володька явился только к концу купания, кивнул Саньке — дескать, всё в порядке, — тоже снял очки, разбежался и с ловким перекрутом в воздухе врезался в воду.

Вася не купался. Он скромненько сидел на берегу и, уперев подбородок в колени, глядел на эту студенческую карусель. Санька во всю силу своих рук и ног плавал среди ребят, хохотал, дурачился не хуже их, и временами в его голове мелькало: наверно, бычкам сейчас очень страшно — забились в норы и липкий ил. Забились и дрожат. Так им и надо! Будут знать, как пожирать своих...

А потом был ужин.

Студенты Мишиной бригады усадили их — Васю почти силой — за стол, налили в миски по половнику прекрасной ухи из бычков. Саньке вручили почётную деревянную, расписную черно-красно-золотистую ложку. Было очень вкусно. Потом на столе появилась рисовая каша. Всем не хватило мисок, и Санька с Васей ели из одной миски.

Вася никогда не ел эту кашу, и дай её мама или бабушки — не притронулся бы. А тут надо было есть, и она тоже была довольно вкусной. Даже очень.

— Эй! — со смехом крикнул Володька молоденькой студентке-поварихе в белой шапочке. — Не давай добавки Пу-

занкову, он сегодня тунеядствовал, едва шевелился на свинарнике, всё комаров давил на лбу.

— Комар за версту чувствует тунеядца, у него кровь особая! — вставил кто-то.

— Ладно вам,— вмешался бригадир Миша,— дай ему, и побольше, а то завтра до стройки не дотащится. Всем хватит кашки. Ух какая!..

Всем членам бригады выдали по половинке огурца — сладкого, мелкозернистого, и все похрустывали да похваливали. Санька просто был счастлив, что догадался немножко разорить деда. И досадовал, что маловато нарвал. Ничего не жалко для таких ребят! А если дед заметит... Так ему и надо! У него свет клином сошёлся на этом огороде на грядках, кустах и клумбах, будто ничего нет другого, будто это самое главное в жизни!

— Первейшие огурчики! — заметил Володька. — Не пробовал ещё в этом году... Ну как там твой дед? Очень злится на нас?

— Очень,— кивнул Санька. — Чем-то, я вижу, он вам не понравился... Чем, а?

Все за столом захохотали.

— Жизни он нам не даёт, твой дед, всё время ходит, канючит, мешает работать и выполнять план по свинарнику, а сальце-то небось любит?

Санька кивнул и напряжённо ждал, что Володька скажет дальше.

— Говоря по совести,— сказал он,— могли бы мы после работы потрудиться на ваше с ним благо — это нам не возбраняется,— да ведь он так торгуется, хитрит, выгадывает, хочет, чтобы чуть не задаром вкалывали. Видно, очень он низкого мнения о наших строительных талантах. И вот мы решили напрочь отшить его и сегодня проделали эту операцию... Где ты, старик, откопал такого деда?

— Я... — Санька задохнулся от стыда и горечи и не мог найти первого слова, чтобы со всей силой обрушиться на деда.

— Зато он так играет на скрипке! — внезапно пискнул Вася, примостившийся на скамейке рядом с Санькой, и этот его внезапный, храбрый писк покрыл хохот студентов.

А Санька так и не сказал ничего.

Потом они с Васей сидели в палатке на Володькиной койке и молча слушали горячие споры о писателях-фантастах, о молодых художниках, о кинофильме «Андрей Рублёв»...

Стало смеркаться.

Володька незаметно исчез из палатки — наверно, побежал за Мариной.

В соседней палатке одиноко и мечтательно подавала голос гитара, её тотчас заглушил джаз, как с цепи сорвавшийся с ленты портативного магнитофона, и на эти вечерние, тревожные, яркие звуки все стали выходить из палаток.

Санька с Васей тоже вышли.

Несколько пар в зелёных куртках с красными рябинками на спинах и в таких же зелёных брюках медленно топтались — танцевали в сторонке. Другие сидели на траве и курили, поглядывая на них.

Саньке вдруг захотелось внести оживление и темп в танцы. Он схватил за худенькие плечи Васю и, сломив его сопротивление, бросился с ним в середину танцующих. И стал суматошно кидать его справа налево и слева направо, распуская студентов.

Ну и конечно, опять был хохот.

Скоро на столбах возле палаток и в самих палатках загорелся электрический свет, поданный по проводам из Рябинок. Студенты уходили подальше от него. Уходили по одному, парочками, группками. Свет был слишком резкий, неудобный, и их тянула к себе всё сгущающаяся темнота летней ночи с россыпью звёзд на небе и невнятными чёрными силуэтами на земле.

Возле прудов вспыхнул и взлетел вверх громадный костёр, и Санька за руку, как папа на переходах через московские улицы, потащил Васю к огню.

Острые искры его стремительно уносились вверх и там смешивались со звёздами. Жаркие отсветы костра сверкали в молодых глазах студентов, выхватывали из темноты их шевелюры и лица, блестели на белых зубах смеющихся девушек. Все, кто не пел, не танцевал и не играл в палатках

в шахматы, стояли, пританцовывали или молча сидели вокруг огня, гудящего и рвущегося как из паяльной лампы, к бездонному, беспредельному небу.

Санька чувствовал на своём лице горячее прикосновение этого огня, и от жара его, от беспокойства и счастья немножко шевелились на голове волосы и уносило куда-то высоко-высоко...

Глава 14

ЭДЬКА, КРЫЛЫШКИН И ДРУГИЕ

Когда они возвращались домой, Вася наконец рассказал Саньке о человеке-факеле. Санька полдороги молчал, думал о чём-то, крепко сжимал своей жаркой пятернёй Васину руку, когда приходилось прыгать через рытвины, и потом, у ворот посёлка, сказал:

— А есть ли теперь такие? — И сам же ответил: — Должны быть, хоть и нет войны...

Уже у своей калитки он похвалил Васю:

— А ты к месту вспомнил, что мой дед хорошо играет на скрипке, очень к месту, хоть я и терпеть не могу его... Жаль мне его. Старый он, много прожил, а как мало понимает в жизни... Ну пока! — Санька пропал в темноте.

Вася не совсем понял, почему Санька похвалил его: просто неприятно стало, что все ругают Санькиного деда, вот и пискнул. Однако сейчас некогда было разбираться во всём этом. Как бы дома не влетело: Вася никогда не возвращался так поздно. Хорошо хоть, ещё не уехала мама — с ней ничего не страшно, она всё поймёт.

Так и случилось.

Все уже готовы были ринуться на поиски, но мама просила подождать. Бабушки подавленно молчали на терраске, а мама увела его в комнату, и Вася честно рассказал ей, где был.

Мама не ругала его, а попросила больше так поздно не возвращаться и поинтересовалась, правда ли, что вчера Санька избил Бориса. Вася сказал, что это враньё,

никого Санька не избивал, а если и стукнул Бориса и тот шлёпнулся в пруд — так за дело. И в свою очередь спросил у мамы, кто это разносит по посёлку такую ложь.

— Люди,— расплывчато ответила мама, а Вася почему-то был уверен, что этим добрым словом она незаслуженно назвала Эдьку.— Я не против вашей дружбы с ним,— сказала напоследок мама,— но имей свою голову. Саня бывает слишком горячим и несдержанным и может сделать плохое, не желая этого. И если ты будешь всё время только с ним, у меня будет беспокойно на сердце...

Вася в душе был согласен с мамой: что правда, то правда, и, чтобы успокоить её, сказал:

— Ну что ты, мама! Я не буду всё время только с ним.

Вася твёрдо решил весь завтрашний день, последний день маминого отпуска, не уходить с участка, не покидать её. Это оказалось не так-то просто — уж очень тянуло к Саньке. Как никогда. И этот неожиданный взрыв «Пирата» в пику Эдьке, и отчаянный удар в защиту Крылышкина, и посещение лагеря студентов, и жар их гудящего костра — всё это так врзалось в Васину душу, что продолжалось и во сне и стояло перед ним вот сейчас, днём. Он давно знал, какой он, Санька, да, оказывается, знал не всё...

«Странно устроена жизнь,— думал Вася,— все к кому-то тянутся и совсем по разным причинам: он — к Саньке, чтобы научиться храбрости, умению всё делать и не унывать; Крылышкин — к нему, Васе, чтобы иметь защитника и тоже кое-чему поучиться... А Эдька тянется к нему по совсем иной причине — чтобы оторвать от Саньки с Крылышкиным и подчинить себе... Никогда ему это не удастся!»

Чтобы бабушки не особенно дулись на него за вчерашнее, да и просто так, чтобы размяться, Вася с утра поливал гряды: держал в руке прозрачную пластмассовую трубку на конце шланга, и вода медленно растекалась меж кустиков недавно окопанной картошки, с трудом просачивалась сквозь тяжёлую почву. Потом Вася вызвался поколоть дрова.

Бабушки при маме помалкивали, одобрительно кивали во время обеда, когда Вася быстро проглотил полтарелки вермишели и в три глотка разделался с котлетой.

Что вот будет без мамы? Две бабушки — вроде бы и хорошо: столько любви обрушивается на него, но, с другой стороны, и не очень хорошо: сразу четыре зорких, любящих глаза будут приглядывать за ним, сразу два голоса будут уговаривать его не делать одно и делать другое...

Вечером Вася с маминой мамой, бабушкой Надеждой, провожали маму до бетонки, и было очень грустно и щипало глаза.

— Ну, Васенька, через неделю увидимся... — Мама поцеловала его в щёку, в макушку с густыми вихрами золотистых, выгоревших на солнце волос и пошла по бетонке к платформе.

Мама шла и всё время оборачивалась — гораздо чаще, чем папа, — и махала Васе и бабушке Надежде рукой. Потом её фигура стала совсем маленькой, но мама всё ещё продолжала оборачиваться и махать.

— Ну пошли, что ли, — Вася дёрнул бабушку Надежду за локоть, и они зашагали к посёлку.

— Ничего, скоро мама приедет, — сказала бабушка, однако Вася не поднял даже головы. С ресниц его сорвалась и упала на горячий асфальт бетонки нечаянная слеза.

У калитки, ведущей к Мутному пруду, лениво стоял Борис, толстоплечий и презрительный. Он хмуро поздоровался с бабушкой Надеждой, а на Васю даже не поглядел.

Через несколько шагов бабушка оставила Васю — исчезла в калитке Сомовых.

Когда Вася вернулся на участок, там его уже поджидал незванный гость — Эдька. Он сидел у крылечка возле врытого ножками в землю стола и приветливо посверкивал своими живыми глазами.

— Проводили маму? Не горюй, нам с тобой скучно не будет! Знаешь, что я задумал построить? Этому губастому и не снилось такое!

— Не знаю и знать не хочу!

Вася пошёл в дом. Но укрыться от Эдьки ему не удалось. Он дёрнул дверь, проник на терраску и при этом не переставал трещать:

— Неужели тебе не интересно узнать, что я задумал?

Я удивляюсь твоему равнодушию! Ты таким не был раньше...
От кого научился?

— От кого надо, от того и научился!

Вася надеялся, что хоть теперь Эдька отстанет от него, однако, видно, Вася плохо знал Эдьку: он и не думал отставать. Был лишь один выход избавиться от него.

— Надо цветы полить.— Вася зевнул и потянулся.—
Не хочешь помочь мне?

— Вообще-то можно...— чуть замялся Эдька.— Помочь—это всегда хорошо, но у меня сейчас есть одно сверхсрочное дельце, кончу—прибегу... Вот увидишь!

— Ну-ну, только поскорей! Не начну поливать без тебя.

— Можешь начинать,—совсем растерялся Эдька, не ждавший такого поворота,—а я обязательно постараюсь прийти...

Он быстро ушёл, а Вася, хотя раньше и не думал об этом, принялся поливать из шланга цветы, кусты смородины и крыжовника: нажал у колодца чёрную кнопку, и мотор напряжённо и радостно застучал...

Вода обрызгивала ему ноги, шорты, клокотала, размывая тяжёлые комья земли, весело разливалась под растениями. Она лихо смывала и относила жучков, мушек и муравьёв, деловито бегущих по своим муравьиным делам, и на какое-то время Вася забыл о маме и о Саньке, который сейчас бегаёт где-то.

— Да хватит тебе, Васенька, отдохни! — сказала бабка Федосья, ползавшая на коленках у кустов чёрной смородины.— Уморился поди, успеешь ещё...

— Верно говорит Федосья,—поддержала сестру бабушка Надежда.— Да вот к тебе и гости, встречай...

Вася обернулся и увидел сестёр Сомовых: впереди шла Оля, за ней, как нитка за иголкой,—Валя; они почти всегда ходили парой, словно боялись, что если будут ходить порознь, на них нападёт бешеная собака или они заблудятся. Конечно же, боялась этого не самонадеянная Оля, а её младшая сестрёнка.

— Добрый вечер, Вася! — пропела она.— Мы решили по-

строить скворечник, но ничего у нас не клеится... Помогите нам, пожалуйста!

Оля молчала и, поблескивая прозрачными глазами, с интересом поглядывала на Васю: как он к этому отнесётся?

Вася любил, когда его просили помочь что-нибудь смастерить: это очень приятно, когда тебя считают мастером! И так захотелось ему крикнуть что-нибудь вроде: «С удовольствием, девчонки, помогу вам! Идите! Вот кончу поливать и прибегу!» Но Вася не крикнул так, потому что знал: с девчонками надо быть сдержанными, и он довольно равнодушно сказал:

— А что не клеится-то у вас?

И продолжал поливать.

Бабушка Надежда кинула на Васю осуждающий взгляд и взяла у него шланг. Вася неторопливо отряхнул с рук воду, вытер их для важности о шорты, подошёл к девчонкам, спросил, есть ли у них нужный инструмент и гвозди, и только после этого пошёл с ними.

По дороге он вдруг подумал: а где Крылышкин? Как он себя чувствует после той драки? Вот, наверно, перепугался!.. Досталось бедняге.

Вася шёл по улочке, разговаривая с сёстрами, и не знал, что Санька видит его (тот медленно брёл от ворот) и, конечно же, Вася не мог знать и того, что когда он вошёл вслед за Олей на их участок. Санька с завистью вздохнул и подумал: «Пришли бы девчонки за мной — уж я бы разбился в лепёшку, а сделал всё, о чём бы они ни попросили меня. Да, видно, не попросят, побаиваются...»

На следующий день после завтрака Вася помчался выяснять, как живёт Крылышкин, почему не приходит к нему.

Крылышкин играл на полу терраски в серебристых металлических солдатиков — их у него было несметное количество, штук сто! В боевых рядах навтыжку, на одном колене наготове стояли бесстрашные русские воины в чешуйчатых кольчугах и шлемах, с мечами, топорами и щитами в руках, а на щитах гибкие гербовые леопарды, могучие медведи, всевозможные узоры; всадники с пиками наперевес мчались навстречу страшным тевтонским рыцарям с рожка-

ми на широких шлемах, и лошадиные металлические гривы грозно развевались на ветру...

На миг Вася залюбовался стройными воинскими рядами.

Увидев его, Крылышкин обрадовался, запрыгал, как маленький, и с ходу стал рассказывать Васе о том, как водил в сражения свои непобедимые фаланги Александр Македонский, как хитроумно выигрывали решающие битвы Наполеон, Суворов и Кутузов...

Вася присел рядом с ним на пол и целых полчаса слушал. Было жарко, душно, и он позвал Крылышкина искупаться на пруд, но тот наотрез отказался.

Вася с сожалением посмотрел на него.

— Из тебя, Петух, спортсмена хотят сделать, а ты...

— Эх, Вась-Вась, не обижайся,— тяжело вздохнул Крылышкин,— мама не разрешила мне выходить с участка.

— Тебе? Чего так? — поразился Вася.

— Да всё из-за той драки на пруду... — замямлил тот. — Кто-то сказал маме, что всё было из-за меня, что Борис чуть не исколотил меня... Ну вот, мама теперь и не выпускает никуда.

— А ты сбеги! — тут же предложил Вася. — Ты же ни в чём не виноват! Сбеги, и точка!

— Как это? — Крылышкин уставился на Васю большими недоумевающими глазами.

— Не читал, как это делается? Узники перепиливают решётки пилкой, спрятанной в хлебе, спускаются по верёвочной лестнице из окна или выбираются через подкоп и даже улетают на вертолёт с тюремного двора... Есть много способов убежать!

Крылышкин смущённо улыбнулся.

— А у меня всё открыто. Через подкоп легче, чем мне...

— Вижу,— протянул Вася и по-настоящему обиделся за Крылышкина, хотел промолчать, да не смог: — Я бы, Крыло, что-то предпринял... Нельзя же так! Кто наболтал-то маме про ту драку?

— А я откуда знаю?.. — надулся Крылышкин. — Давай поиграем в Ледовое побоище. Только уговор: Александром Невским буду я...

«Хорош из тебя Невский!» — подумал Вася и сказал:
— А я, значит, буду псом-рыцарем? Спасибо!

Васе стало скучно. Говорят, людей нужно воспитывать, влиять на них, чтобы они стали смелыми и решительными. Но как это делать? С чего начинать? Крылышкин, например, совершенно не поддаётся никакому воспитанию или влиянию!

Вася ушёл от Крылышкина и заспешил к Санькиному участку: теперь он имел на это полное право. Мама ведь не запрещала, а просила, чтобы он дружил не только с Санькой.

Он услышал впереди себя голоса, увидел несколько малышей, Эдьку с велосипедом и бабку Федосью. Вася хотел уже свернуть в сторону, чтобы не встречаться с Эдькой, но не сделал этого, а открыл от удивления рот: бабка Федосья вдруг протянула к Эдькиному велосипеду руку и сказала:

— Дай-ка мне, милоч, попробовать... Умела же я когда-то кататься, и, говорят, неплохо.

Эдька, видно, не хотел давать, но бабка Федосья уже положила руки на руль, прислонила велосипед к столбу, утвердилось на сиденье, поставила одну ногу в драном мужском полуботинке без шнурков на педаль, оттолкнулась от столба и поехала. Переднее колесо выписывало зигзаги; бабка, старательно горбясь над рулём, упрямо жала на педали, и её длинная сборчатая юбка путалась и мешала ногам.

Ребята — а вместе с ними и Вася, — радуясь неожиданной потехе, весело галдя, побежали за бабкой Федосьей.

— Ой, ой, держите меня! — вдруг закричала она, теряя власть над техникой: велосипед вопреки бабкиной воле свернул с дорожки и нёс её прямо на забор.

Ребята попытались догнать старуху, да было уже поздно. Переднее колесо ударилось о забор, и бабка Федосья завадилась набок.

Ребята помогли ей подняться.

— Я на дамском умею, а с этим не справиться! — смущённо сказала она и вдруг засмеялась.

Глубокие морщины на её лице разгладились, она враз помолодела чуть не на полвека.

— Лихая бабка! — обронил дед Демьян, наблюдавший эту сцену со своего участка, а Вася вспомнил слова бабушки Надежды, что когда-то Федосья была отчаянной, красивой и даже месяц отсидела в царской тюрьме в Твери за участие в стачке текстильщиц.

Вася развеселился и побежал к Санькиной калитке.

Саньки, как и следовало ожидать, на участке не было, зато там была Марина. Она загорала в купальнике у кустов крыжовника — вытянулась во весь рост на вытертом плюшевом коврике и читала. Марина сказала, что Санька, скорее всего, на стройке. Вася посмотрел в её янтарные, прищуренные от яркого солнца глаза, хотел спросить и не спросил, интересная ли была картина «Выстрел на Монмартре»: картина была про любовь, и Марина могла посмеяться. Она легко перекатилась на живот, подставив солнцу спину, а Вася побрёл к калитке.

По пути к дому Васю опять перехватили сёстры Сомовы, и Вася с некоторым даже хвастовством снова демонстрировал младшей, Вале, свою ловкость, обстругивая рубанком дощечки для скворечника, заколачивая гвозди и работая ножовкой.

Глава 15

СВИНЦОВОЕ СЕРДЦЕ

Два дня не видел Вася Саньку, возился на участке, читал, купался в Мутном пруду и с трудом уклонялся от непрерывных визитов Эдьки: тот буквально брал его, как крепость, приступом, но Вася был неприступен.

Два дня не видел он Саньку, два бесконечных дня!

А на третий к нему прибежал Крылышкин — видно, кончился срок заключения. Непривычно встрёпанный, напуганный, он, задыхаясь, выпалил Васе в лицо, что на стройке что-то случилось — какую-то студентку не то задело железобетонной плитой, не то она, студентка, упала со свинарника; Санька с бригадиром Мишей прибежали в посёлок и о чём-то говорят с тётёй Лерой.

Вася бросился к Санькиному участку.

Крылышкин сказал чистую правду: бородатый бригадир Миша с каской в руке и Санька разговаривали у крыльца с тётей Лерой. Лицо у неё было очень сдержанное, строгое. Выслушав их, она коротко кивнула и быстро прошла в дом, а Санька с ключом в руке кинулся к гаражу.

— Чего, чего она сказала? — Вася побежал за ним.

Санька был серьёзен и не слишком разговорчив.

— Несчастный случай на стройке... Я там был, — ответил Санька, открывая дверь гаража, — надо везти в больницу... Я сказал студентам, что у нас есть машина и тётя Лера дома... Сейчас поедem за раненой...

Через несколько минут к ним подошла тётя Лера в спортивных брюках и куртке, села в машину, завела мотор, выехала из гаража и позвала в кабину бригадира. Миша тотчас влез и захлопнул дверцу.

— Тётъ Лер, а я? — Санька подскочил ко второй дверце.

— Тебя не могу: нужно оставить место для девушки. — Тётя Лера решительно крутила баранку, разворачивая «Москвич», и через плечо смотрела назад.

Как раз в это время к гаражу подошёл со своей неизменной резной палочкой дед Демьян. Он, видно, уже знал обо всём, лицо у него было грустное, немного даже уныло-скорбное.

— Я не займу много места... Я сбоку где-нибудь примошусь! Даю вам слово! — в отчаянии крикнул Санька. — Я помогу нести её!

— Я сказала: нельзя! — ответила тётя Лера, и машина помчалась к воротам посёлка.

Дед Демьян стал закрывать на увесистый замок дверь гаража, побряхтел и бросил Саньке:

— Мы-то добрые и не отказываем, когда нужно, а они, твои студенты, не так-то деликатны с нами... Трудно им было поработать у нас? Инструмент и материал даровые, и я бы хорошо заплатил, а ведь не пожелали...

— Ты к чему это? — сразу полез в бутылку Санька. — «Москвича» пожалел, что ли?

— Ничего я не пожалел, паршивец! Коли беда, нельзя

не помочь. Я про то, что для других ты хорош, а у себя в семье как враг действуешь... Да и прежде чем что-то пообещать, нужно согласие у старших спросить... Легко обещать то, что тебе не принадлежит, и беспокоить других, не считаясь с тем, что...

— Не думал же я, дед, что ты такой! — оборвал его Санька, ударом ноги откинул калитку, шагнул на участок и уже из-за забора крикнул: — Тебе бы свалиться со свинарника, и сломать ногу, и кричать о помощи... Понял бы кое-что! Да ты не свалишься, ты осторожный, разумный, не ходишь по краешку!..

Вася пошёл за Санькой.

Он уже сидел с Мариной возле куста крыжовника и неразборчиво, сбивчиво и быстро говорил, резко жестикулируя. Что он говорил, Вася понять не мог.

Он остановился в нескольких шагах от них, не решаясь подойти, до того Санька был разгневан. Вася расслышал только несколько обрывков фраз: «Ненавижу таких... Я бы!... А ещё люди... И ты хороша: не можешь открыть ей глаза на деда!» — «Я открыла, мама всё понимает...» — «Всё да не всё! Взяла бы меня в машину, если бы всё понимала!»

Так и не подойдя к ним, Вася спросил издали, и голос его прозвучал просительно и жалобно:

— А мне можно к вам?

Санька вскочил с земли.

— Чего же нет, иди сюда! — Быстрые карие Санькины глаза бежали участок. — Знаешь, что мы будем делать сейчас? Дед будет ругаться — и пусть. То, что ему плохо, нам с тобой хорошо... Мы будем плавить свинец! Осточертел мне дед вот так! — Санька резко провёл ребром ладони по горлу и побежал в свой полуигрушечный, полунастоящий домик, вынес из него кусок толстого тусклого кабеля и тупым топором принялся рубить его, отбрасывая сверкающие на срезах куски. — Собирай, Васька, топливо!

Вася стал ползать возле козел, собирать в кучку щепки и сухие еловые шишки.

Он очень любил плавить свинец и не раз с Санькой и папой (и папа, оказывается, любил это в детстве) отливал

из него разные вещи — пистолет, нож, кортик, рыбку... Но у Саньки выходили эти вещи неизмеримо лучше, чем у Васи с папой: точнее оттискивал форму в сырой глине и аккуратней заливал в эту форму расплавленный свинец, поэтому и отливки получались аккуратней и чище. Года два назад подарил он Васе свинцовый якорь — честь по чести, с лапами, штоком и ушком для цепи, тяжёленький и гладкий; до сих пор хранит его Вася: висит он на цепочке на стене возле его подушки...

Вася подносил щепки и шишки к их плавильной кирпичной печке (она находилась за калиткой у еловых посадок: поставить на участке дед Демьян не разрешил), а Санька лихорадочно работал: вытащил из своего домика старое ведро, наполовину наполненное каменным углем, который он подобрал на бетонке, мешок с шишками и берёстой, загрузил ими печку, потом плеснул из ковшика воду в большой ящик с глиной для форм. Плеснул и стал одной рукой размазывать воду, равномерно распределять на поверхности глины.

Пока вода медленно впитывалась в трещины и глина разбухала, Санька затолкал в печку принесённое Васей топливо, побрызгал предварительно керосином из бутылки, поджёг, поставил сверху обгоревшую кастрюлю с длинной ручкой, набросал в неё куски свинца и надоевшие ему отливки: сидящую птицу, черепаху, щуку с открытой пастью и большого лебедя с высокой, плавно изогнутой шеей.

Васе стало жаль этого лебедя — сейчас он потеряет форму, растает и превратится в подёрнутую желтоватой плёнкой тяжёлую свинцовую жидкость.

— Сань, оставь лебедя, — попросил Вася.

— Зачем он тебе? Сделаем что-нибудь похлеще!

Вася не стал больше просить.

— Ещё носи топливо, чего сидишь! — прикрикнул Санька, и Вася снова принялся рыскать по участку и ельнику.

Марина по-прежнему сидела возле куста крыжовника и, как показалось Васе, тихонько плакала. Хотя и делала вид, что читает. Она то и дело подносила к глазам руку — наверно, снимала слезинки. Так однажды, обидевшись за что-то на папу, плакала его мама, плакала затаённо, без-

звучно и в отдалении — на краю участка, — чтобы никто не догадался. Но Вася увидел, и не столько увидел, сколько почувствовал, и, помимо его желания, на глаза стали наворачиваться слёзы. Ох как зол он был тогда на папу!

Почему же плакала Марина? Обиделась? На что? Ведь её мама сразу же поехала на стройку. Наверно, Санька говорил и ещё что-то обидное о тёте Лере.

Через несколько минут перед печкой неожиданно выросла высокая сутулая фигура деда Кхе, вынырнувшего из-за ёлочек.

— Вы опять за своё? Долго ли в такое жаркое лето вспыхнуть пожару? — Он снял старую соломенную шляпу без ленты, выразительно кхекнул, вытер вспотевший лоб и угрюмо покачал головой. — Вам забава, а какая может быть беда, одной искорки достаточно...

— Погасим, — бросил Санька.

Дед хотел что-то возразить, но вдруг ойкнул, сморщился и шлёпнул себя по голове.

Вася удивлённо уставился на него.

— Пчела, — дед Кхе перекосялся от боли.

— Надо вытащить жало, — сказал Санька, — а то может раздуть. Давайте вытащу...

— Ничего, не раздует, — слегка даже обиделся дед Кхе и нахлобучил на голову шляпу. — А вы вправду занялись бы делом, мостики бы починили на дороге, толк был бы...

Эти слова Санька пропустил мимо ушей, и дед Кхе ушёл, продолжая ворчать.

Вася снова стал собирать топливо. И пока он собирал его, Санька что-то вырезал ножом в ящике с сырой глиной. Потом засовывал новую порцию щепок и сухих сучьев в печурку, а Вася пытался понять, что хочет отлить Санька. Пытался и не мог.

Когда куски свинца и все фигурки, в том числе и великолепный лебедь, осели, расплылись и погибли, превратившись в тяжёлую жижу, Санька взялся толстой брезентовой рукавицей за ручку кастрюли и осторожно, тонкой струйкой принялся лить в форму.

Свинец медленно двигался, заполняя все выемки и углуб-

ления, и скоро стал застывать. Санька подцепил палочкой за-твердевшую фигуру, подождал с полминуты, поплевал на неё, полил водой, и та закипела, быстро испаряясь. И вот тут-то раздался пронзительный голос бабки Федосьи:

— Васенька, где ты? Вася!..

Васю так и передёрнуло всего. Он решил было спрятаться куда-нибудь, но из-за дома вышла бабка и стала звать его, уверяя, что он зачем-то срочно нужен.

— Иди, иди,— сказал Санька внезапно дрогнувшим голосом,— они тебя напрасно звать не будут.

Вася недоверчиво посмотрел на него, но спорить не стал и пошёл. Конечно же, он срочно был нужен бабушке Надежде, чтобы в который уже раз услышать, что нельзя надолго убегать с участка, не сказав куда, и что если ему очень уж нравится Санька, пусть позовёт его к ним. Они не будут против. Спокойно выслушав это, Вася сказал:

— Я скоро приду... — сорвался и побежал назад.

Навстречу ему по улочке медленно двигался тёмно-синий «Москвич». Тётя Лера вылезла из кабины, когда Вася поравнялся с машиной.

— Тётъ Лер...— спросил он и запнулся.

— Тебя, наверно, интересует, как там дела? — помогла ему тётя Лера, открывая двери гаража.— Ещё неизвестно, рентген покажет, есть ли переломы...

К тёте Лере подбежала Марина и быстро, жарко, нетерпеливо заговорила:

— Мам, ну как там? Мам...

Вася юркнул в калитку и рассказал Саньке всё, что узнал.

Санька кивнул и вылил свинец в новую форму.

Вася поднял с травы отливку, сделанную из старой, непонятной ему формы, и опешил. Это был чёрт! Да, да, чёрт с длинным хвостом с кисточкой, на копытцах и с кривыми рожками. Он словно прыгал, плясал и при этом, широко разинув рот, хохотал своим чертовским смехом. Васе казалось, он слышит этот смех... Ну и ну!

— Зачем звали? — сухо спросил Санька.— Дом загорелся? Или на участке наводнение?

— Да всё бабушки...— Вася прятал от стыда глаза.—

Всё они беспокоятся, что со мной что-нибудь случится... Прямо не знаю, что делать с ними.

Санька вздохнул, потёр большим кулаком лоб и угрюмо пробурчал:

— Не завидую я тебе, Васенька... Думаешь, я не понимаю, в чём дело? Ноги моей больше не будет у вас! Ты живёшь не намного лучше меня...— Санька презрительно сплюнул.

Потом быстро вынул из формы новую отливку, снова сунул её в кастрюльку, из которой она недавно вышла, высыпал на землю верхний слой спёкшейся глины, полил ящичек водой, привычно разровнял рукой оставшуюся глину

и вырезал в ней ножом что-то вроде репки. Вырезал ещё одну точно такую же репку, подправил пальцами, отошёл и стал ждать, когда свинец в кастрюльке расплавится.

К ним подошла мачеха.

Санька набычился и, опустив голову, напряг скулы в ожидании того, что сейчас будет.

— Саня,— мачеха остановилась возле печки,— мы её отвезли. Славная девушка... Обошлось бы всё...

— Должно,— невнятно пробубнил Санька и медленно поднял голову.

Мачеха не уходила; она стояла перед ними, зорко поглядывая то на печку, то на Саньку с Васей, потом, обернувшись, кинула быстрый взгляд на Марину, уже сидевшую возле куста крыжовника,— от Васи не укрылся этот взгляд,— опять посмотрела на мальчишек, кажется, хотела что-то сказать, но почему-то не говорила. Затем легко нагнулась, подняла пляшущего чёрта и оценивающе прищурила глаза.

— Хм, странно! Что это тебя потянуло на чертей?

Санька напряжённо пожал плечами.

— А чёрт получился выразительный, другие твои отливки — так себе, а чёрт ничего... Не уничтожай его потом, ладно?

Санька сдержанно кивнул.

Мачеха ушла, и тогда Санька начал энергично действовать. Взял рукавицей ручку кастрюльки и принялся быстро лить свинец в две отиснутые формы.

Когда отливки остыли, Санька вытащил их из формы и подал Васе.

Отлично сделанные, гладенькие, они приятно грели руки, но Вася взял их с каким-то странным, немного даже тревожным чувством: зачем он даёт ему их? Отлил бы что-нибудь необычное, интересное, а то ведь какие-то репки... Отдал бы ему того лебедя, вот бы Вася был рад!

— Подари их своим бабкам,— жёстко сказал Санька,— у них такие мягкие, такие непрочные сердца, так они волнуются за тебя!

Сердца! Конечно же, это были сердца! Как Вася сразу не догадался... Чего только не отливал Санька: и топорики, и кинжалы, и парусники, а вот сердца — первый раз.

Вася как-то смущённо, неловко улыбнулся и спросил:

— А зачем они им? У них что, нет сердец?

— Так я же сказал тебе: пригодятся; эти гораздо прочней тех, и не нужно будет так страдать за своего любимого внука.

Видя, что Вася не очень понимает его и думает, что он насмехается над ним, Санька совершенно ясно и чётко — значит, и так может! — сказал:

— Правду говорю. Авось пригодятся. Ну топай. Потом скажешь мне, как они благодарили тебя...

Вася взял ещё тепловатые тяжёленькие сердца и пошёл на свой участок. «Подарить им или не нужно? — думал он. — Лучше не дарить, могут обидеться».

Не нужно дарить. А собственно, почему не нужно? Боится он своих бабок, что ли? Они-то не очень считаются с ним и почём зря ругают Саньку. А он, Вася? Может быть, получают эти подарки и немножко призадумаются?

Бабка Федосья палочкой размешивала что-то в ведре и, согнувшись, так сосредоточенно делала это, что не услышала, как подошёл Вася. Она вздрогнула всем своим худым, костистым телом, когда он проговорил:

— Баб, вот тебе... От Саньки...

Вздрогнула, выпрямилась, взяла сердце, удивлённо посмотрела сквозь сильные очки и сказала:

— Что это? — Но, видно, сразу догадалась: — А зачем оно мне? Что я буду с ним делать? — И поспешно вернула сердце Васе: — Иди и отдай, у кого взял!

Васе стало жаль бабу Федосью. Ни за что ведь обидел.

Он пошёл к дому, спрятав оба сердца в карман. Он твёрдо решил не вручать Санькиного подарка бабушке Надежде. Мало ли что Санька велел. Так бабок ничему не научишь. У Васи должна быть своя голова. И она есть, есть! Но бабушка Надежда стояла на крыльце и поджидала.

— Ты что это ей давал? Покажи-ка мне.

— Ничего интересного! — Вася, не вынимая рук из кармана, с силой сжал оба тяжёлых, вгорячах отлитых сердца.

— Вася...

— И не проси, не проси, баба! — внезапно крикнул Вася, резко изменил направление и побежал к сараю.

Глава 16

СКОЛЬЗКИЙ БЕРЕГ

— Вась,— сказал Крылышкин, когда они переходили бетонку,— а тебе не страшно идти на Бычий пруд без Саньки?

— А чего бояться? — пожал плечами Вася.— Дом-то рядом.

Он и вправду не боялся, но если быть до конца откровенным, всё-таки непривычно было одному, без папы, мамы или Саньки — ну, Крылышкин почти не в счёт,— идти ловить бычков на Бычий пруд. И наверно, он не пошёл бы, если бы, как говорят взрослые, не особое стечение обстоятельств.

Дело в том, что папа с мамой были в Москве на работе, Саньку отец тоже увёз в город показать врачу: у него были увеличены миндалины. И Вася остался один. Ему было скучно без Саньки, но один человек в посёлке радовался отсутствию Саньки. Это был Крылышкин. Санька не жаловал его, редко брал с собой куда-нибудь. Вася целыми днями пропадал у Саньки, и Крылышкин погибал от безделья и тоски. Возиться на огороде, носить воду из колодца мама ему не разрешала, а если и пускала с кем-нибудь на Бычий пруд, так только с Васей или в крайнем случае с Серёгой.

И вот сегодня Крылышкин уговорил его пойти на Бычий пруд. Крылышкин так просил, так жалобно смотрел на него, что Вася согласился. Он чувствовал себя независимым и почти взрослым рядом с Крылышкиным. Васе приятно было покрикивать на него, заставляя выбирать из земли и тащить пальцами холодных и скользких упирающихся червей.

Было послеобеденное время, на строительстве свинарника натруженно гудел подъёмный кран, раздавались голоса, скрежет блоков и сухой треск электросварки, а здесь было пустынно и хорошо клевали проголодавшиеся за день бычки.

Вася учил Крылышкина, как когда-то учили его папа с Санькой, как правильно надевать на крючок червяка, как подсекать и извлекать крючок из нутра проглотившего его бычка, как распутывать леску и забрасывать, чтобы не зацепить снасть за кусты или высокую траву.

Крылышкин стал делать первые успехи: собственноручно поймал нескольких бычков, собственноручно, сопя и похныкивая, исколов о плавники пальцы, извлёк проглоченный крючок с наживкой, собственноручно отцепил от ветки ивы крючок.

Ай да Крылышкин!

Впрочем, Вася напрасно так радовался за товарища.

Часа через два Крылышкин вдруг заныл, заявил, что ему пора домой. Мама велела: пора обедать. Мало того, что он собрался сам уходить, он ещё уговаривал и Васю пойти домой, убеждал, что на сегодня хватит, что стало скучно вытаскивать из пруда мелких бычков.

В его словах была доля правды, но Вася подозревал, что Крылышкин тащит его домой лишь потому, что одному ему боязно возвращаться. А чего, собственно, бояться? Просто Крылышкин привык, чтобы всё время кто-то был рядом.

И Вася заупрямился:

— Не пойду, Петух, валяй сам... Авось удастся подцепить карася.

И Крылышкин, всё время оглядываясь, потащился домой один.

Вася с грустью посматривал на него и вдруг почему-то вспомнил про деда Кхе: где он? Почему за вчерашний и сегодняшней день ни разу не встретил его в посёлке, не слышал его голоса и покашливания? Заболел?

И тут же Вася забыл про деда Кхе.

Как только Крылышкин окончательно исчез за кустами, к пруду подошла гурьба ребят постарше из их посёлка. Кое-кто с оглядкой курил сигареты.

Были среди ребят и Борис, и Серёга. Они быстро сбрасывали на высоком берегу одежду и стали с разбега прыгать в пруд. Все, кроме Бориса. Тот осторожно слез с берега и вошёл по грудь в воду.

Заметив в сторонке, возле толстой ивы, Васю, он поплыл к нему, оглушительно хлопая ладонями по воде. Чтобы испугать всю рыбу. Чтобы ни разу у Васи не клюнуло.

— Чего же ты один? — крикнул он. — А где твой хозяин? Твой повелитель?

— Не твоё дело! — огрызнулся Вася.

— Как же ты без него? Ты делаешь успехи!

Вася промолчал.

Борис нырнул, поднял со дна какую-то корягу и швырнул её в поплавок. Холодные брызги с ног до головы окатили Васю.

Надо было уходить, смотать леску — и в посёлок. Но тогда Борис подумал бы, что Вася боится его.

Борис нырнул ещё раз, достал со дна пригоршню вязкого ила с тиной и принялся прямой наводкой швырять в Васю.

Вася встал за ствол кривой ивы, и Борис ни разу не попал в него.

Скоро ребята наплавались, накричались, наныряться, надуррачились и ушли с пруда. И почти вслед за ними пришли двое дядек — высокий, худой, небритый в пиджаке и кепке и низенький, толстый, в резиновых сапогах и мятой серой рубаше с закатанными рукавами.

«Наверно, из Рябинок, из совхоза», — подумал Вася.

Они сели на траву. Высокий вытащил из бокового кармана пиджака недопитую бутылку, сорвал металлическую головку и стал пить из горлышка. Кадык его дёргался, как поплавок. Потом несколько глотков отхлебнул второй и кинул пустую бутылку в пруд.

Вася выбрасывал на берег бычков, и глаза его всё время перебегали с поплавок на дядек и обратно.

Удобно расположившись на траве, они стали играть в карты — в подкидного. Они посмеивались, добродушно поругивались, и это продолжалось до тех пор, пока толстый в резиновых сапогах не стал клевать носом, заваливаться набок, роняя на траву потрепанные карты, которые он веером держал в руке. Высокий то и дело тряс его.

Ну и ну!

Васины глаза окончательно переключались с поплавок на дядек.

— Пошли искупаемся, — предложил высокий, кинул на траву кепку и стал тормошить толстого. — Пошли... Кому говорят? — Высокий начал стаскивать с него заляпанные грязью резиновые сапоги.

Толстый проснулся и стал медленно раздеваться.

Наконец оба они в больших, чуть не до колен, трусах, держась друг за друга, принялись спускаться со скользкого берега, сползли и стали кричать от восторга, хохотать и барахтаться, плавать и нырять, хватать друг друга за ноги и брызгаться...

Ну совсем как недавно ушедшие мальчишки!

Вдоволь накупавшись, толстый полез на берег. Короткие ноги его скользили на мокром иле и глине. Ловко хватаясь за кустики, он кое-как выбрался на берег, натянул штаны на мокрые трусы, сунул ноги в сапоги и крикнул:

— Колька, вылазь!

Высокий продолжал нырять. Выныривая, он доставал со дна клейкий ил и зачем-то обмазывал им свои плечи, шею и грудь и даже лицо и опять погружался в воду.

— Колька, я ухожу! — предупредил толстый, встал и спотыкающимся шагом пошёл к Рябинкам.

— Лёшка, погоди! — закричал высокий и заспешил к берегу: ступил три шага по откосу и тут же съехал в воду, погрузившись по шею. При этом он ругался и фыркал.

Вася вздохнул. Он видел в своей жизни подвыпивших, но таких — ни разу.

Высокий опять поднялся из воды и стал на четвереньках вскарабкиваться на откос и, конечно же, снова поехал вниз и врезался в воду. И скрылся в ней с головой. Из воды пошли крупные пузыри.

Да он ведь захлебнётся так! Утонет! Вася вскочил и побежал к тому месту, где лежала одежда длинного.

Длинный вынырнул и стал громко кашлять. Откашлявшись, опять полез на берег, нелепо размахивая руками.

— Вы не здесь вылезайте, а там, там, где кусты! — крикнул Вася. — Держитесь за них!

Дядька поднял на него глаза, ругнулся и всё-таки полез туда, куда говорил Вася. Он двигался на руках и ногах, с прилипших к лицу волос лило. К тому же его бил сильный озноб.

С трудом дополз он по склону до кустов, схватился за тонкую веточку ивы, намотал для прочности на руку, чуть продвинулся вверх.

Вдруг веточка хрустнула, дядька ухнул в пруд, и опять на воде залопались пузыри...

Утонул? Неужели утонул?

Сердце у Васи часто-часто заколотилось.

Бежать на стройку? Не успеет — дядька захлебнётся. Бежать к домику ГАИ — ещё дальше.

Был бы с ним Санька — что-нибудь придумал бы!

Что же делать? Что?

Почему он не выныривает? Уже утонул?

Чёрная голова наконец высунулась из воды, дядька медленно поднялся, стал сморкаться и опять двинулся к крутому берегу, где рос кустарник.

Вася вдруг понял, что должен делать.

Он кинулся к месту, где рыбачил, схватил удочку и, на ходу заматывая леску, бегом вернулся к ивняку. Чуть спустился вниз и, цепко держась за куст, протянул дядьке толстый конец удилища:

— Вы держитесь за него! Держитесь!

Дядька ухватился одной рукой за удилище, другой стал цепляться за скользкий глинистый откос и с трудом карабкаться вверх.

Вася вдруг почувствовал, как начинает медленно сползать вниз, что ему не удержать этого человека. Руки его онемели. Вот-вот сорвётся и ухнет вниз, и тогда неизвестно... Нет, не ухнет! Не надо только думать об этом и поддаваться страху. Вася сжал зубы и упёрся изо всех сил пятками в землю. Упёрся и держал удилище. Он дал себе слово, что не отпустит его, не отпустит, что бы ему это ни стоило!

Дядька тяжело дышал, кашлял и взбирался всё выше и выше. Наконец он совсем выбрался на берег, зачем-то потрогал небритые щёки, смутно посмотрел на Васю и спросил:

— Ты чей?

Вася не знал, что ответить, и сказал:

— Одевайтесь, пожалуйста.

Дядька кое-как натянул брюки, застегнул ремень и сунул ноги в брезентовые туфли, помотал головой с зелёными нитями тины на правом ухе и лбу и ещё раз спросил у него:

— Ты откуда здесь, парень?

— Я бычков ловлю.— Вася подал ему валявшиеся рядом скомканные носки, тот спрятал их в карман, посадил на голову плоскую кепку, накинул на одно плечо замасленный пиджак и поплёлся в Рябинки.

Теперь Васе было не до лова.

Он побежал на старое место, взял полиэтиленовый мешочек с плавающими в воде бычками, подхватил удочку и быстро зашагал к бетонке. Он даже не забежал на стройку, не посмотрел, как кран разносит блоки, как их свинчивают и сваривают монтажники, как девушка в коричневой каске подаёт сигналы красным флажком крановщику, сидящему в кабине крана.

Вася шагал в свой посёлок, на душе его было легко и хотелось петь. И он запел. Пел, размахивая мешочком с уловом и удочкой, перепрыгивал через рытвины и камни, глотал настоящий на травах прохладный ветерок. Этот

ветерок развевал его мягкие, выгоревшие на солнце волосы, ласково холодил шею и разгорячённый лоб.

Переходя бетонку, Вася кинул взгляд на глубоко врезанное в асфальт «Ура, Санька!!» и уже не мог спокойно идти, а стремительно побежал к воротам посёлка.

Вечером следующего дня Вася поправлял куски дёрна на дорожке, ведущей к сараю, и услышал, как у калитки чей-то мужской голос спрашивал:

— Бабуля, у вас не живёт здесь парень, веснушчатый такой, курносый?

— Нет у нас парней,— насторожённо ответила бабка Федосья,— у нас есть один ребёнок...

— Ну прости, прости, бабуля...

Васе этот голос показался знакомым. Он бросился к дому и выглянул из-за угла. И увидел за калиткой высокого дядьку в замасленном пиджаке и плоской кепке, того самого, который вчера пускал пузыри в Бычем пруду.

Дядька пошёл дальше по улочке, а Вася высунулся из калитки, посмотрел ему в спину и неуверенно шагнул следом. Его прямо-таки сжигало любопытство: зачем пришёл? Может, Вася сделал вчера что-нибудь не так? Дядька остановился у соседней калитки и, не входя в неё, окликнул Егорова, чинившего перила крыльца, и задал тот же вопрос. И получил примерно тот же ответ. Но в отличие от бабки Федосьи сосед спросил, в чём дело.

— Да ищу я одного паренька, он вчера был на Бычем пруду... С удочкой... Плохо мне было бы, если б не он...

Васю так и захлестнуло всего сухим радостным жаром.

— Почему? — спросил дотошный и любопытный Егоров.

— Да так уж... Где у вас тут живёт он, такой курносенький и в веснушках?

— А вы спросите через участок,— посоветовал сосед,— там есть парень; правда, он вроде бы не курносый...

— Да я мог и запомнить, не до того было,— проговорил дядька и, как показалось Васе, смутился.— Мне надо найти его и кое-что вручить.— Дядька вытащил из кармана пиджака великолепный игрушечный пистолет — чёрный, с длинным стволом и резной рукояткой.

В это время навстречу дядьке по улочке бодро шагал Эдька. То ли случайно попался, то ли специально шагал, услышав разговор.

Сосед показал на него:

— Да вот он! На ловца и зверь бежит.

— Слышь, браток,— дядька посмотрел на Эдьку,— это ты вчера был на Бычем пруду и здорово выручил меня? Концы ведь отдавал... Ты? Точно?

Эдька, что-то соображая, уставился на пистолет и на дядьку. Уставился с ласковой, мелкозубой улыбкой, не возражая и не подтверждая, что это был именно он.

А Вася смотрел издали на Эдьку и ждал, что тот скажет. Эдька ничего больше не сказал, и тогда мужчина крепко пожал его руку и похлопал по спине:

— Спасибо, дружище! Никогда не забуду! — и протянул ему чёрный пистолет с длинным стволом.

Эдька шумно поблагодарил его, взял огнестрельное оружие, подкинул вверх и ловко поймал, а Вася с гулко бьющимся сердцем метнулся назад.

Глава 17

ЗНАКОМСТВО

Вася никому не рассказал об этом, даже Эдьку не пристыдил, когда увидел утром у своей калитки с пистолетом в руке. И не вышел на его голос. Эдька придумал какую-то военную игру и обещал назначить Васю своим первым помощником.

— Соглашайся, а не то пожалеешь! — крикнул Эдька.

Вася не согласился, и Эдька стал бегать по посёлку, пытаясь собрать солдат в свой особый диверсионный отряд. Охотников не оказалось, и Эдька, чтоб раззадорить мальчишек, вопил как маленький, во всю глотку, палил из пистонов и устрашающе размахивал пистолетом.

Ничего не помогало.

Через полчаса Вася пошёл с бидонами к колодцу —

крики Эдьки не умолкали. Он как ошалелый носился из конца в конец посёлка и шумел: играл сам с собой... Хватило же терпения! Возле участка Бориса Вася вдруг услышал знакомый резкий голос:

— Ну чего орёшь? Делать больше нечего? А ведь большой уже и умный, и родители достойные люди...

В первый раз Вася порадовался этому голосу и посмотрел через забор. Посмотрел — и сердце его ёкнуло. Из-за сарая выглядывал дед... Да, да, судя по длинной сутулой фигуре и соломенной шляпе, это, без сомнения, был дед Кхе, но он совершенно не походил на себя. Лицо перекосилось и распухло: нос торчал немного вбок, и вместо глаз темнели узенькие щёлочки. И Вася вдруг вспомнил: пчела! Ему стало и смешно и стыдно за свою радость: человек в беде, а он смеётся... Но ничего поделать с собой не мог: сдерживал себя, а губы плясали и прыгали в дурацкой улыбке.

Заметив, что Вася смотрит на него, дед Кхе поспешно исчез за углом сарая.

Вася подошёл к колодцу и стал наполнять бидоны.

Внезапно он услышал мамин голос, вскинул голову, и туго бьющая, холодная струя перехлестнула через край и полилась на ноги.

По улочке посёлка шла мама с какой-то полной женщиной в шерстяной серой кофте, а впереди шёл... — нет, Вася даже не поверил своим глазам! — впереди легко шёл Андрюшка.

Забыв нажать чёрную кнопку «стоп», Вася с криком бросился навстречу Андрюшке, кинул ему руку, тот крепко пожал её, дёрнул к себе, обхватил Васю, и они закужились как бешеные.

— Наконец-то! Надолго? Что нового? Как дела? — закидывал его вопросами Вася и, не успевая получить ответ на один вопрос, бросал второй, третий, четвёртый...

В своей радости он даже не заметил, как мама остановилась и смотрела на него вместе с незнакомой женщиной в серой кофте — в её руке была большая авоська с тортом и какими-то свёртками.

Вася пришёл в себя, лишь когда мама сказала ему:

— Это тётя Ася, Андрюшина мама. Познакомься!

Вася застеснялся и осторожно пожал протянутую ему руку, потом бросился к колодцу, перепрыгнул через набежавшую из трубы лужу и нажал наконец кнопку. Остановив хлещущую ледяную струю, подхватил бидоны. Один бидон у него отнял Андрюшка, и они, обгоняя взрослых, быстро пошли к дому.

По дороге Андрюшка выкладывал новости, рассказал и про отца: он рвался приехать сюда, но не смог, опять с сердцем неважно.

На участке Андрюшина мама знакомилась с бабушкой Надеждой, и та со смущённой улыбкой сказала, что скоро вернётся из лесу её сестра: пошла за лосяным навозом для удобрения.

— Здесь водятся лоси?! — не поверил Андрюшка, и Вася объяснил ему, что они в здешних лесах водятся, но очень

скрытные и никто никогда не видит их, по ночам бродят, что ли? Следы они оставляют, и бабка Федосья знает полянки и просеки, где любят пастись лоси.

Бабушка Надежда не уточняла, но Вася-то знал, что бабка Федосья держит в строгой тайне эти места, потому что не одной ей в посёлке нужны удобрения. Дед Демьян, например, очень завидовал горкам лосиного навоза на их участке, и бабка прямо рдела от удовольствия: она всегда мечтала хоть в чём-то перецеголять его.

Бабка Федосья явилась через несколько минут, довольная, с полными вёдрами.

Пока бабушка Надежда показывала Андрюшкиной маме участок, Вася привёл Андрюшку к своему кораблю, заставил вжаться в рубку и отдать по переговорной трубе несколько отрывистых команд. Потом показал свой рабочий инструмент и свою грядку с сахарным горохом, репками и четырьмя подсолнухами, уже переросшими его. Горох ещё не налился, но Вася нарвал Андрюшке горсть широких плоских стручков, и тот жевал их, жмурясь от удовольствия и преувеличенно громко похваливая.

Бабушки тем временем сновали по участку, суетились, готовя ужин. Бабка Федосья рвала лук и укроп и склонялась над огуречной грядой, выбирая огурцы покрупней. Сами они почти не ели их, ждали, когда подрастут, но раз такое дело, бабушка Надежда велела старшей сестре не жадничать.

До ужина Вася успел угостить Андрюшку вырванной из земли морковкой и показать «Пирата». Андрюшка долго вертел его в руках, сильно обгоревшего, закоптившегося, с одним лишь уцелевшим парусом на бизань-мачте, и приговаривал: «Ну и здорово сделан!»

— Саньки Горохова работа,— сказал Вася,— он и не то умеет делать... А как он плавает, как ныряет! А какой он храбрый! Его все любят! Помнишь, я тебе говорил о нём на юге? Завтра познакомлю...

Утром они завтракали на терраске, пили чай с собственным клубничным вареньем и тортом. В самом разгаре чаепития Андрюшка вдруг сказал:

— А когда же мы ходим к Саньке Горохову?

Вася покраснел. Бабушки переглянулись. Бабушка Надежда, как более сознательная и выдержанная, промолчала, а бабка Федосья не смогла удержаться:

— А зачем он вам сдался, этот шут гороховый?

Вася уставился в чашку с чаем, и мама тут же пришла ему на помощь:

— Не надо так говорить о Сане, не зная его хорошенько.

— Ну да! — не сдавалась бабка Федосья. — Кто и знает-то его лучше нас? Сорванец, ни с кем не ладит, кроме нашего добрячка. Ему это ещё когда-нибудь отольётся слезами...

— Не надо сейчас об этом, — попросила бабушка Надежда, и все сразу же перешли на другие темы; но Васе казалось, что ещё долго висела в воздухе какая-то неловкость от этого разговора.

Утро было чистое, солнечное, звонкое, со стуком топора Алексея Григорьевича, с деловитым чириканьем воробьёв, скрипящими криками скворцов и сверкающими облачками над лесом, который с трёх сторон обступил их посёлок.

Была суббота, на участки понаехала уйма народа — вокруг звенели вёдра, плескалась вода, работали транзисторные приёмники, слышался смех и говор. Вася с Андрюшкой бегали по участку в одних трусах, и лишь Крылышкин, появившийся у них с утра, был в пёстренькой тенниске и соломенном картузике: его мама боялась, что он обгорит или получит солнечный удар.

Вася позвал ребят на Мутный пруд искупаться: там сейчас, по его предположениям, должен быть Санька, а если он и не там, можно будет зайти к нему на участок. Андрюшка вдруг заупряился: надо подождать, пока нагреется в пруду вода, а до тех пор можно что-нибудь поделать на участке.

Этим он разрушил все Васиные планы. И чего ему захотелось ковыряться в земле? Не потому ли, что бабка Федосья сразу же после завтрака принялась упорно и без отдыха взрыхлять землю под яблоньками, полоть гряды и обирать с кустов смородины вредителей? Её худая сутулая фигурка в длинной сборчатой юбке, склонившаяся над гря-

дами, была как немой укор, как призыв всем неработающим немедленно приняться за дела.

Часа два Вася с Андрюшкой и Крылышкиным резали на полянке дёрн и возили на скрипучей, связанной проволокой тележке, чтобы выложить им дорожку к сараю — на ней после дождя всегда задерживалась вода и было грязно.

Усталые, разогревшиеся, с лоснящимися от пота телами, побежали ребята на Мутный пруд. Андрюшка был худее, легче и ловчее Васи, он первый подлетел к пруду и с ходу вскочил на Санькин мосток. Вася не успел сказать ему, что лучше бы влезать на мосток Сомовых, потому что даже сам Санька старался не забираться на дедов мосток.

На пруду ритмично постукивали моторы, гоня воду на гряды и под яблоньки — кстати, мотор Санькиного деда уже отремонтировали (кто только не жил в их посёлке: и учителя, и артисты, и бухгалтеры, и механики, и краснодеревщики, и врачи, и очень часто они помогали друг другу, ведь недаром их кооператив зовётся садоводческим товариществом). Участки Васи, Крылышкина и Эдьки были далеко от Мутного пруда, и поэтому у них не было своих мостков.

На пруду плавал резиновый корабль и бултыхалось несколько ребят. Среди них Вася заметил Саньку и взмахом руки подозвал к берегу.

Санька подплыл не сразу. Он ещё минут десять резвился в воде: нырял, скидывал вверх ноги, делая стойку и упираясь руками в дно, загорал на камере. Скоро на сомовском мостке появились сестрёнки в коротеньких платьях и с бантами в волосах. Санька тотчас соскользнул с камеры, исчез, точно и не было его на пруду. Как ни шарил Вася глазами по мутной поверхности, нигде не мог его обнаружить.

Сёстры завизжали и бросились с мостка, из-под которого высунулась Санькина голова и, как из водомёта, стремительно полетели брызги.

— Видал? — Вася восторженно посмотрел на Андрюшку. — Сейчас я тебя познакомлю с ним! — и опять помахал Саньке рукой.

На этот раз тот шумно, как бегемот, фыркая и шлёпая ладонями по воде, подплыл к ним.

— Сань, это Андрюша, познакомься.

Санька протянул Андрюшке руку:

— Саня Горохов...— И, крепко пожав своей взрослой пятернёй узкую Андрюшкину ладонь, спросил: — Плавать умеешь?

Андрюшка засмеялся: что, мол, за нелепый вопрос! И тогда Санька, ещё не выпустивший из своей мощной пятерни его руку, медленно потащил Андрюшку в воду. Вася на миг испугался: как бы его гость не обиделся за это на Саньку.

Однако Андрюшка не сопротивлялся, не упирался пятками в берег. Он буквально ринулся на Саньку, точно хотел протаранить его. Тот едва увернулся и поспешно нырнул.

Андрюшка нырнул следом и, кажется, схватил Саньку за пятку, потому что он странно загоготал и закрутился в воде.

Андрюшка вынырнул, прошёлся по пруду отменным кролем, переключился на сажёнки, попробовал даже баттерфляем, загребая воду обеими руками и по пояс выскакивая из пруда. Вася смотрел на него и завидовал, как и на море.

Вдоволь накупавшись, Андрюшка подплыл к мостку, влез на него и стал болтать ногами. А Санька с Васей стояли в воде и разговаривали.

— Отдал сердца по назначению? — спросил Санька.

— Не взяли... Верну тебе сегодня.

— Переплавим на что-нибудь другое,— буркнул Санька.— Ты, Андрюха, что-нибудь отливал из свинца?

— Да нет: только хотел. Где взять свинец?

— Несчастный, жалкий человек! — засмеялся вдруг Вася и стал перечислять всё то, что они отливали и делали с Санькой. И спросил, умеет ли это делать Андрюшка. Многого он не умел. Вася продолжал хвастаться своими и его, Санькиными, делами, и Санька слушал его, посверкивая глазами и зажав широкими ладонями уши: неловко было слушать такие похвалы в свой адрес. И неловко, и приятно.

— Дадим тебе килограммчика два свинца, если утащишь,— пообещал он Андрюшке,— у нас тут неподалёку прокладывали кабель, и мы с ребятами поживились отходами.

А потом как будто грянул гром. Как будто обвалилось на них это ясное, безоблачное, беззаботное небо.

— Убирайся с мостка! — рывкнул с берега дед Демьян. — Шатаете, ломаете! Вы только и умеете это! Вон!..

Лицо Андрюшки побледнело. Он испуганно посмотрел на ребят и как-то жалко, как-то униженно и суетливо сполз на животе с мостка в воду и, ничего не понимая, ещё раз беспомощно посмотрел на ребят. И губы его при этом мелко-мелко задрожали.

— А-а что? М-мы н-ничего не ломали! — запинаясь, сказал он, стоя в воде в метре от мостка.

— «А что, а что»! — передразнил его дед, маленький, юркий, в аккуратном брезентовом фартуке. — А то, что не ты строил этот мосток и не ты будешь его подправлять, а я, старый и злой дед, на которого можно вешать всех собак... Я!

Санька весь передёрнулся, судорожно нагнулся, взял со дна горсть ила и стал остервенело растирать его в руках.

Потом из него толчком вырвались гулкие, захлёбывающиеся слова:

— Уходи, дед! Уходи! Прошу, уходи!

— А тебе-то что? — не отставал дед Демьян. — Привёл свою банду и ещё гонишь меня? Меня, старого человека? Да я...

— Уходи! — хрипло крикнул Санька, и Вася увидел, как его лицо исказилось от боли и стыда.

Глава 18

ПОЩЁЧИНА

Дед не уходил. Тогда Санька ругнулся, подпрыгнул и нырнул в глубину пруда. Дед раздражённо махнул рукой и не менее раздражённо зашагал к калитке. Вася подошёл к Андрюшке и потормошил за плечи:

— Да не переживай ты так! Не знаешь ты его! Он чокнутый на этом своём мостке и участке... Он...

Андрюшка с силой провёл ладонью по мокрым волосам.

— Что я ему такого сделал? Что?

В это время у дальнего мостка показалась Санькина голова.

Андрюшка выбрался на травяной берег, и Вася спросил у него:

— Хочешь на камере поплавать? На ней хорошо кататься и загорать...

Андрюшка не ответил, и Вася вспомнил по югу, какой он бывает резкий, гордый и независимый.

К ним подошёл Санька с удручённым лицом.

— Ну чего вы, парни, уже драпаете? — смущённо шевельнул он добрыми толстыми губами. — Куда так торопитесь?

Васе стало неловко, и он кивнул на Андрюшку:

— Да я тоже говорю ему... На камере не катались ещё...

— Хочешь, я тебя научу прыгать в воду с наших качелей? — сказал Санька. — На пять метров летишь!

Андрюшка молчал. Худенькое, смуглое лицо его было замкнуто и непроницаемо, тонкие губы плотно сжаты. Совсем как у Петра Петровича, его отца, когда ему было не по себе.

Наконец Андрюшка разжал губы:

— Хватит. Накупались.

— Пошли тогда что-нибудь отольём из свинца? — тут же предложил Санька. — Что-нибудь новенькое, невиданное...

Андрюшка не ответил, и Санька спросил:

— А рыбу ты ловить любишь? За час поймает полсотни бычков. Гарантирую!

Вася не знал, как помочь Саньке удержать здесь Андрюшку. Тот ничего не хотел слушать. Ох, видно, обидел его дед Демьян!

Сунув ноги в туфли, Андрюшка пошёл к калитке.

Что же делать: идти за ним или остаться с Санькой? Скорее всего, надо идти, потому что Андрюшка был гостем, и Вася пошёл.

Вслед за ним двинулся и Санька. Он был в плавках, широкий, большегубый, но такой странный, такой не похожий на себя — с жалким, растерянным лицом.

Поняв наконец, что ничем Андрюшку не возьмёшь, ни на что уже не рассчитывая, Санька сказал:

— Пошли, ребята, в лес, я знаю, где соловьиное гнездо, в кустах у самой земли... Каждую весну прилетает и такую песню закатывает, такие колена выщёлкивает!

— Слышал? — Андрюшка чуть замедлил шаг.

— Сколько раз! Жаль, что яичек уже нет — четыре было, серенькие в крапинку, — птенцы давно вывелись, а то бы показал...

— Далеко отсюда гнездо? — спросил Андрюшка.

— Близко. В километре.

Санька не отставал от них. Он даже хотел, кажется, войти на участок, хотя вчера ещё пригрозил, что ноги его там не будет...

Вася понимал, что входить ему в калитку сейчас — в плавках да и при гостях — не нужно: опять пойдут разговоры и Саньке же будет хуже, но не пригласить его было

невозможно. Вспомнив вдруг про свинцовые сердца, Вася сказал:

— Ой, Сань, сейчас принесу свой должок! — и, обгоняя Андрюшку, побежал к кораблю, куда спрятал отлитые сердца.

Когда он возвратился, спрятав сердца в карман, Андрюшка сидел со своей мамой у стола перед крыльцом, а Санька стоял у калитки и, видно, всё-таки не решался войти. Стоял и негромко переругивался с Эдькой, невесть откуда появившимся.

Эдька отпускал какие-то остроты насчёт того, не в баню ли он собрался, или, может, Васька убежал с его одеждой и он, Санька, теперь требует её возврата.

Видно, Саньке надоело препираться с ним, и он рубанул:

— Катись отсюда, пока не двинул! Ну? — и замахнулся.

Эдька благоразумно отскочил и сделал презрительную рожу. Санька и не посмотрел на него. А Васе было жаль, что не двинул.

— Вот, Сань,— мягко сказал он и подал Саньке сердца, однако тот не взял, а буркнул:

— Потом отдашь... А ну-ка позови на минутку Андрея.

— Зачем?

Санька холодно посмотрел на Васю, собрал в жёсткую линию губы, весь как-то отвердел и быстро пошёл по улочке.

Сердце у Васи тягостно заныло. Он хотел сдружить Андрюшку с Санькой, а что вышло?

Надо сказать, втолковать Андрюшке, что Санька ни в чём не виноват. И Вася побрёл к столу под соснами...

Санька же пришёл на пруд, натянул свои потрёпанные, издававшие виды джинсы, надел кеды и сел в сторонке от мостков на траву. Обхватив руками колени, он смотрел на мутную поверхность пруда, на точёную фигурку Оли Сомовой, стоявшей в купальнике и белой резиновой шапочке на своём мостке, на тёмную голову Бориса и светлую — Серёги, плававших посередке пруда. Смотрел и не видел их.

Ему сейчас не было дела ни до Оли, которая вот-вот нырнёт в пруд, ни до Бориса, который после того удара не замечает его и боится тронуть, ни до Серёги, который держится с Санькой как равный, хотя на три года старше.

Сидел так Санька, сидел, и внутри у него было нехорошо — тесно, душно, будто давила туго скрученная стальная пружина и не позволяла дышать, радоваться и жить. И чтобы эта пружина скорей ослабла и распрямилась, Санька вскочил с места и стал ходить по берегу, зачем-то начал, как при зарядке, приседать, раскинув руки, и выпрямляться, дёргать плечами и делать стойку.

Стало чуть полегче. Чуть-чуть.

Нужно было заняться чем-то более серьёзным, нагрузить себя каким-то делом. И ничего не находил. Он крепился, терпел, ждал чего-то, не выдержал и побежал к себе на участок. Побежал, не вполне осознавая ещё, что будет делать там и что скажет деду.

Возле сарая, того самого, который требовалось подремонтировать, он увидел топор, глубоко всаженный в толстую колоду, и валяющиеся на земле не поддавшиеся топору берёзовые кругляки — их дед с мачехой привезли вчера из лесу на тележке.

Санька кинул на гладкое топорище руку, вырвал его из колоды, поставил перед собой самый толстый с двумя суками кругляк, с размаху вогнал в него топор, перекинул через голову и с силой опустил обухом на колоду. Кругляк распался на две половинки. Ещё два удара — он расколол обе половинки и принялся за новый кругляк. Вскинул его с топором через голову и увидел перед собой тень: к нему кто-то подошёл сзади.

Нет, не кто-то. Он точно знал кто.

— Так-то оно лучше, внучек, чем бултыхаться и расшатывать мосток, — подобревшим голосом сказал дед Демьян. — Вон сколько силы пропадает зазря!

— Уйди, дед, — попросил Санька и стал раскалывать половинки только что разрубленного кругляка. — Прошу тебя, уйди!

— Саня, так со старшими не говорят! — с трудом удержал себя от крика дед.

— И старшие так не поступают! — взорвался Санька и почувствовал, как стремительно распрямилась в нём тугая пружина. — Человек присел на мосток, а ты... Ты уда-

виться готов из-за одной ягоды, огурца, яблока! Ты... ты...

Дед по-молодому подскочил к нему, замахнулся, и Санькину щёку обожгла пощёчина.

Щека онемела, потом загорелась, Санька отскочил от колоды и как бешеный заорал:

— Жмот ты, вот кто! Жадина! Скупердяй! Зачем ты живёшь? Чтобы людей мучить и со света сживать? Я ненавижу тебя! — И с топором в руке кинулся к калитке.

Он бежал, сам не зная куда, по улочке. Вдруг его взгляд упал на шланг, тянувшийся по узенькой канавке через улочку от Мутного пруда на их участок и питавший водой все их ягоды, огурцы, помидоры... Не думая ни секунды, Санька замахнулся, рубанул топором по шлангу, точно это была опасная ядовитая гадюка.

И сразу перерубил.

Вода потекла из него на пыльную, заросшую травой улочку.

Пружина в Саньке окончательно распрямилась. Он перевёл дыхание, швырнул через забор на свой участок топор и быстро пошёл к Бычьему пруду.

Глава 19

МЕДАЛЬ ДРУЖБЫ И ВЕРНОСТИ

В дальнем углу участка Вася всё объяснил Андрюшке, рассказал про Санькину жизнь, про деда Демьяна, мачеху и Марину и, кажется, лишь после этого Андрюшка успокоился. Чтобы он не только успокоился, но и ещё лучше понял, что за человек Санька Горохов, Вася показал ему Санькины отливки из свинца, Санькой вырезанный из доски и подаренный ему пистолет на резине, метко стреляющий кусочками алюминиевой проволоки, Санькой выжженный рисунок на фанерке — остроносый космический корабль, подлетающий к неведомой планете...

Почти всё, что было у Васи, было связано с Санькой: или он подарил ему, или отремонтировал, или посоветовал сделать.

— Может, сходим к нему? — спросил Андрюшка. — Я же не знал ничего...

— Только не сейчас, — ответил Вася, потому что он-то знал, какой Санька иногда бывает вспыльчивый и крутой.

Вечером он сбегал к Саньке, сбегал на всякий случай один. Если у того хорошее настроение, можно будет прийти к нему и с Андрюшкой.

Вася подошёл к их участку и увидел деда Демьяна.

Дед сидел на корточках посреди улочки и обматывал изоляционной лентой единственный во всём посёлке эластичный шланг, потом обкручивал его брезентом и туго обвязывал проволокой.

— Что это вы делаете? — спросил Вася, склонившись над дедом.

— Что надо, то и делаю! — Дед Демьян не поднял головы и неприязненно дёрнул клинышком бородки.

Вася вошёл на их участок. Тётя Лера и Марина молча поливали из леек цветы, и Вася невольно подумал: «Не случилось ли чего?» Вася постоял в сторонке, против окошка, надеясь, что Санька заметит его и выбежит, но тот не выбегал. Тогда Вася, воспользовавшись тем, что Марина пошла к бочке с водой, подошёл к ней и полушёпотом спросил, где Санька.

Лицо у Марины было отчуждённое, и Вася уже не сомневался, что у них что-то случилось.

— Нет его на участке, куда-то исчез, — сухо ответила она. Не кинув даже взгляда на Васю, Марина зачерпнула воды и пошла к клумбам.

Вася вернулся к себе. Настроение у него было тревожное.

Он бегал с Андрюшкой по участку, раскачивался в гамаке, помогал колоть дрова и носить воду, а его мозг всё время сверлила одна мысль: что с Санькой?

Вечером, уже в сумерках, вдруг явился папа, как всегда с громадным рюкзаком за плечами, и на какое-то время Вася напрочь забыл про Саньку. Мама принялась выгружать продукты, а папа знакомился с Андрюшкиной мамой, потом медленно расхаживал с ней по участку и разговаривал об её муже, Петре Петровиче.

Однако в мире не было ничего такого, что могло бы надолго омрачить Васино настроение с приездом папы. С ним можно было пойти в лес, попросить выдумать захватывающую сказку, поиграть в слова, побороться, порыбачить на Бычьем пруду, заняться доделкой корабля под берёзами...

— Искупаться бы при луне,— сказал папа на этот раз.

Вася с Андрюшкой и мама поддержали его, и они пошли на пруд.

Утром к ним зашла Марина, вызвала Васю к калитке и тихо сказала, что Санька не ночевал дома, что вчера он сильно повздорил с дедом, и если он явится к Васе или если ему будет что-нибудь известно о нём, пусть сразу же скажет ей. Марина ушла, оставив Васю у калитки в раздумьях и всё нарастающей тревоге.

Куда он мог убежать? Где ночевал? Впрочем, он мог ночевать где угодно. Мог забраться к кому-нибудь на чердак, мог построить шалаш в лесу, мог и... Да, конечно же, как это сразу не пришло в голову! Он мог переночевать в палатке у строителей. Ведь он почти всех знает там.

Вася со всех ног бросился догонять Марину. Он нагнал её у самой калитки.

— Марин,— задыхаясь от бега, сказал Вася,— а что, если он у строителей?

Не успел Вася это сказать, как увидел Володьку. Он быстро шёл от ворот в белой майке, небрежно кинув на плечо куртку. Вася побежал к себе, почти уверенный, что Санька в лагере строителей.

Было воскресенье. Алексей Григорьевич стучал молотком — он был в курсе всех дел в посёлке и знал о бегстве Саньки; бабка Федосья тоже изо всех сил трудилась — сжигала за задней калиткой мусор, просеивала в решете золу для удобрения и рыхлила землю возле кустов крыжовника.

Лишь на стройке возле Рябинок сейчас не работали; там было весело: оттуда волнами наплывали звуки джаза, смех и крики. А когда Вася с Андрюшкой и родителями пошли прогуляться по лесу — он начинался сразу же за калиткой,— им встречались парни с девушками в рабочих куртках, собиравшие грибы.

Кое-кто из студентов за неимением корзинки клал их прямо в коричневые каски. Одна девушка с перекинутыми на грудь толстыми косами показала им большой гриб, очень похожий на белый, с тёмно-бурой шляпкой, красноватой ножкой, и спросила, съедобный ли он.

Знатоком по части грибов была мама. Она кинула на гриб многоопытный взгляд и сказала, что это сатанинский гриб, что он очень ядовит.

Девушка с косами бросила его на землю и с чувством растоптала резиновым сапогом. Мама с тётей Асей и Андрюшка нашли десятка три грибов, из них пять белых, папа с Васей — ни одного белого; папа — потому что был близорук и плохо «чувствовал», как выражалась мама, грибы да и, признаться, не очень любил собирать их.

Васе же на этот раз было не до грибов. Он думал о Саньке.

В лесу он слышал обрывок разговора мамы с папой об Аркадии Сергеевиче, Санькином отце. Мама на какой-то папин вопрос сказала: «Он совсем не слабохарактерный, как ты думаешь, наоборот. А если он и не обостряет отношений с отцом, так потому, что он многим обязан ему: Демьян Семёнович присматривает за всем и еду готовит для его сына с Маринкой, когда Леры нет. А Санька, сам знаешь, парень кручёный, с характерцем...» Мама вдруг радостно вскрикнула и бросилась срезать большой подосиновик, красная шляпка которого заманчиво торчала из травы.

Когда они шли к дому, Вася придержал папу за руку.

Мама с гостями прошли вперёд, и тогда Вася, подробно, ничего не утаивая, рассказал ему о событиях последних дней и о Санькином бегстве.

Папа внимательно слушал Васю, потом снял очки, покрутил их в руке и медленно сказал:

— Ты должен найти Саню и помочь ему. Друг ведь.

Вася даже немножко растерялся:

— А как я помогу ему?

Папа пожал плечами.

— Подумай. Из всякого положения можно найти какой-то выход.

— Я уже думал. Он меня не послушается... Я знаю Саньку — его в этом деле не уломаешь.

— А ты пробовал?

Вася промолчал.

Дома они ели жареные грибы с картошкой, а вечером провожали Андрюшку с мамой к рейсовому автобусу: дважды в день он проходил по бетонке. Вася дал Андрюшке половину своих запасов свинца, и Андрюшка, забыв о всех неприятностях, шёл вприпрыжку с кусками кабеля в маминой авоське. А его мама несла сорванный Васиными бабушками и мамой огромный многоцветный букет флоксов, гладиолусов и садовых ромашек.

Когда они возвратились, Вася забежал к Саньке и узнал от Марины, что Санька в самом деле живёт в лагере стройотряда, в палатке, спит на пустой койке рядом с Володькой. Она бегала к нему, пробовала успокоить, утешить, уговорить вернуться домой: деда с его характером, всеми причудами и привычками нельзя принимать всерьёз. А Санька упёрся — и ни в какую. И слушать её не хотел, рукой отмахивался... И Володька пробовал его образумить, приводил разные доводы, да всё впустую: не вернётся он в дом, где живёт дед, и всё!

Марина смотрела на Васю янтарно-карими глазами, и ему казалось, что она хотела от него чего-то, намекала, надеялась на что-то. А на что — не говорила. Но он-то, Вася, прекрасно обо всём догадывался... Одного он не понимал: если Санька Маринку с Володькой не послушался, так что же может сделать он, Вася?

Конечно же, ничего! И всё-таки ему очень хотелось увидеть Саньку.

Утром следующего дня после завтрака Вася побежал на стройку.

Он бежал тропинкой мимо задней калитки Санькиного участка и вдруг услышал громкий, едва не навзрыд, голос деда Демьяна:

— Что ты говоришь, Аркаша! Я уже старый, много ли мне осталось... Зачем мне всё это? С собой туда ничего не возмёшь... Не для себя, для вас всех стараюсь, а ты...

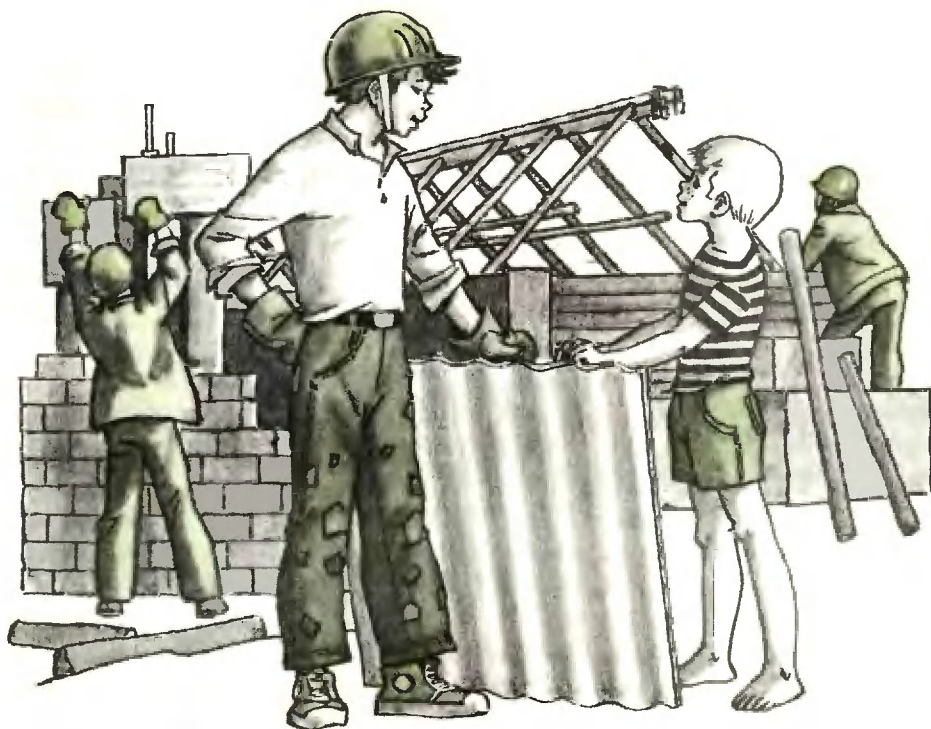
— И нам этого не нужно, если нет другого, главного! — так же громко сказал Аркадий Сергеевич; разговор на этот раз проходил не в сарае, а возле калитки. — Надо уважать и понимать людей, а не давить на них, не кричать и приказывать... В кого ты превратился! И сам мучаешься, и других мучаешь...

— Аркаша, поверь мне...

— Всё, папа. Ещё раз такое случится — беру от тебя Саню, Марину и Леру, и как-нибудь обойдёмся без свежего воздуха и твоих овощей.

«Вот так разговор! — подумал Вася и побежал дальше. — Теперь пусть тронет дед внука...»

Саньку он увидел сразу. Тот был, как заправский строитель, в каске, похожей на мотоциклетный шлем. Он подавал монтажникам, крепившим железобетонные плиты, болты, гайки и большие куски волнистого шифера.

Вася свистнул ему. Санька подошёл, вытер под ребристой каской лоб и протянул ему сильную руку с толстыми, в порезах и ссадинах, пальцами. Васина рука исчезла, утонула в его пятерне. Они отошли к вагончику, где жил прораб и была контора со столом и сейфом, и Санька спросил:

— Чего припёрся? Бычков ловить?

В какое-то мгновение Вася понял, что ему надо ответить так же грубовато и прямо.

— Да нет, на тебя позырить, на рабочего.

— Ну и зырь.— Санька улыбнулся. И при этом очень внимательно, как-то жалостливо даже посмотрел на Васю: — Что-то ты совсем худенький стал... Хочешь, на мизинце подниму? Родные бабки с утра до вечера заботами допекают?

— А что им ещё делать?

Глаза у Саньки вдруг стали совсем весёлые, и он плутовато улыбнулся:

— А ты, Васька, ничего паренёк, хотя и очень серьёзный... Котелок у тебя иногда варит... Как там идёт твоё строительство на участке?

— Да так себе... Штурвал в кабине корабля совсем расшатался, хочу укрепить — не выходит... Да и очень скучно стало после отъезда Андрюшки...— Глаза у Васи сами собой заморгали, и ему стало неловко.

— Эй, Санька, кончай перекур! Работа без тебя стоит! — крикнули ему монтажники, и он махнул Васе рукой:

— Некогда мне сейчас, Валяй к себе... Может, как-нибудь забреду вечером... Пламенный привет от строителей бабке Федосье и деду Демьяну!

Санька профессиональным жестом поправил каску и зашагал к свинарнику, а Вася понуро потащился в посёлок. Он ругал себя за то, что забыл рассказать Саньке о важном, нечаянно услышанном разговоре его отца с дедом.

Санька пришёл к нему в тот же день, после работы.

Вошёл он через заднюю калитку, и у Васи заколотилось от радости и тревоги сердце: как встретят его бабушки? Неужели папа с мамой не защитят? Санька сдержанно поздоровался с папой, бабушкой Надеждой и Алексеем Григорьевичем (он и сегодня работал у них, торопился сдать

«объект») и стал помогать Васе укреплять штурвал в кабине корабля под берёзой. Бабка Федосья, увидев Саньку, возмущённо выпрямилась и проворчала:

— Увидите ещё, во что это выльется!

— Вы опять за своё? — сказал папа. — Не ругать надо Васю, а радоваться. Я наградил бы Ваську, и знаете чем? Медалью Дружбы и Верности. За то, что не покидает Саньку в беде и всегда готов выручить, а Санька — его.

— Медалью... Выдумали чего... Много вы знаете!

— Ладно тебе, бабка, — не вытерпел Алексей Григорьевич, поглаживая большим пальцем горячий ещё молоток, — не того грызёшь, кого надо. Горячо парень живёт, по-доброму и не прячется за хитрость и ложь...

Мама вышла на крыльцо и крикнула:

— Саня, иди мой руки, сейчас ужинать будем!

Санька неуверенно вошёл на крыльцо, постоял, что-то решая для себя, и ступил через порожек.

— Ну как жизнь? — спросил папа и похлопал по стулу, приглашая Саньку сесть рядом с собой. — Пёстрая штука?

Санька присел, кивнул, и губы его привычно дрогнули, собираясь добродушно и беспечно разойтись в стороны, но на этот раз не разошлись.

— Энергии в тебе, Саня!.. — с завистью сказал папа. — Подключи тебя к гидроэлектростанции — без воды заработает, даст столько тока, что хватит осветить целый город. Нам бы такое, взрослым...

И тут Санька не совладал со своими губами.

— Не пробовал, — невнятно буркнул он, — не уверен.

— А я вот уверен, — проговорил папа, — только надо знать, куда и как подключить кабель, чтобы не вхолостую вертелись турбины...

Санька пожал плечами и снова задумчиво собрал расползшиеся в стороны губы. А Вася сидел и ломал голову: повлияет ли разговор Аркадия Сергеевича на деда Демьяна?

Во время ужина Санька держался у них просто, независимо, много, но не жадно ел и всё время посматривал на Васину маму и сильно покраснел, когда она однажды провела рукой по его коротким тёмным волосам. После ужина

Санька отвёл Васю на скамейку под берёзой и, вздохнув, совершенно неожиданно сказал:

— Моя мама тоже ничего не жалела для меня... Подарки перед днём рождения под мою подушку прятала, а я, дурак, частенько грубил ей, не слушался, огорчал. Думал, мама — это навсегда... — Санька вдруг отвернулся, скривил свои толстые губы, моргнул и отрывисто ляпнул: — К чёрту всё! Поехали завтра на Чёрное озеро, порыбачим, покупаемся, там тебе не Мутный пруд: песочек, тишина, глубокая, прозрачная вода, и можно спокойно поплавать и поймать настоящую рыбу... Ну как ты?

— Да я не против, — замялся Вася, — но ведь сам знаешь, как я езжу на велосипеде...

— Ерунда, скажи лучше — не боишься поехать со мной? Пустят тебя?

— Не пустят — убегу! — храбро блеснул глазами Вася. — Но я же так плохо...

— Дело какое, поедem на одном... Пошли копать червей...

Часа через два, когда черви были накопаны и ребята снова сидели на скамейке под берёзой, по улочке проходил Аркадий Сергеевич, увидел Саньку и вошёл на участок. Он был тоже большегубый, довольно широкий в плечах, но спокойный, сдержанный, и не снаружи, как у Саньки, а где-то глубоко внутри у него таились энергия и воля.

Бабушка Надежда пригласила его выпить с ними чаю, однако Аркадий Сергеевич отказался: поговорил о том о сём, потом взмахом руки подозвал к себе сына и, когда тот нехотя подошёл, спросил:

— Ну как, Санчик, пора домой?

— Пора. — Санька опустил голову.

Санькин отец повернулся к бабушкам и папе с мамой:

— Спасибо вам за всё. Приходите в гости.

И они ушли. Отец — впереди, Санька — сзади.

— Пусть почаще приходит к нам, — сказала мама, — ничему плохому, в сущности, он не учил Васю, наоборот...

— Ну да, не учил! — устало, негромко и уже без злобы, а скорей из упрямства сказала бабка Федосья.

Глава 20

ДВОЕ НА ОДНОМ ВЕЛОСИПЕДЕ

Санька сидел в седле и жал на все педали, а Вася примостился перед ним на раме велосипеда и чуть отклонил голову, чтобы не мешать смотреть вперёд.

Вася свесил ноги в одну сторону, и время от времени Санька мягко задевал его коленками и горячо дышал ему в шею и щёку. К раме были привязаны удочки, к багажнику — небольшой Санькин рюкзак с продовольствием. О том, что они собираются порыбачить на Чёрное озеро, каким-то образом пронюхал Эдька и стал со вздохами и обещаниями подкатываться к Саньке, упрашивать, чтобы взял его. Санька вместо ответа едва не стукнул Эдьку. Не был взят и Крылышкин, но совсем по другой причине: плохо ездил на велосипеде, а главное — хотел поехать тайно, потому что мама не пускала его далеко от дома. А с Санькой вообще запрещала ему водиться.

Васю тоже отпустили не очень охотно: бабушки не решались, но мама настояла.

Утро было тёплое, безветренное. Санька ехал легко, быстро и что-то громко напевал, что-то радостно-бессвязное, звонкое, задиристое. Если навстречу с тяжёлым ревом мчались самосвалы или совхозные машины с тёсом, панелями или мешками с удобрением, Санька рулил к обочине, если же бетонка впереди была пустая, он гнал как сумасшедший по самой середке. Так гнал, что завывало в ушах.

Больше часа катили они по твёрдой бетонке, потом свернули на мягкую просёлочную дорогу и ехали через густой смешанный лес. Он был наполнен тишиной и свежим влажным шорохом листвы, пронизанной косыми лучами раннего солнца. Чем дальше ехали они, тем хуже становилась дорога, изрезанная глубокими высохшими колеями, и Васю сильно трясло.

— Не выбей мне плечом зубы! — попросил Санька. — Меньше шевелись!

Вася сидел, боясь шелохнуться.

Никогда ещё не уезжал он так далеко без мамы и папы, и было немножко боязно и тревожно от этой беспредельности и насторожённости всё густеющего леса, от этих упругих еловых веток, иногда больно хлеставших его по лицу невесть за какие провинности, от этого совершенного безлюдья.

Вася не раз просил папу с мамой сходить на это красивое лесное озеро с песчаным берегом, с прозрачной ключевой водой и хорошей рыбалкой. Но родителям было всё некогда.

Скоро Санька свернул с дороги направо и поехал по неширокой лесной дорожке. Теперь Вася то и дело подбирал ноги, чтобы не задеть ствол берёзки, не обстрекаться о высокую крапиву, не поцарапаться о сухие нижние сучья ёлок.

Санька по-прежнему вовсю жал на педали, ритмично покачиваясь из стороны в сторону, переезжал через толстые, как вздувшиеся жилы, корни, перерезавшие дорожку, в одном месте лихо перескочил через валявшееся деревцо.

Спустя полчаса он свернул влево и поехал по длинной, росистой, голубевшей от колокольчиков просеке, мимо шеренги чёрно-белых, как шлакбаумы на переезде, берёзок,

мимо мощных, коренастых, плечистых дубов и тоненьких рябинок.

— А не заблудимся? — робко спросил Вася, не оборачиваясь. — Ты хорошо помнишь дорогу?

— А чего здесь помнить? Проще пареной репы! — в самое его ухо прогудел Санька. — Ты запоминай, а то вот нарочно убегу от тебя, тогда будешь знать!

Вася, откинув голову, громко засмеялся и нечаянно стукнул Саньку в подбородок.

— Бодаться? — крикнул Санька. — Сейчас столкну с машины, будешь бежать за мной, как цуцик...

— Не смей меня и не буду бодаться!

— Условия ставишь? Ну и ну! Я всерьёз говорю — не будь лопухом, не хлопай ушами и запоминай дорогу. Поедем в обратный путь — будешь мне показывать...

— Чего же ты сразу не предупредил? — спросил Вася. — Я бы раньше начал запоминать...

— Всё на дядю надеешься? — заметил Санька. — А сам-то, сам-то? До чего же вы с Крылышкиным похожи! Зачем тебе даны глаза и руки?

— Чтобы держаться за раму велика.

— Уж это точно! — засмеялся Санька. — Люблю тебя, Васька, за откровенность! Эх, если бы рукигодились тебе и для другого. Что из тебя получится? Нельзя быть таким робким...

— А вот Эдька... Он не робкий... Значит, из него что-то получится?

— Да что про него говорить! — рассердился Санька. — Он и быть никем не хочет... Всю жизнь будет ловчить, надувать, и ничего ему больше не нужно.

— Зато сколько он книг прочёл, — слегка поддел Саньку Вася, — наверно, больше тебя...

— Другие от книг становятся лучше, а он? Всё он делает для себя, хочет, чтобы весь мир вертелся вокруг него. Только ему должно быть хорошо, а на остальных наплевать! И на тебя, и на меня... На всех! Плевать вон с той высоченной сосны!

— А почему он такой, Сань?

— А ты как думаешь?

— Я? — чуть растерялся Вася. — Да никак... Не могу понять, и всё.

— А ты попробуй! Сам думай! А то всё живёшь и думаешь, как мама с папой велют, за их спину прячешься...

Это уж он слишком. Раззадорить, наверно, хочет.

— А ты знаешь, какой Эдька бывает нечестный? — начал Вася и подробно рассказал, как тот выдал себя за него, Васю, как без зазрения совести взял себе чёрный пистолет.

— А ты что, и не пикнул, и рта не раскрыл? — не поверил Санька.

— Да неловко было. И ничего такого я не сделал, только удочку протянул ему...

— Трижды слюняй ты — вот кто! — заорал Санька. — Таких, как Эдька, учить надо! Носом совать куда следует! Спесь и нахальство сбивать! А ты? — Санька весь клокотал от негодования, и Вася уже пожалел, что завёл об этом разговор.

— Сань, а кем ты будешь? — спросил Вася через несколько минут.

— Спроси что-нибудь полегче... — ответил Санька, помолчал, безостановочно вертя педали, потом сказал: — Неплохо бы придумать приборчик, который точно предсказывал бы землетрясения и помогал людям жить: направил стеклянный глаз на робкого, скучного человека, нажал кнопку — и человек стал совсем другой: храбрый, преданный, умный, весёлый... Да разве придумаешь такой приборчик? Бред, да и только! Если бы всё было так просто...

— А что ты будешь делать, когда вырастешь? — не отставал Вася.

— А я и сейчас не маленький! А когда буду ещё больше и ни от кого не буду зависеть, стану жить как хочу: в технический пойду или в университет или стану простым работягой — тоже ведь дело. Главное, чтобы нечестные, лодыри и лжецы боялись тебя и испарялись при твоём появлении, как вот эти капли росы от солнца. Люди должны жить по правде, хорошо и весело...

Вася молчал. Он был рад, что наконец-то выбрался в такую даль с Санькой, слушает такие взрослые и умные речи его, чувствует на щеке и шее его горячее дыхание, весь подчиняется упругой и весёлой силе его ног, упёршихся в педали.

Надолго ли их дружба? Разве Саньке так уж интересно с ним?

Нет, не надолго. И от предчувствия, что всё это когда-нибудь — и, кажется, очень скоро — кончится, оборвётся, Васе стало грустно. Когда грусть немножко прошла, он спросил:

— Сань?

— Ну чего тебе? Надоел ты уже своими вопросами, — сердито проворчал Санька. — Задавай последний вопрос.

— Только не обижайся и не злись... А твой дед — он почему такой?

— Про деда не отвечаю! Он мне дома осточертел! У меня с ним это давно и всерьёз, мы с ним на разных полюсах Земли, и я поехал сюда, чтобы не видеть его, а ты... Хотя со вчерашнего дня дед почему-то ни разу не крикнул на меня...

Вася про себя улыбнулся.

— Знаешь что? — сказал Санька. — Спрашивай лучше про Маринку.

— Идёт! — обрадовался Вася. — Она очень хорошая, Маринка, как родная тебе, а ведь не совсем же родная, дед вроде бы родней, а никакого сравнения, и со своей мамой она, по-моему, не очень...

— Думаешь, её мать плохая? — внезапно спросил Санька и поверг Васю в полное смущение, потому что он в самом деле думал: уж если не то, что она не плохая, то уж по крайней мере — не очень хорошая.

— Не думаю... — пролепетал Вася. — Я... я совсем не знаю её... Она ведь не злилась на тебя за то, что ты оторвал её от дела и попросил отвезти, и всё же деду в чём-то поддалась...

— Немножко, и всё равно она неплохая — это я недавно понял, — совсем неплохая, но времени у неё маловато на всё... Она же, кроме того, что инженер, она же ещё и наездница,

в манеж дважды в неделю ходит, холит свою Звёздочку, в соревнованиях участвует, призы когда-то получала и очень любит, чтобы это ценили в ней...

— Ну да! — вскрикнул от удивления Вася. — Первый раз слышу!

— Ты ещё многое будешь слышать в первый раз, — вздохнул Санька. — Время придёт умирать, а всё будешь слышать что-то новое...

— А ты? Ты тоже будешь? — в упор спросил Вася, дёрнул головой и опять чуть не стукнул Саньку по зубам.

— А я что, лучше тебя? — Санька резко отклонил назад голову.

— Не лучше? — искренне изумился Вася.

— Ни капельки... А про тётю Леру могу сказать: завтра студенты после работы придут к нам строить душ и сарайчик поправлять...

— Попросила их?

— Да вроде нет, сами решили...

— Даром будут работать?

— С какой стати! Но по ценам божеским, а не дедовским... Мне что: хотят — пусть приходят.

— Слушай, Сань, а взять Бориса...

Однако спросить про Бориса Вася не успел, потому что неожиданно они вылетели к озеру.

В стороны разбежались деревья и кусты, и перед ними открылось длинное озеро, наполовину зелёное от отражённых деревьев, наполовину синее от неба. И чего это прозвали его Чёрным? С одной стороны озеро было порядочно заболочено, обмётано ряской, в камыше и осоке, с другой — совершенно гладкое и чистое.

Санька затормозил и упёр в землю ногу.

— Ну стряхивайся, насилиу допёр!

Вася слез, чуть обидевшись на такие слова, подвигал затёкшими ногами. Попрыгал, кинул руку на руль, нажал рычажок звонка. Длинная прерывистая трель спугнула застоявшуюся утреннюю тишину.

Санька стукнул его по руке, и Вася отдёрнул её.

— Тебе что, тишина надоела? — Санька повёл велосипед

по берегу к низко склонившимся над водой толстым ивам.

— Сань, скупнѣмся! — заканючил Вася. — Здесь такая чистенькая водичка и жарко с дороги... И пить хочется... Сань!

— Напейся, но никаких купаний... Мы с тобой купаться поехали? Вначале дело, а потом забава... Запомнил?

Вася притих и не сказал больше ни слова, пока Санька не дошёл до длиннющей поваленной берёзы с чёрной бугристой корой у комля, перекинутой на небольшой, заросший ивняком и ольхой островок. Корень берёзы был наполовину выворочен, но она не погибла, а продолжала тянуть из земных глубин соки и была зелёной. Метрах в трёх под ней опасно чернела гладкая, застывшая вода.

— Где будем ловить? Здесь?

— Там, — Санька кивнул на небольшой островок.

— А как же мы туда доберѣмся?

— А мост на что? — сказал Санька. — Хочешь, я туда на велосипеде покачу и тебя ещё посажу на раму... Хочешь или нет?

Вася недоверчиво улыбнулся и пожал плечами: говорить «нет» было стыдно, а «да» — слишком ответственно. Вдруг Санька и в самом деле покатит по круглому стволу на велосипеде? От него всего можно ждать... Конечно же, он бултыхнѣтся с машиной в озеро!

— Там у меня вилла построена, — сказал Санька. — Знаешь, какой мой отец мастер строить шалаши, грести на байдарке и рыбачить?! Однажды мы с ним в его отпуск чуть не весь Селигер на байдарке объездили. А в этом шалаше мы три раза с ним ночевали... Классное местечко! А какой клѣв — это тебе не Бычий пруд!

Санька, придерживая велосипед за раму и багажник, маленькими шагами двинулся вперѣд, а Вася смотрел на него и с сосущим холодком в сердце понимал, что сейчас и ему предстоит идти туда же.

Санька ни разу не остановился, не оглянулся, он шѣл легко и быстро, словно десятки раз проделывал этот путь. Потом опустил велосипед на землю, спрыгнул вслѣд за ним и махнул рукой:

— Валяй!

Васе хотелось спросить его, глубоко ли здесь, как надо ставить ноги — вдоль или поперёк ствола: забыл посмотреть, как шёл Санька. Но стоило это спросить, как Санька засмеял бы его и мог бы ещё назвать трусом.

Вася взобрался на толстый, корявый ствол, раскинул для равновесия руки и стал осторожными шажками продвигаться вперёд.

— Быстрей иди! — приказал Санька. — Чем быстрей, тем легче! И забудь, что под тобой вода! Глубина тут пустяковая, до пупка тебе...

Вася пошёл по стволу в два раза быстрей и уверенней.

Он даже, наверно, шёл быстрее, чем следовало, потому что на самой середине этого высоко провисшего над водой моста нечаянно задел ногою за сук, потерял равновесие и, царапая о сучья лицо, ухнул в озеро.

Он даже не успел вскрикнуть и испугаться. Лишь успел зажмурить глаза и стиснуть губы, когда с разгона шёл ко дну. Всё тело враз скрутил свирепый холод. И то ли от этого холода, то ли от неожиданности свело левую ногу. Судорога? Было очень больно.

Вася выскочил вверх и стал бестолково барахтаться, будто не умел плавать. Он суматошно молотил руками по воде, рывком глотнул воздуха и опять начал погружаться. Уже у дна, забывшись, открыл рот и захлебнулся.

Вдруг он словно попал в какое-то сильное течение. Что-то упрямо тащило его вверх. Скоро Вася почувствовал под ногами дно, открыл глаза и увидел Саньку в мокрых джинсах, рубаше и кедах. Он выволок Васю на песок и принялся быстро и умело, как мама, раздевать.

— Ну ты что? Как сковырнулся?

Васины зубы неритмично выбивали дробь.

— Видали бы твои бабки! — усмехнулся Санька, раздел его, основательно выжал рубашу с шортами и принялся развешивать на кустах. Когда Санька стал стаскивать с Васи трусы, он запротестовал.

— Не бойся, здесь никого нет! Я тоже разденусь.

Оба они, как Маугли по индийским джунглям, голышом расхаживали по острову — замечательному острову с маленькими уютными заливчиками, с просторным и прочным, как дворец, шалашом, тщательно сплетённым из сучьев, с чёрным кругом кострища возле него.

Солнце набирало высоту — было, наверно, часов десять, в кустах изредка посвистывали птицы. Санька отвязал от рамы велосипеда удочки и, кивнув Васе, по едва заметной тропинке пошёл к заливчику с подковкой белого песка у воды. На песке были чётко отпечатаны лёгкие крестики птичьих следов. Наживили червей, забросили. И надолго притихли.

В поисках цветов над островом с голодным жужжаньем

летали пчёлы и шмели, синие стрекозы-стрелки висели над водой, садились на поплавки. В сторону высокого зелёного материка своим неаккуратным, хромающим лётom удалялась белая бабочка. Было очень тихо, свежо и таинственно.

— Хорошо здесь,— вкрадчивым шёпотом сказал Санька.— Жил бы и жил здесь, как островитянин, без деда, без Эдьки и всего прочего... Знаешь, что это такое—спать в нашей с отцом плетёной вилле, смотреть вечером на далёкие звёзды, до солнца просыпаться, слушать птиц, а потом красться с удочкой к этому заливчику? Знаешь, что это?

Вася вздохнул про себя и промолчал. Он и не думал, что Саньку волнуют не только отливки из свинца, гонки на велосипеде, постройки кораблей и весёлые дурачества на Мутном пруду...

Одно было не очень хорошо сейчас: они сидели в тени, и на них стали остервенело нападать комары и вонзать, как в школьном медкабинете шприцы, свои острые хоботы то в плечо, то в спину, то в живот или зад. Вася, не жалея себя, хлопал ладонью по комарам, и похожие на пощёчину звуки далеко разносились над водой.

— Не хлопай так громко,— попросил Санька. Он устался на поплавки и машинально, не глядя на комара, а по укусу догадывался, куда он сел, вежливо прихлопывал его.

— Я уже и так перепугал всю рыбу, свалившись с берёзы,— вздохнул Вася.— Ключет теперь?

— Ключет,— сказал Санька,— это очень рыбное озеро. Знаешь, сколько мы с отцом ловили здесь? Не поверишь! Здесь берёт такой крупный окунь и ёрш— пять штук едва влезают на сковородку. А какие вкусные! Ты любишь уху и жареную рыбу? Приготовим. Я и картошку, и всё, что нужно, прихватил.

Вася не любил рыбу—ни жареную, ни варёную,—но не мог же он сказать это сейчас Саньке.

Клевало неважно. За два часа они поймали десятка полтора небольших окуней, ёршиков и плотвичек, да разве дело было в этом? Санька достал из рюкзака закопчённый, с вмятинами котелок, сковородку, пакет с картошкой, перец

с лавровым листом и спичечный коробок с солью. Стоял полдень, одежда их высохла, и ребята оделись.

— Умеешь чистить рыбу? — спросил Санька, протянул Васе складной нож с костяной ручкой и, не дождавшись ответа, велел: — Принимайся... Рыбу чистят с хвоста... А картошку печёную ел когда-нибудь? Ведь не ел же, признайся?

— Сегодня буду есть...

— Будешь, — подтвердил Санька и хотел сказать, что Вася ещё маленький и у него много всего будет впереди, но Санька не любил поучать. Он с хрустом потянулся, свободно развернул крепкие плечи и, щурясь от ослепительного солнца, посмотрел в безоблачно-синее, бездонно глубокое небо.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i>	<i>Полосатый мученик</i>	<i>3</i>
<i>Глава 2.</i>	<i>Васино государство</i>	<i>10</i>
<i>Глава 3.</i>	<i>Санька</i>	<i>15</i>
<i>Глава 4.</i>	<i>Обида</i>	<i>22</i>
<i>Глава 5.</i>	<i>Скандал</i>	<i>30</i>
<i>Глава 6.</i>	<i>Факел</i>	<i>35</i>
<i>Глава 7.</i>	<i>Заговор</i>	<i>44</i>
<i>Глава 8.</i>	<i>«Папа, не бери его!»</i>	<i>51</i>
<i>Глава 9.</i>	<i>«Кис-кис-кис!..»</i>	<i>56</i>
<i>Глава 10.</i>	<i>Сверхсекретное</i>	<i>64</i>
<i>Глава 11.</i>	<i>Череп и две кости</i>	<i>75</i>
<i>Глава 12.</i>	<i>Работяги</i>	<i>87</i>
<i>Глава 13.</i>	<i>Куртки с красной рябиной</i>	<i>94</i>
<i>Глава 14.</i>	<i>Эдька, Крылышкин и другие</i>	<i>104</i>
<i>Глава 15.</i>	<i>Свинцовое сердце</i>	<i>112</i>
<i>Глава 16.</i>	<i>Скользкий берег</i>	<i>121</i>
<i>Глава 17.</i>	<i>Знакомство</i>	<i>128</i>
<i>Глава 18.</i>	<i>Пощёчина</i>	<i>136</i>
<i>Глава 19.</i>	<i>Медаль Дружбы и Верности</i>	<i>140</i>
<i>Глава 20.</i>	<i>Двое на одном велосипеде</i>	<i>149</i>

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Анатолий Иванович Мошковский

ДВОЕ НА ОДНОМ ВЕЛОСИПЕДЕ

ИБ № 3827

Ответственный редактор *Л. И. Дюкши*

Художественный редактор *Н. И. Комарова*

Технический редактор *Т. Д. Юрханова*

Корректоры *Э. Л. Лофенфельд* и *Е. Н. Щербакова*

Сдано в набор 30.11.78. Подписано к печати 25.05.79. Формат

70×90/16. Бум. офс. № 1. Шрифт литературный. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 11,7. Уч.-изд. л. 8,45. Тираж 100 000 экз. Заказ

№ 691. Цена 50 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издатель-

ство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат

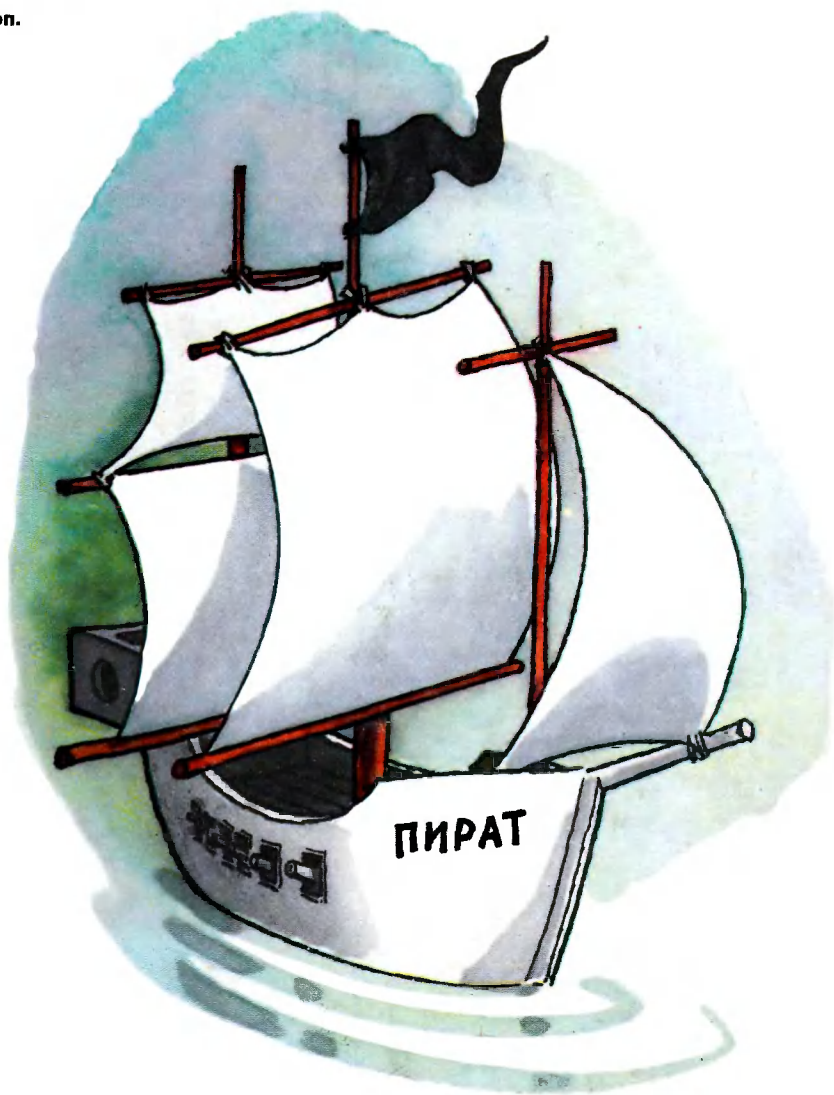
детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Гос-

комиздата РСФСР, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46. Набор

изготовлен автоматизированной системой «Союз» на ЭВМ Минск-32

50 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»